МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ
WORLD SENSATION

КАМИЛЛА ЛОРАНС

ЕДИНСТВЕННЫЙ, КОМУ ТЫ ВЕРИШЬ

Мастерски написанный роман о природе отношений, которые в современном мире связывают мужчин и женщин через экраны мониторов.

«Пари матч»

Единственный, кому ты веришь
Камилла Лоранс

Аннотация
Камилла Лоранс. Единственный, кому ты веришь. Роман
Пролог
I. Сдохни!
  1. Беседы с доктором Марком Б.
  2. Речь доктора Марка Б.
II. Личная история
  3. Черновик письма к Луи О.
Эпилог

Аннотация

Стремясь получить информацию о своем непостоянном любовнике Жо, 48-летняя разведенная преподавательница Клер создает на Фейсбуке фальшивый профиль. Представляясь яркой брюнеткой двадцати с небольшим лет, она вступает в переписку с ближайшим другом Жо. Невинный обмен сообщениями с Крисом перерастает в бурный роман. Зрелая женщина, которая хочет любить и быть любимой, постепенно оказывается в опасном зеркальном лабиринте, где уже не различить реальный и виртуальный мир, основанный на лжи, инсценировках и манипуляциях.

Камилла Лоранс
Единственный, кому ты веришь
Роман

Camille Laurens
Celle que vous croyez

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Éditions Gallimard, 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

Пролог

Аудиозапись показаний № 453AJ (из архива Национальной жандармерии в г. Р.)

Мы с ним беседовали минут двадцать он говорил об одной моей статье недавно опубликованной потому что писал на ту же тему меня заворожили его зеленые глаза и черные волосы в эти черные волосы хотелось запустить пальцы а на висках была седина серебристо-черные волосы зарыться бы в них лицом утонуть прикасаться к ним дышать ими и вдруг его голос изменился стал очень ласковым прямо-таки слащавым я услышала в нем нежность да-да нежное внимание он ответил какой-то студентке подошедшей с вопросом это была юная брюнетка с розовым шарфиком она о чем-то спросила его и он повернулся ко мне спиной вот так просто не извинившись не сказав ни слова как будто я перестала существовать пфф! повернулся спиной безо всяких там прошу-прощения-на-минутку-отвлекусь а я осталась стоять как распоследняя дура он даже не извинился моя улыбка застыла в пустоте и я увидела я словно увидела со стороны

эту свою дурацкую улыбку растянутые красные губы знаете ведь все мужчины обращают внимание на зубы разглядывают их как у лошадей на рынке щупают грудь задницу вы наверняка слышали о женщине повешенной за то что она убила мужчину который ее изнасиловал они взяли и повесили ее они нас уничтожают это же ненависть понимаете ненависть погодите-ка вот это было в новостях смотрите я вырезала из газеты и приколола к пальто послушайте: «У *входа на рынок висит объявление с расценками».* Вот именно так и написано! *«Девочка от года до 9 лет — 200 000 динаров* (*138 евро*). *Девушка от 10 до 20 лет —* 250 *000 динаров* (*104 евро*). *Женщина от 20 до 30 лет — 100 000 динаров* (*69 евро*). *Женщина от 30 до 40 лет — 75 000 динаров* (*52 евро*). *Женщина от 40 до 50 лет — 50 000 динаров* (*35 евро*)*».* Они продают женщин на рынке слушайте дальше: *«мужчины веселятся», «покупатели пересмеиваются», «женщины старше 50 лет на продажу не выставляются, поскольку не пригодны к использованию потребителями. Кроме того, их цена не покрывает расходы на питание и транспортировку от места захвата в плен до рынка. Некоторым удается уцелеть, приняв ислам, остальных, то есть большинство,*

убивают». Нет я не успокоюсь они торгуют нами они нас убивают с какой стати я должна успокаиваться да послушайте же они нас убивают просто уничтожают все это есть в газетах может быть не в тех которые вы читаете вы ведь все-таки мужчины это ваша работа и товар предназначенный для вас вот говорят с министром Макроном[1] дело нечисто жена у него на двадцать лет старше все потешаются мол каким же слабаком нужно быть размазней ничтожеством или обвиняют его жену в педофилии люди выражают отвращение какой кошмарный мезальянс и даже женщины зубоскалят они смеются над собственной объявленной смертью над приговором с отсрочкой исполнения живые покойницы сами этого не понимают мужчины убивали нас уже при рождении и не только в Китае или в Индии но и здесь «кто там у нас? девочка?» значит никто между прочим у Московиси[2] жена на тридцать лет младше о нем писали в газетах под заголовком «Красавица и министр» а Макрона называют

[1] Примечания: 1

Эмманюэль *Макрон* (р. 1977) был министром экономики, финансов и цифровой экономики Франции в 2014–2016 гг. (*Здесь и далее примеч. пер.*).

[2] Примечания: 2

Пьер *Московиси* (р. 1957) был министром экономики, финансов и внешней торговли Франции в 2012–2014 гг.

«соблазнителем старушек» никто нас не любит никто как же это ужасно идешь по улице видишь эти взгляды и чувствуешь что ты старая они словно требуют пошла вон сдохни от тебя несет смертью могилой плесенью вы видели Мадонну я о певице ее упрекают в том что она пытается «продлить свое существование» именно так это точная цитата из газеты из настоящей серьезной газеты «в пятьдесят пять Мадонна все еще полна надежд продлить свое существование» а что еще мы должны делать попытаться перестать существовать плюнуть на себя осознать что нам больше ничего не светит что нам здесь уже не место для меня здесь больше нет места но я не знаю куда деваться в ящик в гроб в кабак быть молодой и некрасивой так же неутешительно как быть красивой и немолодой женщины стареют а мужчины обретают зрелость ночью мужчина прекрасен а женщина плачевное зрелище пусть вас положат в гроб какая прозрачная ясность прозрачная ясность я прозрачна мой папа стекольщик исчезни ясно тебе усекла выметайся не догоняешь что ли вали отсюда сдохни

I
Сдохни!

Иди же! Умирай! Меня ты не любил![3]

Пьер Корнель

Порой несбывшаяся любовь разъедает душу.

Паскаль Киньяр

---

[3] Примечания: 3
Реплика из трагедии «Полиевкт» в переводе Т. Гнедич.

1
Беседы с доктором Марком Б.

Клер

Я уже десять раз все это рассказывала вашим коллегам, просто почитайте мою историю болезни.

Знаю, что вы здесь новенький, это очевидно. Ваше первое место работы? Вам ведь не больше тридцати.

Нет, вы не выглядите на тридцать.

Я смеюсь потому, что процитировала вам Мариво, а вы и не поняли. Надо думать, литература не входила в вашу программу обучения.

Но вы должны были догадаться о цитате — не знаю, по контексту, по интонации. Это же ваше ремесло — слышать звон и знать, где он. Динь-дон. Чок-чок. Кто тут у нас чокнутый?

У Мариво Араминта — красавица-вдова, и молодой управляющий хочет ее соблазнить — то ли потому, что влюбился, то ли потому, что позарился на ее несметное богатство. Неизвестно, искренен ли он в своих чувствах, когда пытается ею манипулировать. Но вы все-таки не Дорант,

вы здесь не для того, чтобы на мне жениться, верно?

Я когда-то выступала на сцене, да, недолго и очень давно. Мой муж был режиссером. Собственно, он и сейчас режиссер, продолжил карьеру. Мы познакомились, когда оба были студентами и играли в университетском театре. Сейчас кажется, это было вечность назад. И тем не менее, как видите, я даже помню наизусть некоторые реплики. И еще вы не могли не заметить, что я постигла искусство мизансцены. Однако не будем углубляться так сильно в мое прошлое и пускать по нему слезу, тем более что все уже написано вон там, в ваших бумажках. Что еще вам нужно?

Ах, вы хотите понять? Как я вас понимаю! И что же именно вас интересует?

Превосходный ответ. Вы делаете успехи. Кстати, как вас зовут?

Марк. Марк. Вы мне нравитесь, Марк, и я согласна с тем, что вы сказали: в каждом из нас живут всего лишь две интересные личности — та, что жаждет убивать, и та, что стремится умереть. Они представлены не всегда отчетливо и занимают неравнозначное место, но, когда удается их обнаружить, можно с уверенностью говорить: я знаю этого человека. Порой бывает слишком поздно.

Как мы до этого дошли? Мы? Очень мило с вашей стороны вписать себя в картину катастрофы, хотя сами вы здесь совсем недавно. Никто не упрекнет вас в том, что я оказалась в столь плачевном состоянии. Я сама до него «дошла» за последние… сколько я тут? Два… нет, три, два с половиной года? Или, говоря «мы», вы имели в виду «мы все»? Мы, данное заведение. Мы, специалисты. Мы, общество. Как же это мы допустили, что присутствующая здесь дама до сих пор находится на попечении государства и манкирует своими обязанностями, своим долгом, растрачивая попусту производительную и где-то даже воспроизводительную силу? Почему мы предоставляем кров и еду женщине в расцвете лет и всячески о ней заботимся, притом что она, без сомнений, еще вполне способна трудиться ради всемирного блага? Где это мы облажались? Такова суть вашего вопроса?

Преподавательница. Знание несу. Иногда спотыкаюсь под грузом.

Да, в университете. Специализация — сравнительное литературоведение. Была лектором, но мне обещали должность профессора, уже собирались рукоположить в сей священный сан и открыть врата в высший чиновничий свет,

преисполненный чудес. Для сорокасемилетней дамы это большое достижение и пример для всех остальных: вы ведь знаете, как мало женщин на руководящих постах, смехотворно низкий процент. Но вдруг — опа, большой облом! Меня скрутили, обследовали и до сих пор держат здесь под присмотром. Вы будете за мной присматривать, Марк? Не выпустите из кадра? Я здесь бесполезна, не могу отдавать свой долг обществу. Покойница в буквальном смысле: нахожусь на покое, лишена жизненных функций. Да, именно так — я перестала функционировать, сломалась, если хотите, сорвала резьбу, слетела с катушек, съехала с рельсов, я сдохла, а ваша задача — меня отремонтировать, привести в рабочее состояние, запустить механизм, реанимировать, короче, вернуть к жизни. Вы ведь этим и занимаетесь, да? Возвращаете меня к жизни. Хотите, чтобы покойница задышала. Кстати, уясните себе кое-что на будущее. Сегодня вы меня вызвали в оди… Что? Вам не нравится слово «вызвали»? Ладно, вы назначили мне встречу в одиннадцать, так вот на будущее, — если, конечно, у нас с вами есть будущее — имейте в виду, что по утрам я не в форме, не жизнеспособна, все утро я валяюсь в постели, как пьяная, потому что вечером прини-

маю валиум, а ксанаксом глушу себя позже, но иногда — только никому не говорите, это секрет — я его выбрасываю, ибо предпочитаю тоску забвению, ведь если человек несчастен, ему лучше об этом знать, вы не согласны?

* * *

Поначалу дело было не в Крисе, не в Кристофе. Вы ведь именно о нем хотите поговорить, я правильно понимаю? О составе преступления на почве страсти или, скорее, ее отсутствия. О моей сердечной скорби. Или вы предпочитаете, чтобы я рассказала о детстве, родителях, семье и прочую ерунду, все, как полагается?

Поначалу моей целью был не Крис. Он меня не интересовал, я его и знать не знала. Напросилась к нему в друзья в Фейсбуке только для того, чтобы получать новости о Жо. Я тогда встречалась с Жо, с Жоэлем. У Жо было мало контактов в социальных сетях, он френдил только тех, с кем водил знакомство в жизни, за исключением меня — Жо считал, что любовники не могут быть френдами. А у Криса, как мне сказал Жо, были сотни друзей, он в Фейсбуке проводил много времени под ником KissChris и с легкостью набирал лайки, что приводило Жо в восхищение. У вас есть аккаунт

в Фейсбуке, Марк? Вы понимаете, о чем я говорю? Не надо вам переводить?

Всякому, кто более или менее знал Жо, его слишком уж скромное, почти застенчивое поведение в соцсетях показалось бы странным, потому что во всем остальном он не признавал никаких ограничений, реально был без тормозов, ну разве что не убивал людей направо и налево. Впрочем, есть много способов убийства. Жо мог в мгновение ока уничтожить человека словом или даже молчанием. Вам, вероятно, известно, что женщины больше всего на свете боятся быть брошенными? Конечно, известно, об этом написано в ваших книжках. Так вот, Жо бросал меня по десять раз на дню. Наверное, его можно назвать психопатом. Он определял больное место (ведь психопаты — это в своем роде лучшие знатоки женской психологии), находил трещинку в сердце и потихоньку вбивал туда клинья, лишая жизненной энергии, разбивая надежду на счастье. Брал тебя за руку — и тут же отталкивал, вот так, без видимой причины, просто потому, что ты на него рассчитываешь, потому что доверилась. В последнее время я перестала рассказывать ему о своих увлечениях, говорить о том, что мне доставляет удовольствие, иначе

он сделал бы все, чтобы меня этого удовольствия лишить. Когда становилось совсем невыносимо, я от него уходила, но никогда не разрывала отношения окончательно. И он вдруг звонил мне — само очарование, или я ему — сама нежность, и все начиналось заново, из месяца в месяц. Не спрашивайте меня почему. Я тогда развелась с мужем и не могла оставаться одна, я жаждала любви, хотя бы заниматься любовью, говорить о ней, верить в нее. Помните песню? «Мы хотим жить, надо ли знать зачем».

Нет, никогда. Жо никогда не причинял мне физической боли. В этом не было необходимости. Психологическая жестокость — вот высший пилотаж, а оплеухи — удел начинающих садистов.

Трудно сказать. Влечение — дело загадочное. Мы все хотим получить от другого человека то, чего у нас нет, или то, что у нас было, но потерялось. Раньше я бы сказала, что все хотят одного и того же — вернуть кусочек старого доброго прошлого, даже если оно протухло и сгнило. Снова пережить любовную тоску. Снова и снова бросаться грудью на огнемет. Но с тех пор, как со мной случилась эта история, я уже ничего толком не знаю. Я думала, что можно изменить саму природу влечения, вырвав его с корнем и

пересадив в новую почву — помягче, потучнее. По крайней мере, можно попытаться. Ведь если все предопределено и ты знаешь, чем это закончится, как-то грустно жить, говорила я себе.

Да. Когда наше очередное расставание слишком затянулось и я уже извелась, не получая вестей от Жо, — он исчез, просто исчез! — мне пришло в голову создать фальшивый профиль в Фейсбуке. До этого я туда редко заглядывала, у меня была страница под моим настоящим именем, Клер Милькан, в профессиональных целях — я обменивалась информацией с иностранными коллегами и переписывалась с бывшими студентами, совсем редко и без особой охоты. А потом вдруг я попалась на эту удочку, ушла в Фейсбук с головой. Для людей, которые, подобно мне, не выносят разлуки, — у вас ведь так и написано там, «не выносит разлуки»? — для нас разлука как пищевая аллергия. Разлучите меня с кем-нибудь — и у меня случится отек Квинке, затем я начну задыхаться, подыхать — и сдохну. Для таких, как я, Интернет — это одновременно кораблекрушение и плот, мы погружаемся в ожидание, тонем в страхе, отказываемся признать, что все кончено, и вдруг выныриваем в виртуальной реальности, хватаемся за ложные присутствия, за призраков,

которыми населена Сеть, вместо настоящих тех, с кем нас разлучили, вместо того чтобы расстаться с ними навсегда или опять воссоединиться. И пусть лишь зеленый огонек говорит нам о том, что они еще на связи. Ах, до чего же приятно было видеть этот зеленый огонек! Он действует успокаивающе. Даже если человек вас игнорит, вы знаете, где он — вот же, здесь, на вашем экране, в каком-то смысле зафиксирован в пространстве, пойман во времени. Особенно если рядом с зеленым огоньком написано «Web». Тогда даже можно представить себе, что тот, с кем вы разлучены, сидит у себя дома, за компьютером; это дает вам ориентир в пространстве бреда, состоящем из тысячи предположений. Но когда рядом с огоньком стоит пометка «Mobile», это лишь добавляет вам беспокойства. «Мобильная связь». Мобильная, понимаете?! «Мобильный» означает «в движении, бродячий, вольный как ветер»! Это означает, что за ним не угнаться. Он может быть где угодно со своим телефоном. И все же вы хотя бы знаете, чем он занят, по крайней мере догадываетесь, а это уже само по себе приближает вас к нему и успокаивает. Вы приходите к выводу, что занят он чем-то не слишком увлекательным, если каждые десять минут заходит на свою страницу

в Фейсбуке. Быть может, он тоже наблюдает за вами, прячась где-то там, за вашей «стеной»? Так дети подглядывают друг за другом. Вы слушаете те же песни, что и он, почти в реальном времени, сосуществуете с ним в музыке, вы даже танцуете под мелодию, ритм которой он отбивает пальцами. А когда он уходит в офлайн, вы открываете его профиль и изучаете информацию о последней активности. Вы, к примеру, можете понять, в котором часу он проснулся, — ведь ясно же, что первым делом после этого он открыл ленту друзей. Еще вы обнаружите, что днем он смотрел вот на эту фотографию и оставил под ней коммент. Что ночью его мучила бессонница — ему и писать-то об этом не обязательно. Вы превратитесь в рапсода — «сшивателя песен», начнете плести полотно догадок, латая дыры в сети. Не зря же это называется Сетью. Здесь можно быть и рыбаком, и пойманной рыбой. Но рыбак и рыба взаимосвязаны, один существует ради другой, посредством другой, они объединены сетью, Сетью, общей религией. Не общаются, но сообщаются.

Ну, разумеется, это больно, тоже больно: человек где-то там, в Сети, он доступен, но не с вами. Можно столько всего себе навоображать, и вы воображаете, строите предположения, просмат-

риваете страницы его новых друзей и подруг в поисках какого-нибудь поста, который расскажет вам о нем; пытаетесь расшифровать даже самые незначительные комментарии, складываете так и эдак мозаику из профилей и событий, переслушиваете снова и снова песни, которые он загружал, стараетесь истолковать их тексты, выясняете его предпочтения, разглядываете фотографии, прокручиваете видео, вычисляете местоположение, выясняете, на какие мероприятия он собирается сходить, лавируете на своей подводной лодке в океане лиц и слов. В какой-то момент вам начинает не хватать воздуха, вы задыхаетесь на борту этой подлодки, куда вас затолкали и забыли. Да, это больно. Но еще больнее не знать о нем совсем ничего, быть отрезанной раз и навсегда. «Я знаю, где ты» — эта фраза была жизненной необходимостью для меня, понимаете? Почти как в той надписи на могиле какого-то американца на кладбище Пер-Лашез… когда-то я любила там гулять… Жена выгравировала на его надгробии: «Генри, наконец-то я знаю, где ты будешь спать сегодня ночью». Здорово, правда? Вот и в Фейсбуке почти так же, с той разницей, что человек жив, но при этом у него есть постоянное место прописки, он частично лишен свободы

передвижения и всегда остается на известной территории. На оккупированной. Так что тот крошечный зеленый огонек в списке контактов поддерживал во мне жизнь, как перфузионная трубка, как ингалятор. Он помогал мне дышать. А иногда по ночам он становился моей утренней звездой. Не буду вам это объяснять. Просто констатирую факт. У меня был оазис посреди пустыни, ориентир. Без него я бы умерла. Понимаете? Умерла бы.

А теперь можете вслед за вашими коллегами рассуждать о том, что все сказанное мною свидетельствует о моей синкретической связи с матерью, о невозможности разорвать воображаемую пуповину, о фрустрации и tutti quanti[4]. Но не вздумайте при этом заявлять, что у меня была… что у меня *есть* возможность переключиться на другое — на работу, друзей, детей. Я сама ребенок! Ясно вам? Ребенок. Ребенком можно быть в любом возрасте. Надеюсь, где-нибудь там, в моей истории болезни, написано, что я ребенок?

Что значит быть ребенком? Как вам сказать… Это значит нуждаться в чьем-то внимании. Хотеть, чтобы тебя убаюкивали.

---

[4] Примечания: 4
Обо всем таком прочем (*ит.*).

Ну да, пусть даже иллюзиями, почему нет? Иллюзиями тоже можно убаюкать. Глядите, как вы обрадовались! Довольны собой? «Даже иллюзиями?» — вкрадчиво так уточнили. Вы, кстати, врач или просто психолог? Чувствуете разницу? Что мне не нравится в вашем ремесле, в этой вашей как бы «науке», так это ее неспособность ничего изменить. Вы можете объяснить человеку, что с ним происходит и что происходило раньше, но это его не спасет. Не важно, понимает человек причину своих страданий или нет — он все равно страдает. Никакой от вас пользы. Нельзя склеить разбитые надежды. На заштопанных простынях неудобно спать.

Вы мне так и не ответили, Марк, есть ли у вас аккаунт в Фейсбуке. Что, ни за кем там не шпионите, да? Вам, надо полагать, всего этого хватает на работе.

В общем, поскольку у меня не было возможности общаться напрямую с Жо, я отправила запрос в друзья Крису, тому самому KissChris. Он должен был стать идеальным посредником, потому что с некоторых пор поселился у Жо. Познакомились они лет за десять до этого в редакции «Парижьен» — Крис работал фотографом, Жо проходил стажировку. Обоим было лет по двадцать пять.

Насколько я поняла, два-три года они вместе неслабо отжигали, а потом разругались насмерть — из-за работы, девчонки, травки или бабла. К тому времени, о котором я говорю, их помирил общий знакомый, третий участник той веселой банды. Крис как-то выкручивался, зарабатывал при случае фоторепортажами, портретной съемкой, но в основном жил на пособие. А Жо, богатый бездельник, как раз собирался переехать в загородный дом родителей под Лакано, на берегу залива Аркашон, — чудесное местечко, у меня о нем сохранились волшебные воспоминания. «Время проходит, воспоминания остаются», как пишут в эпитафиях. Ведь у нас с Жо были и счастливые моменты. Несколько счастливых моментов. Наверное, у всех они бывают, можно немножко накопить. Родители Жо унаследовали приличное состояние от какой-то бездетной родственницы, и деньги для него не были проблемой. Он увлекался музыкой — так, не серьезно, — но его мать хотела, чтобы к сорока годам сын был при деле, хотя бы формально, и семейство назначило его сторожем, садовником, сантехником и электриком летней резиденции. Разумеется, толку от него в этих сферах деятельности не было никакого. В Париже Жо приглашал меня к

себе довольно редко… иногда я говорю себе, что главной причиной его переезда в провинцию было желание усложнить для меня возможность с ним видеться… Но одиночество он терпеть не мог и предложил Крису пожить у него. Маргерит Дюрас где-то писала, что мужчины любят время от времени побыть в чисто мужской компании, чтобы отдохнуть от собственного интереса к женщинам — слишком не похожим на них и утомительным. Женщины постоянно требуют каких-то усилий, а им лень, ну, во всяком случае, надолго их не хватает. Если только потрахаться. Они успокаиваются, обеспечивая друг другу суровую мужскую поддержку, и в этот момент им женщины не нужны. Еще я думаю, Жо хотелось вспомнить молодость, повторить ее. Он всегда боялся старости. В собственном сознании Жо оставался восемнадцатилетним, фантазировал о молоденьких девчонках, о девственницах… вы в курсе, что слово «тинейджер» наряду со словом «секс» — самый популярный в мире запрос в поисковой строке Гугла? Короче, Жо верил, что пленку можно отматывать назад и запускать киношку заново бесконечное количество раз. Вот этим они с Крисом и занимались. Крис поселился в одном доме с Жо, как в старые добрые времена.

Нет, я тогда в глаза не видела Криса. Жо упоминал о нем пару раз, вот и все. Думаю, он просто не хотел нас знакомить, потому что был ужасно ревнив, хоть и старался это скрывать. Постоянно боялся, что у него отберут то, чем он обладает, даже если ему самому это уже не нужно. То, что было потеряно для Жо, не должно было достаться никому другому. Все, что переставало существовать для него, обязано было исчезнуть и для остального мира. В одну из наших последних встреч в Париже, перед расставанием, Жо показал мне несколько фотографий, которые Крис сделал и запостил в Фейсбуке, чтобы вызвать к себе интерес, «замутить хайп», как сказал Жо. Он не церемонился со своим «закадычным корешем», считал, что Крис и не думает искать работу — в Лакано тот хорошо устроился, накормлен и напоен, ему тут тепло и не дует, чего дергаться? Амбиций у Криса хоть отбавляй, но он собирается стать знаменитым и пальцем не пошевелив — разве что указательным, чтобы нажать на спуск затвора. Дескать, ждет, что в один прекрасный день его заметят и сразу объявят новым Депардоном[5], смеялся Жо. Между прочим, фотографии

[5] Примечания: 5
Депардон Раймон (р. 1946) — французский фотограф и фоторепортер.

оказались неплохими, я разглядывала их с интересом, но только потому, что в тот момент была с Жо. Потому что Жо был рядом со мной.

С Крисом? Нет, до определенного момента я его не только не видела, но и не разговаривала с ним. Впрочем, вру, однажды ночью мне приснился кошмар, и в результате я кое-что вспомнила. Рассказать вам, нет?

Ага, кошмары вас тоже интересуют. Ладно. Мне приснилось раннее утро. Представьте себе: я, элегантно одетая и накрашенная, вхожу в аудиторию — у меня лекция, — направляюсь к кафедре, и в этот момент все люди, сидевшие на скамьях, встают. Все как один одеты в синее и все как один показывают мне кулак с направленным вниз большим пальцем. Они с оглушительным шумом спускаются по ступенькам, не удостоив меня и взглядом, а затем молча покидают помещение. Я остаюсь одна за кафедрой, будто на троне, королева без подданных; мне страшно, я оборачиваюсь и вижу слово, написанное на доске заглавными буквами, как смертный приговор, — заглавными об обезглавливании. Тут я резко проснулась с колотящимся сердцем и с тем словом перед глазами. Возьмите ручку, вам надо его записать, этого наверняка нет в истории болезни.

Что, не хотите? Вы, стало быть, не обязаны записывать что ни попадя, всякие пустяки, да? Ах, вы очень внимательно слушаете?

Так вот, то, что я прочитала во сне на доске, помогло мне вспомнить реальный случай в жизни. Как-то вечером я позвонила Жо в Лакано — я регулярно звонила, чтобы не терять с ним связь. Любовную связь. То, что от нее осталось. Обычно он не отвечал, но в тот вечер снял трубку. Он был пьян или обкурен, а может, и то и другое, потому что разговаривал угрюмо и агрессивно. Обвинил меня в том, что я за ним шпионю и постоянно звоню только для того, чтобы проверить, дома он или нет, поскольку хочу его контролировать. А потом Жо передал кому-то трубку — он часто так делал, если разговор ему наскучивал; иногда мог просто остановить прохожего на дороге и, не предупредив меня, попросить его сказать что-нибудь в телефон. Вот и тем вечером я вдруг на середине фразы услышала чужой голос. Мне сказали: «Привет». И еще: «Успокойся уже». Это был Крис, до меня только потом дошло. В ответ я возмутилась, заявила, что не собираюсь успокаиваться, что я в бешенстве. Поступок Жо меня разозлил, хотя раньше я могла и посмеяться вместе с каким-нибудь незнакомцем, зацепленным им на улице…

Но на этот раз парень на другом конце линии не показался мне забавным: он мне «тыкал», его голос был пьяным и снисходительным. «А ты не старовата для игры в ревность?» — сказал он мне. Я взбесилась, потребовала отдать трубку Жо. Он фыркнул в сторону: «Отстойная у тебя телка, — и затем продолжил, обращаясь ко мне: — Ты что думаешь, тебе все позволено? Думаешь, всякая хрен знает кто может сюда звонить и что-то требовать?» — «Я не всякая! — заорала я. — И уж, по крайней мере, не содержанка, в отличие от тебя! Я не живу за его счет!» Тут я услышала, как парень, по-видимому, затянулся сигаретой, выпустил дым и, перед тем как бросить трубку, так и не передав ее Жо, прошипел: «Сдохни!»

Сдохни.

Этим словом можно убить.

Некоторые из окна прыгают и по менее серьезной причине, верно? В нашем заведении таких прыгунов полно. Они все упали под ударами слов.

«Сдохни». «СДОХНИ!» Чужие слова преследуют их, как злые духи. Чужие голоса отдают им приказы, которым нельзя не повиноваться. Назовем это текстуальными домогательствами, ха-ха. Как видите, словесные игры я тоже люблю. Мы с вами

поладим.

Короче, я клоню к тому, что все, случившееся потом, совершенно невозможно было предугадать или просчитать. Когда я создавала фальшивый аккаунт в Фейсбуке, Крис был для меня паразитом, грубияном и женоненавистником, врагом моего и без того непрочного союза с Жо. Я и не думала вступать с ним в переписку, мне всего лишь нужен был доступ к новостям о моем Жо.

«Сдохни».

В итоге я так и сделала, правда же? В конце концов подчинилась приказу. Здесь я не живу. Вы именно обо этом думаете, да? Повелительное наклонение психи воспринимают как приказ, не подлежащий обсуждению, верно? Ну, говорите же, вы ведь думаете именно так? Однако приказ может отрикошетить в того, кто его произнес. «Сам сдохни!» От психов всего можно ожидать.

У вас там написано, что я — псих?

Может, все женщины чокнутые?

Поскольку Крис позиционировал себя в Фейсбуке как профессионального фотографа, я выбрала для аватарки образ девушки, увлеченной искусством фотографии, и загрузила в свой профиль картинку, найденную в Гугле. На ней брюнетка, лицо полностью закрыто «Пентаксом», видны

только черные волосы — по снимкам подружек Криса я поняла, что он предпочитает брюнеток. В профиле я указала, что мне двадцать четыре года (на двенадцать меньше, чем Крису, хотя на самом деле на двенадцать больше) и что живу я в окрестностях Парижа, но редко бываю дома, поскольку много путешествую, — в общем, приняла меры предосторожности на всякий случай. Перед тем как отправить Крису запрос на добавление в друзья, я, чтобы не вызвать у него подозрений, обзавелась парой десятков контактов среди незнакомцев, связанных с фотографией или с модой, таких же, как он — cool, swag[6], общительных бездельников, довольных собой, in love with life[7]. Крис тотчас меня зафрендил и даже проявил инициативу: первым начал переписку, потому что я лайкнула одну из его фотографий. Кажется, это было в начале года, в январе. Мы с Жо поссорились в сочельник — во время праздников люди становятся уязвимее, еще острее переживают одиночество, если вдруг остаются одни, и Жо не мог упустить такую возможность: он бросил меня в канун Рождества. Так что я

[6] Примечания: 6
Крутых, гламурных (*англ.*).

[7] Примечания: 7
Влюбленных в жизнь (*англ.*).

очень обрадовалась неожиданному посланию, полученному от Криса через несколько дней, хотя в нем и не было ничего особенного: «Рад, что тебе нравятся мои работы, спасибо, с Новым годом. Меня зовут Кристоф, для друзей — Крис». Вот и все, никаких попыток меня закадрить, просто вежливая благодарность.

Зато таким образом установился контакт. Я ответила, что восхищаюсь его работами и даже была на его выставке в прошлом году на улице Лепик (я видела вывешенный на странице Криса флаерс: какой-то бар-галерея предлагал на продажу широкоформатные фотографии). Он спросил, не встречались ли мы там случайно, я написала, что его не было, когда я приходила. Параллельно не забывала прочесывать его страницу на предмет информации о Жо. Правда, попадалась всякая ерунда: Жо на снимке, переодетый в садового гнома, и под ним иронический коммент: «Мой кореш — спец по развешиванию ботвы». Хоть что-то — связаться с ним напрямую я все равно не могла.

Общение с Крисом развивалось легко и непринужденно. Он поинтересовался, чем я занимаюсь, живу ли в Париже. Я придумала себе временную работу, связанную с организацией модных

показов. Мол, получаю гроши, оформлена как фрилансер, зато не скучно: все время в разъездах, общаюсь с новыми людьми, тружусь на собственное резюме, мне ведь, в конце концов, всего двадцать четыре. А живу в Пантене[8].

О моде я упомянула, чтобы подогреть его интерес; о разъездах — чтобы обеспечить себе отмазку на случай, если Крис вдруг решит пригласить меня на свидание (я не исключала такого поворота событий). В командировки, дескать, как правило, приходится срываться неожиданно и в последний момент — босс может дать отмашку в любое время, благо я не замужем и ни с кем не встречаюсь. Спросила, как обстоят дела у Криса. А он живет в Лакано, в загородном доме приятеля в двух минутах от океана, и там просто шикарно (еще бы! Прочитав это, я задохнулась от ревности — Крис занял мое место, это я должна быть там, рядом с Жо!). Они оба собираются махнуть на несколько месяцев в Индию, в Гоа, будут снимать там документалку о повседневной жизни простых людей, чтобы поведать миру о нищете и несправедливости. Еще его приятель надеется обзавестись друзьями среди музыкантов. А сам

[8] Примечания: 8
Пантен — коммуна рядом с XIX округом Парижа.

он подумывает о книге. Что, нашел издателя? Ну, вообще-то нет пока, но многие редакции уже сильно заинтересовались.

Конечно, я потешалась от души, читая откровения Криса. Жо озаботился нищетой и несправедливостью?! Для этого нужна способность к сопереживанию, а он ее начисто лишен. Другие люди, за редкими исключениями, не существуют для Жо, вокруг себя он видит лишь статистов без эмоций, животных, подчиненных инстинктам, и вещи, которые можно отбросить с пути одним пинком. Но может быть, Крис совсем не такой? Я сразу об этом подумала. То есть понадеялась. Его манера писать, простая и любезная, его вежливость, сдержанность, доброжелательность — все отличало Криса от Жо настолько, что я даже, как видите, совершенно позабыла об этом его «Сдохни!». Вместе с тем меня ужасало, что Жо намерен уехать так надолго — Лакано все-таки не дальний свет, мысль о том, что Жо находится в пределах досягаемости, успокаивала. В своем воображении я могла бы туда отправиться, долететь на птичьих крыльях. В Гоа — нет.

Очень скоро я увлеклась игрой — и очень скоро игрой это быть перестало. В первое время я со всех ног бежала домой, едва закончив лекцию в

универе, и сразу усаживалась за ноутбук. «Мам, да ты теперь реальный гик!» — смеялся мой старший сын; ему тогда было тринадцать. На свою настоящую страницу в Фейсбуке я заглядывала лишь краем глаза — знала, что ничего любопытного меня там не ждет, — и сразу же открывала вымышленный профиль.

Псевдоним я подбирала со всей тщательностью: оставила свое имя Клер, приняв во внимание его иронический смысл[9], а фамилию к нему добавила, во-первых, иностранную, во-вторых, писательскую — Антунеш. Вы читали Антониу Лобу Антунеша, Марк? Какое упущение! Это великий португальский писатель и, между прочим, психиатр по образованию. Но сейчас он вроде бы не работает по специальности, только пишет. А собственно, чем еще заниматься?

Иностранную фамилию я взяла не случайно — чтобы можно было «вернуться на родину», если понадобится. Я немного говорю по-португальски… и потом, понимаете, фаду, саудади — все это мне близко. В общем, Клер Антунеш. В выборе личности всегда остается что-то необъяснимое, согласны? Как в романах. Я ведь пишу роман,

[9] Примечания: 9

Имя Клер (Claire) по-французски означает «ясная, прозрачная, светлая».

знаете ли. У нас тут есть литературный кружок. Пишу, но никому не показываю. Никто его еще не читал, кроме Камиллы. Это она организовала литературный кружок, вы с ней знакомы? Я уже приближаюсь к финалу.

Так вот, начиналось у нас с Крисом все потихоньку. Мы обменивались сообщениями каждые два-три дня, постепенно узнавали друг друга. Вернее, я узнавала его, а он — Клер Антунеш, девицу двадцати четырех лет, внештатницу, работающую по трудовому договору, немножко застенчивую и не слишком активную в Фейсбуке (у меня было всего три десятка френдов), любительницу фотоискусства, хорошего французского шансона и путешествий. Крис считал ее «крутой» — cool, он использовал это английское словечко очень часто и по отношению ко всему на свете; мог так сказать о пейзаже, о музыке, о человеке. Поначалу я выжидала несколько часов, перед тем как ответить на его месседжи, потом стала заходить в Фейсбук поздно вечером, когда Крис почти безотлучно был в Сети, — мне весело светил зеленый огонек! — и мы стали переписываться онлайн. Меня по-прежнему интересовало, что делает Жо, и я пыталась разузнать у Криса о жизни в Лакано: не скучно ли ему в опустевшей

на зиму деревеньке, чем он занимается целыми днями. Крис писал, что ему ничуть не скучно — он любит одиночество, что свет над океаном сейчас волшебный, и это cool. Спрашивал, как дела у меня. А у меня все было наоборот — нескончаемые разъезды и общение с новыми людьми. «Вау, это же cool!» Надо признать, разнообразием наши диалоги не отличались, и порой я начинала скучать — мне не хватало резкости Жо, его чувственности, злобы и сарказма. С Крисом мы общались как-то по-бойскаутски, если вы понимаете, о чем я. Но вы, Марк, конечно же все понимаете. Со своей стороны я старательно подбирала слова и периодически нарочно делала орфографические ошибки (честно говоря, это требовало усилий — терпеть не могу издевательства над языком. Язык — отражение моей жизни. Когда решу окончательно сдохнуть, я замолчу). Крис тоже порой допускал ошибки, но не слишком часто и в основном те, что характерны для всех моих студентов: путал на письме будущее время с условным наклонением, игнорировал правила согласования причастий прошедшего времени, ну и прочее в таком духе. Я научилась пользоваться сокращениями, щедро разбрасывала смайлики и сыпала английскими словечками

— «френды», «лайки», «початимся», «кул». Вот это уже было нетрудно — дети исправно пополняли мой словарный запас. Тогда они жили неделю у меня, неделю у своего отца — мы так договорились во время развода.

Ну, естественно, я по ним скучаю. Что за вопрос? Но я не хочу их видеть. I prefer not to[10].

Я старалась почаще льстить Крису, ведь мужчины любят лесть, но… Да, а вы не замечали? Ах, это потому, что вы мужчина и к тому же психолог! Фрейд приписывал нарциссизм исключительно женщинам. «Женщина любит только саму себя» и так далее… Ну да, возможно, он имел в виду не всех женщин, вы знаете Фрейда лучше, чем я. И тем не менее ничего подобного он не говорил о мужчинах. Мужской нарциссизм не входил в интересы Фрейда, разве нет? Кстати, я отпускала Крису комплименты вполне искренне — он был талантливым фотографом, а я дилетанткой, поэтому восхищалась его техникой и «особым взглядом», способностью поймать мгновение. Он обещал меня всему научить, уверял, что это несложно, главное — правильно выстроить кадр. «Я тебя научу», — говорил он и таким образом

---

[10] Примечания: 10

Здесь: предпочитаю не видеть (*англ.*).

разворачивал передо мной наше совместное будущее IRL — in real life[11], — рисовал перед моими глазами нас обоих друг подле друга. И меня охватывали тревога и тоска, как всегда в те моменты, когда приходит осознание несбыточности того, от чего ты еще не успела отказаться. Смириться с тем, что не можешь что-то осуществить, — вот это, наверное, и есть счастье. Выйти из поля зрения, когда не попадаешь в кадр. Вырваться из рамок.

Впрочем, здесь-то я постоянно в рамках. В кадре. Тут есть четкие границы. Я как будто все время на фотографии.

Ваша обязанность — держать меня в кадре, Марк? Или, скорее, вернуть мою фотографию в рамку. А если я откажусь в нее вписаться? Как нам тогда быть? А? И кому будут принадлежать права на контент? Ведь его создают сообща. Как любовь. У каждого есть право на любовь, но это право можно уступить третьим лицам.

Да, вернемся к Крису. Вскоре он очень деликатно попросил меня прислать свою фотку, потому что, как он написал, ему ужасно хотелось меня увидеть. Поскольку на моей аватарке лицо было

---

[11] Примечания: 11
В реальной жизни (*англ.*).

скрыто, Крис предложил отправить вторую фотографию ему в «личку», в ЛС, если я не хочу светиться. Думаю, моя застенчивость ему нравилась, а таинственность, созданная мною, возбуждала. Ему хотелось таких вот привилегированных отношений — с женщиной, принадлежащей только ему. Разве можно за это осуждать? Перед тем как попросить у меня фотографию, Крис откомментировал ту, что была в моем профиле. Ту, на которой видны только «мои» волосы. Он представлял себе, что за фотоаппаратом, за этим черным забралом, скрывается сказочно прекрасная девушка. И ему нужны были доказательства…

> «Что, фотографию? Вы хотите сказать, еще одну? Да нет, не против, что тут такого…»

Второй снимок я выбрала наугад, как и первый. Вбила «красивые брюнетки» в поисковой строке «Гугл имаджис» и получила десятки фотографий красоток разной степени обнаженности. Взяла, конечно, самую скромненькую. Вот и все. Вообще, если так подумать, Крис довольно долго — несколько месяцев — выжидал, прежде чем решился на эту просьбу, хотя мы с ним общались в Фейсбуке как минимум два-три раза в неделю.

Должно быть, ему нравилось воображать меня, представлять себе лицо, которое скрыто за объективом. Есть ведь такие мужчины, и их становится все больше, правда? Они предпочитают воображаемые отношения реальным объятиям — то ли потому, что не хотят разочароваться, то ли потому, что боятся разочаровать.

Впрочем, я, кажется, слегка преувеличила. Вот сейчас вспомнила: где-то в конце февраля Крис написал мне, что на пару дней приедет в Париж, «на квартиру приятеля», и пригласил выпить по бокалу вина. Я ответила, что это очень любезно с его стороны, но мне как раз предстоит командировка в Милан на Fashion Week[12], увы и ах. Заодно спросила, что он собирается делать в Париже и не связано ли это с грядущим путешествием в Гоа. Крис подтвердил: да, он со своим приятелем Жо очень скоро уедет в Индию, в Париже осталось уладить последние формальности — оформить паспорта, сделать прививки. Он огорчился, что мы не встретимся, но, может быть, в другой раз…

Нет-нет, все нормально, Марк, просто… Знаете, обычно такие безграмотные выражения — «на

---

[12] Примечания: 12
Неделю моды (*англ.*).

квартиру» и тому подобное — меня бесят. Но когда они проскакивали у Криса (а от моего внимания это конечно же не могло ускользнуть), я испытывала что-то близкое к эротическому удовольствию, как будто наши языки соприкасались физически, сходились в схватке. Я старалась говорить, то есть писать в его стиле, чтобы не вызывать подозрений, но из этой нашей несхожести, из разницы между нами рождалось влечение, и оно росло. Бывает, вот так же вдруг влюбляешься в иностранный акцент или в непривычную интонацию. Все мы в любви — туристы, ищем неизведанное, новых людей и незнакомые территории. И в первую очередь открываем все это для себя в языке. Кстати, вы уже встречались с Мишелем? Неужели не видели его — такой лысый толстячок, вечно со словарем под мышкой? По-моему, он тут с начала времен. Мишель — специалист по древнееврейскому, занимается этимологией. Вчера за обедом он сообщил нам, что «аминь» означает «правда». Здорово, да? Так нужно заканчивать все высказывания, особенно когда речь идет о любви. «Я вас люблю. Аминь».

Ладно, поехали дальше. Несмотря на то что мне доставляли удовольствие фиктивные отношения с Крисом — я говорю «фиктивные», но нужно

понимать, что в каком-то смысле они были реальными; это были настоящие отношения, и мне они нравились, — несмотря на это, я по-прежнему страдала от молчания Жо. Невыносимо было думать, что очень скоро он возьмет и умчится в Гоа, даже не позвонив мне. В итоге я собралась с духом — ну, или совсем свихнулась, как вам будет угодно, — и отправила ему эсэмэску. Жо ответил сразу: «Привет.

Уезжаю далеко и надолго. Если хочешь напоследок оторваться, сегодня в полночь у тебя». Я написала, что жду его.

Мы с Жо не виделись несколько месяцев. И вот он снова оказался рядом со мной: красивый, загорелый, просоленный океаном, охваченный радостным возбуждением перед путешествием. Было ясно, что в мыслях он уже не здесь. Жо, как и все люди, жил настоящим, одним днем, но, в отличие от других, он наслаждался не только текущим моментом, но и верой в то, что следующий момент сделает его еще счастливее. Настоящее было для Жо вечной проекцией сказочного будущего. Настоящее представлялось ему прекрасным и удивительным, потому что было переполнено возможностями. И когда той ночью мы легли в постель, я как будто занима-

лась любовью с призраком — Жо был уже на пляжах Гоа, в окружении восхищенных тинейджеров, видящих в нем героя и кумира, он уже налаживал там торговлю драгоценными камнями, побеждал в соревнованиях по серфингу, создавал свою группу и играл транс — музыку, которая его непременно прославит… Жо всегда был такой: радовался «сегодня» тому, что могло и не случиться «завтра». Я недавно говорила вам об отказе от несбыточного, так вот Жо в этом фокусе не нуждался — он никогда не признавал собственного бессилия, никогда. Он отрицал потери и крушение надежд — именно это помогало ему не чувствовать себя несчастным. И он ни секунды ни в чем не сомневался — можно сказать, был оптимистом-фундаменталистом. И по счастью, шквал этого его бурного энтузиазма, устремленный в будущее, пронесся надо мной, не покалечив: я перестала существовать для Жо. Перед тем как закрыть за собой дверь, он посоветовал мне вернуться к мужу, а бросая последний, преисполненный жалости взгляд на мою квартиру, мои книги, мое лицо, как будто подумал: жизнь этой женщины будет серой и безрадостной, не в пример моей, прекрасной, на другом краю света. Ведь некоторым мало быть

счастливыми — им надо, чтобы все остальные при этом были несчастны; известный принцип. Но той ночью я вдруг поняла, что для меня все изменилось: да, мне, как и раньше, понравился секс с Жо, однако на этот раз я думала о Крисе. Такая вот ирония: я познакомилась с Крисом, чтобы получать новости о Жо, а теперь жадно расспрашивала Жо о Крисе. И узнала кое-что неутешительное — оказалось, у Криса есть девушка, ей всего двадцать, но она уже успела развестись с отцом своего шестимесячного ребенка. Они с Крисом встретились на пляже в Лакано три месяца назад; правда, видятся довольно редко, потому что она живет в Бордо, а Крис не собирается к ней переезжать. «Кому охота слушать с утра до ночи, как орет чужой младенец. Крис, конечно, придурок, но не шизик», — откомментировал Жо. Хорошо, что Крис познакомился с ней не в Фейсбуке, подумала я, пока он говорил. Меня охватило такое отчаяние, что я была рада уцепиться за любой, даже самый малюсенький плюсик — мне хотелось, чтобы наша с Крисом история («наша история», ага!) хоть чем-то отличалась. И в то же время я не имела права упрекать Криса за его интрижки, потому что между нами не шло речи о любви, только о дружбе, и более

того — о виртуальной дружбе. «Ну как ты, my new friend?»[13] — писал он мне, к примеру. Или: «Чмокаю в щечку, таинственная подруга».

Разница в возрасте? Вы о чем? А, между Крисом и мной? Нет, я подумала, вы говорите о Крисе и его пассии: ему тридцать шесть, ей двадцать, итого шестнадцать лет разницы — это вам не шутки. Но вас волнует конечно же совсем другое. Вы желаете знать, был ли для меня проблемой тот факт, что я старше Криса на двенадцать лет? Иначе вы не задали бы такой вопрос. Если бы это Крису было сорок восемь и он влюбился в тридцатишестилетнюю женщину, тогда вопросов вообще не возникло бы, для ваших умозаключений наша разница в возрасте не имела бы значения, вы бы и не упомянули о ней. Видите ли, вы невольно приблизились к драме, которая разыгрывается в жизни всех женщин, и сами того не поняли, хотя вроде бы это ваша профессия — знать толк в душевных драмах. А может, дело в том, что вы слишком молоды и в любой зрелой женщине видите мать — в таком случае, вам надо лечиться, Марк. В скобках замечу: меня до коликов смешит этот ваш пресловутый «эдипов комплекс», кото-

[13] Примечания: 13
Мой новый друг (*англ.*).

рым вы, мозгоправы, всех пичкаете под разными соусами. Убить отца, чтобы жениться на матери? Пфф! Для описания реального положения вещей давно нужен другой миф: муж убивает жену, чтобы трахнуть ее дочь, — вот это жизненная ситуация, это гораздо правдоподобнее. Скобка закрывается. А теперь объясните мне, почему женщина, едва ей исполнится сорок пять, должна самоустраниться из мира живых, вырвать из своего тела колючку желания… Ха-ха, колючку! Слыхали, доктор? Ладно, скажем — занозу. Так вот, почему женщины должны вырывать из себя занозу желания, тогда как мужчины после сорока пяти продолжают жить как прежде — строят свое будущее, делают детей, перекраивают мир до самой смерти? Чувство несправедливости начинает нас терзать задолго до означенного рубежа, мы как будто предугадываем несправедливость, еще не пережив ее. В мужчинах есть что-то, не ведающее границ (я не об интеллекте), какие-то двери, которые никогда не захлопнутся, — это ощущается даже в маленьких мальчиках, а порой и в древних стариках. Я недавно видела по телевизору Жан-Пьера Моки[14] — он хвастался, что в

[14] Примечания: 14

Моки Жан-Пьер (р. 1933) — французский режиссер, сценарист и актер.

свои восемьдесят с лишним лет по-прежнему занимается сексом. «У меня еще встает!» — сообщил он, поглядывая на молоденькую актрису, которая годилась ему в правнучки. И публика восторженно зааплодировала. «У меня еще встает! Аминь». А теперь представьте себе, что восьмидесятилетняя дама вдруг прилюдно заявит, мол, у нее при виде молодого парня в трусах становится мокро. Какая возникнет неловкость! В реальной жизни это неприемлемо. Но мужчинам можно все. Мир принадлежит им в большей степени, чем нам. Все принадлежит — пространство, время, улица, город, работа, мысль, слава, будущее. Как будто у них перед глазами всегда беспредельный простор, и где-то там — дальний-предальний план, который они могут разглядеть, вытянув шею и привстав на цыпочки. Где-то там — за нами, женщинами, и рассмотреть это можно только поверх наших голов. Я, к примеру, никогда не чувствовала себя линией горизонта для мужчины.

Для сыновей? Возможно, да, когда они были совсем маленькими. Но сейчас-то они уже тинейджеры, на голову переросли меня и во всех смыслах смотрят поверх моей головы.

Нет, для мужа — никогда! То есть… Он считал *себя* моей линией горизонта. Был абсолютно уве-

рен, что мое будущее может быть связано только с ним. «Женщина — это будущее мужчины»[15] — ну да, как же! Хорошая шутка… Тогда уж «женщины», во множественном числе. Как межевые столбы на пути.

Разница между нами в том, что у каждого мужчины есть будущее. Всегда. Завтрашний день без нас. Да, возможно, у мужчин меньше продолжительность жизни, но они дольше чувствуют себя живыми. Я где-то читала, что на сайтах знакомств разверзается пропасть между сорокадевяти- и пятидесятилетними женщинами. Страницы сорокадевятилетних просматривают в среднем сорок человек в неделю. У пятидесятилетних не более трех просмотров. А ведь они ничуть не изменились, остались прежними, всего-то год добавился. Вы видели скетч на тему консервов? Не помню, кто автор. На консервах пишут: «Употребить до 25 марта 2014 года». Но что происходит в банке в ночь с 25-го на 26-е?… Мы, женщины, — банки с консервами. В определенный момент у нас истекает срок годности. Если бы на той странице в Фейсбуке я указала свой настоящий возраст и вывесила собственную фотографию,

---

[15] Примечания: 15

Художественный фильм корейского режиссера Хон Сан-су (2004).

Крис, наверное, не добавил бы меня в друзья. По крайней мере, едва ли у него возникло бы желание познакомиться поближе с женщиной, которой сорок восемь лет.

Ну, разумеется, я в этом не вполне уверена. Не хочу смотреть правде в глаза — в них можно увидеть приближение катастрофы. Вместо того чтобы посмеяться над несправедливостью или бросить вызов такому положению вещей, я запрятала свои чувства поглубже и научилась с этим жить, смирилась. Теперь уже поздно что-то менять.

Как мило, Марк, вы потихоньку исправляетесь — пытаетесь докопаться до сути и взяли верное направление. Ну да, я конечно же знаю, что не выгляжу на свои годы. И знаю, что многие мужчины считают меня красивой. А вы считаете меня красивой, Марк? Или вам нельзя говорить со мной на такие темы?

Спасибо.

Почему я вас благодарю? Зачем мне это подтверждение? С какой стати мне вообще волноваться, считают ли меня красивой?

О, к тому времени прошел уже целый год после развода. Я ушла от мужа незадолго до встречи с Жо, бросила его без сожалений и угрызений со-

вести — знала, что он быстро найдет мне замену. Собственно, он так и сделал, женился во второй раз. Мой бывший муж принадлежит к тому типу мужчин, о которых говорят: «Он любит женщин». На самом деле это необидный способ сказать: «Он никого не любит». При этом муж хотел, чтобы я осталась с ним, но мне не понравились его аргументы. «Ты будешь стареть, и очень скоро тебя уже никто не захочет, — заявил он. — Ну сколько еще у тебя в запасе — два года, от силы три? Молодым парням не нужны зрелые женщины. Ты можешь и дальше строить карьеру, защищать диссертацию, публиковать статьи, заниматься фитнесом, можешь оставаться блистательной и элегантной — это тебе не поможет, если молодость прошла. Зато я всегда буду рядом, даже когда ты станешь дряхлой, морщинистой, безобразной. И ты скажешь мне спасибо за то, что я тебя не бросил». Нарциссизм, проявляющийся в жалости, — заметили? А муж, между прочим, на три года старше меня: кожа на торсе начинает обвисать, лобковые волосы седеют, на макушке наметилась лысина. Да, мне тоже в карман за словом лезть не надо, чтобы выставить его жалким стареющим ничтожеством! Но сейчас речь о *моей* агонии: попытавшись сохранить наш брак, муж

как будто предложил мне похороны по первому разряду. Вот она, высшая форма ненависти — могильщик ждет благодарности за вырытую для вас могилу. Но я не хотела умирать. Если бы он сказал, что любит меня, я бы осталась. А впрочем, может, и нет. Зачем нужна любовь без влечения? Что это такое? Как ею заниматься? Ответьте же! Не знаете? Я просто не хотела умирать, вот и все, даже если бы меня забросали цветами.

Вот. Ну, теперь вы лучше понимаете? Дошло до вас, почему здоровая сорокавосьмилетняя тетка (я так часто повторяю свой возраст для статистики — вам же нужно заполнять какие-то таблички?), почему в финале трагедии она вдруг оказалась в смирительной рубашке? А потому, что не хотела умирать.

«Сдохни!» — это говорит женщинам весь мир, кому-то тише, кому-то громче. Эхо звучит и в литературе — почитайте хотя бы Уэльбека. Вы ведь читали Уэльбека?… Вы, должно быть, единственный… Ну, или Ришара Милле — у него есть роман, в котором героиня решила умереть в сорок четыре года. Сорок четыре для нее (или для Милле!) — это возраст, когда женщина теряет красоту, *а следовательно,* ей не остается ничего иного, как умереть. Она так и сделала! Весь ужас

романа в том, что рассказчик, ее любовник, был рядом на протяжении всей агонии, в ожидании смерти как неизбежной, запрограммированной развязки, столь же неотвратимой, как исчезновение его влечения к ней. Что еще он мог сделать, кроме как с горечью наблюдать увядание и распад? А что до Уэльбека, он вечно дудит в одну дудку: преждевременное снижение эротического потенциала женщины происходит оттого, что этот потенциал зиждется исключительно на физических критериях, которые тысячелетиями устанавливались для них «неразвитыми» мужчинами, тогда как «развитых» женщин может привлечь в противоположном поле и нечто другое — богатство, власть или интеллект. И что же, спрашивается, помешало мужчинам «развиваться»? Почему мы обречены быть никем даже для тех, кто притворяется, что испытывает к нам жалость? «Сдохни!» — единственное мужское пожелание женщинам. И причину долго искать не надо: сдохни, исчезни, чтобы уступить место молодым, дорогу мужчинам. Женщины — всегда изгои, люди второго сорта.

Ого, ничего себе утешение! Другого у вас для меня не нашлось? Надо же, вы покраснели! Знаете, мне вот в детстве так говорили: «Ну-ка ешь

суп! Ты тут нос от еды воротишь, а в Африке дети голодают!» Да, о да, разумеется, в других странах женщинам приходится *еще хуже.* Предложение «сдохнуть» порой оказывается отнюдь не метафорическим. Иногда «Сдохни!» — это конкретный приказ. Я в курсе. И вы думаете, что меня это может утешить? По-вашему, я должна радоваться французскому гражданству, потому что за границей женщины реально умирают? И как же мне, по-вашему, жить *здесь,* если *там* мне ломают кости? Вы слышали по телику, что сказал тот тип, Хамадаш? Никогда не забуду эту фамилию, в ней звучит свист топора[16]. Он сказал: «Надо запретить женщин». Слышали? «Я пришел к выводу, — сказал он, — что надо запретить женщин». И заметьте, у нас, во Франции, тоже был такой деятель, только жил он в конце XIX века, во времена Гюисманса, Гонкуров и великих женоненавистников всех мастей. Не помню, как его звали. Он работал врачом, и все его помыслы были направлены на то, чтобы, цитирую: «Истребить этих козявок с шиньонами». Формулировка, конечно, смешная, но у меня почему-то не возникает желания смеяться. С давних пор я

[16] Примечания: 16
По-французски «hache» («аш») — «топор».

просыпаюсь по ночам, даже тут, в холодном поту, с картинами чудовищных преступлений перед глазами: изуродованные лица пакистанских девушек, облитых серной кислотой, с дырами на месте глаз; покалеченные, растерзанные мужской ненавистью тела, повсюду изнасилованные женщины, повсюду, и повешенные за собственное «бесчестье»; подростки с перерезанным горлом, младенцы, умерщвленные за принадлежность к слабому полу… Меня ужасает статистика: население планеты составляют 52 % мужчин и всего 48 % женщин, чья численность постоянно уменьшается, потому что нас убивают, сто тридцать миллионов убитых женщин, одна женщина из трех становится жертвой насилия как минимум раз в жизни… Знаете, я страдаю от сострадания к себе подобным. Каждую ночь вою от тоски при мысли о том, что я — женщина. С возрастом половая принадлежность стала для меня причиной бессонницы. Услышав в новостях о девушке, изнасилованной и забитой насмерть в автобусе в Индии на глазах у своего парня, я много дней не могла выкинуть из головы — я бы даже сказала, из памяти, будто сама это видела, — железный прут, которым ее проткнули насквозь. Ночами я стискивала ноги, с ужасом

думая об этом, представляла себе движение прута туда-обратно, которым палачи разрывали ей внутренности, буквально видела тот момент, когда они выбросили ее из автобуса, как мешок с мусором, — и без конца повторяю слова, произнесенные одним из мерзавцев уже под арестом: «Мы решили убить женщину». Не развлечься, не потрахаться, не приколоться. Нет, «убить женщину». Эти слова настолько не поддаются осмыслению, что я повторяю их снова и снова в темноте, в своей спальне, не в силах понять. Это так же непостижимо, как фотография проституток, зарезанных в предместье Багдада: двадцать девять окровавленных женщин в одном доме, все они вжимают голову в колени, чтобы хоть как-то защититься от оружия в руках мужчин. Глупая, смешная защита. Этот образ меня преследует, я задыхаюсь от рыданий, осознавая несчастье быть женщиной. Вы можете приводить мне примеры благополучной женской судьбы, как делал ваш предшественник, доктор… забыла имя. Он мне тут рассказывал сказки о Марии Кюри, Маргерит Юрсенар, Катрин Денёв. Бедняга так тужился припомнить еще кого-нибудь, все копался в памяти и чувствовал себя ужасно неловко, потому что против правды не попрешь: быть женщиной

— великое несчастье. Где угодно. Везде. Всегда. Это битва, если хотите, но нет ничего страшнее поражения в ней. А поражение неминуемо, и это — несчастье. Вот потому-то я теперь почти не смотрю телевизор, по крайней мере новости никогда не включаю и не читаю информационные сводки ни в газетах, ни в иллюстрированных журналах — я не желаю, чтобы так поступали со мной, со мной в лице всех этих женщин, всех этих жертв. Женщины обречены на исчезновение, нас уничтожают — силой или пренебрежением, не важно. Мужчины всегда и везде несли женщинам смерть — это факт. На севере и на юге существует одна и та же диктатура — какая разница, фундаменталистская она или порнографическая. Мы существуем, только когда на нас смотрят мужчины, и умираем, когда они закрывают глаза. А они закрывают, и вы тоже, Марк. Вы закрываете глаза на женскую участь. Разумеется, у нас тут и речи не идет о насилии в таких масштабах, это очевидно. Мы тут не умираем или умираем не так часто. Это уже что-то, да? А я так и вовсе в шоколаде по сравнению с другими, даже как-то неприлично жаловаться. Но мне плевать, я жалуюсь. Я подаю жалобу, я извещаю о своем исчезновении. Примите к сведению факт моей

смерти, даже если он идет под рубрикой «Всякая всячина». Ибо покинуть мир живых не так уж легко. Сначала надо слиться с фоном, стать тенью, силуэтом, а затем обратиться в ничто. Дайте мне хотя бы поговорить об этом, прошу вас, не перебивайте, выслушайте меня. Равнодушие — это разновидность паранджи. Я вас шокировала? Для мужчин это еще один способ узурпировать право на физическое желание. Еще один способ закрыть глаза. Обед подан, объедки выброшены. Вчера была фантазией, сегодня превратилась в фантом. По-вашему, эти сравнения неуместны? Но ведь и я здесь неуместна. Здесь и там. Нигде. Для меня нет места. Помните анекдот? «Какая сверхъестественная способность появляется у женщин в пятьдесят лет?» — «Они становятся невидимыми!»

О, да я и правда вас шокировала. Вижу-вижу. Вы не слишком убедительно смеетесь. Небось подумали, что я мещанка? Жалкая мещаночка, которая пытается отождествлять свою судьбу с судьбой проституток и невинных жертв. Истеричка. Такой диагноз вы мне поставили? «Думает маткой». Так написано в ваших бумажках? Или там что-нибудь похуже? Психоз? Нарциссизм? Паранойя? Но это вы мещанин, вы. И к тому же

ученый. Самый отвратительный подвид мещанина — тот, который думает, будто все знает, и гордится своим просвещенным взглядом на норму, отклонение от нормы и гормоны. Да ничего вы не знаете, Марк, не льстите себе! Что вы вообще можете знать о женщинах?

Иногда мне отчаянно хочется быть мужчиной. Это принесло бы облегчение.

Здесь, в заведении? Вы правы, сменим тему и будем взаимно вежливы. Отвечаю: нет, здесь я не чувствую себя невидимой, здесь меня как раз видно. Меня здесь видят все. Поэтому я остаюсь. В Африке — забыла, в какой стране, кажется, в Руанде — в качестве приветствия говорят: «Я тебя вижу». И это чудесно! Нам ставят лайки в Фейсбуке, мы считаем количество кулачков с поднятым вверх большим пальцем под фотками в своем профиле — смысл почти тот же. Однако нам мало быть просто увиденными — нам надо, чтобы нас видели в лучшем свете. И мы изо всех сил молодимся, прихорашиваемся, важничаем. Сопротивляемся исчезновению. Не желаем раствориться в толпе, боимся затеряться. По-моему, в этом нет ничего удивительного. Легко понять.

Но я хотела совсем другого. Мне не нужно было, чтобы меня видели, и не важно, в каком свете.

Я хотела, чтобы *признавали мое существование.* Чтобы кто-нибудь сказал: «Вот она!» Ну, как отец признает родившегося ребенка.

Ага, мозгоправ проснулся, я так и думала! Да, естественно, отец меня признал, а вы что ожидали услышать? Но он хотел мальчика, как и все в целом мире. Я была второй дочерью, то есть разочарованием. Слова «признание» и «признательность» — однокоренные; когда я сказала «признавали», я имела в виду еще и «относились с признательностью». «Вот она, вот я, и наша связь неопровержима, нерасторжима и неотъемлема. Я тебя признаю и признателен тебе за то, что ты есть».

При этом добивалась я прямо противоположного, верно. Как жестоко, Марк! Но вы правы. Я скинула Крису фотографию другой женщины и лишила себя шансов быть признанной — вы попали в точку. Ладно, то есть о'кей, я действительно стремилась к противоположному — возможно, в глубине души хотела умереть. Женщина живет под угрозой смерти, она не может чувствовать себя в безопасности, никогда. В ней таится чувство неуверенности, зависимости — женское начало. Вы представляете себе, что значит жить, осознавая необходимость умереть?

Заранее превратиться в призрак. Скитаться по Сети, прятаться под ней, как под вуалью. То, о чем я говорю, вы, психологи, называете «неосознанным стремлением к смерти», так? Стремление к смерти — своей или чужой, уже перестаешь различать.

И в то же время я никогда не чувствовала себя настолько живой, как в те несколько месяцев виртуальной связи с Крисом. Я не притворялась, что мне двадцать четыре года, — мне *на самом деле* было двадцать четыре. Тут, конечно, пригодился театральный опыт. И память. И влечение. Я перевоплотилась в своего персонажа с ловкостью актрисы. А поскольку текста пьесы у меня не было, я импровизировала, исходя из реплик, которые подбрасывал партнер по сцене, отбивала его подачи. Каждый раз, вступая в диалог с Крисом в Фейсбуке, я ждала от него подсказок о том, как мне дальше играть свою роль, угадывала ее между строк роли Криса, пыталась различить в них его идеал, его альтер эго, мечту о женщине — о той, о ком мужчины грезят наяву. И все же для меня это была не просто роль — само мое естество мало-помалу менялось, трансформировалось под влиянием любви. Да, я думаю, это правильное слово, «любовь». Ведь полюбить — значит сойти с

ума из-за кого-то, опрокинуться в него с головой, больше не принадлежать самой себе, верно?

Кроме того, мой персонаж был не так уж не похож на меня, знаете ли. К примеру, Клер Антунеш ничего не смыслила в компьютерах, так же как и я. Нас разделяли двадцать с лишним лет — целое поколение, я ей в матери годилась, ха-ха, — но у нас было много общего: застенчивость, мечтательность, желание любви и при этом отчаянное стремление к свободе, хотя бы к независимости (она сама зарабатывала на жизнь, не сидела на шее ни у родителей, ни у мужчин), а еще интерес к искусству (фотографии). И несмотря на юный возраст, Клер не была упертым гиком, поэтому мне не пришлось сильно напрягаться, разыгрывая идиотку, когда Крис вдруг предложил пообщаться в скайпе. «Скайп? А что это?» — удивилась я. К счастью, он не настаивал. Я нравилась ему такой, какой казалась, — немножко out, чуточку space[17]. Романтическая мечта. Прекрасное, чистое создание в ожидании любви. Да и в нем самом тоже было что-то не от мира сего. Я это предугадывала, но тогда еще не знала наверняка.

---

[17] Примечания: 17
Нездешней, космической (*англ.*).

Да, наша переписка долгое время носила дружеский характер. В марте — кажется, в конце месяца — Крис уехал в Гоа и писал оттуда, что хочет получше меня узнать. Мы к тому моменту обменивались сообщениями месяца три, но теперь мне стало гораздо легче с ним общаться — зная, что он далеко, я чувствовала себя свободнее, потому что не боялась нарваться на свидание. Крис все же пригласил меня в гости — они с приятелем, с Жо, сняли квартиру неподалеку от пляжа. «А твой приятель не будет против, если я к вам нагряну?» — осторожно поинтересовалась я. «Нет, он клевый чувак, прям cool, да к тому же и сам зазывает сюда людей». Этот ответ ранил меня не так глубоко, как можно было ожидать. И боль мне причинило не столько поведение Жо, сколько это обобщение Криса — «людей», каких-то людей, к которым он причислил и меня. Возможно, приглашение приехать в Гоа получила и его девушка из Бордо, и другие подружки в Фейсбуке — я не знала, но, судя по тому, что мне говорил о Крисе Жо, это вполне можно было допустить. В том случае, если бы я поверила. Но я не поверила Жо. Напротив, я не сомневалась, что такие спокойные и в то же время страстные отношения у Криса могут быть только со мной.

Мне казалось, он попался на крючок, угодил в капкан… нет, какие-то неудачные метафоры, они намекают на охотника и дичь…

я чувствовала, что он увлекся, *влюбился*, и то же самое происходило со мной. Я уже превратилась для него в одну-единственную, вышла из группы, отделилась от понятия «люди». Любовь — это выбор, а не отбор. Мы взаимно избрали друг друга и стали избранными.

Наши диалоги в Интернете сделались более интимными из-за разделившего нас расстояния. Крис рассказывал мне о своих планах на будущее и как будто приобщал меня к ним словами «вот посмотришь», «я тебе обязательно покажу». Я хвалила фотографии, которые он постил на своей странице. На фотографиях были индийские женщины — бедные, но улыбающиеся. Крис усердствовал еще больше, говорил, что в них столько достоинства, что он ими восхищается, что они «офигенные». Теперь наши послания заканчивались сердечками, звездочками, словами «думаю о тебе» и «чмоки-чмоки». В скобках замечу: я терпеть не могу это дурацкое выражение, «чмоки-чмоки», никогда его не употребляю и ненавижу, когда мне кто-то так пишет. В этом есть что-то детское, я «чмокала в щечки» своих

сыновей, а от Криса мне нужны были поцелуи и объятия, намек на то, что он меня хочет. «Чмоки-чмоки» лишает мужчин мужественности, а женщин — женственности. Какой может быть секс после «чмоки-чмоки»? Но я не возражала в письмах к Крису, поскольку…

Что? Когда это я такое сказала? А, припоминаю. Не вижу тут никакого противоречия, и если что, я все-таки сумасшедшая. О'кей, я назвала себя ребенком. Но по сути, я искала мужчину, который увидит в ребенке женщину. Или ребенка в женщине?… Ой, вы меня совсем запутали. Короче, мы начали обмениваться нежными словечками в духе «чмоки-чмоки», и однажды я даже осмелилась на «скучаю» и «когда ты вернешься?». В ответ получила «тоже скучаю» и «очень скоро». Порой на новых снимках, появлявшихся на странице Криса, я замечала Жо где-нибудь на дальнем плане — он стоял, опираясь на доску для серфинга, или болтал с девицей, или голышом бежал к океану. Но его насмешливое лицо и загорелое красивое тело уже не вызывали во мне знакомой дрожи, я рассматривала снимки, стараясь хоть что-нибудь понять о том, как Жо и Крис там живут, и теперь причиной моих страданий был тот, кто держал в руках фотоаппарат, тот, кого не было

в кадре. Крис стал для меня веселым и добрым альтер эго Жо, если хотите, той стороной личности Жо, которая любила и заслуживала любви, той, которой мне не хватало. Крис присылал в ЛС фотографии лотосов и ноготков, которые он собирал, думая обо мне. «Цветочек мой», — писал мне Крис. По-детски трогательные и милые сердечки в его посланиях, ласковые слова восполняли для меня то, чего у меня никогда не было или было, но самую чуточку и беспредельно давно — юность и нежность первой разделенной любви. Параллельно я продолжала читать лекции на факультете, растолковывала студентам Шекспира, Расина, Мадлен де Скюдери: «Любовь — это неизвестно что, которое возникает неизвестно откуда и неизвестно чем закончится». Ах, если б знать, чем все закончится! Ну вот теперь я знаю. А тогда, сидя перед экраном ноутбука, я переживала интригу — увлеченно и вовлеченно, без иронии и без малейшего понятия о том, что будет дальше. «Любила, боги, как же я любила и жаждала любимой быть»[18]. Я словно раздвоилась, да, были две разные «я»: полевой цветочек и цвет литературоведческой мысли.

---

[18] Примечания: 18
Цитата из трагедии Ж. Расина «Береника».

О! Ваш предшественник тоже приводил мне этот аргумент. Даже не сомневаюсь, что у него все прекрасно складывалось со студентками, да и у меня самой полно коллег-мужчин, женившихся на своих аспирантках. Это стало нормой, вот только не для женщин-преподавателей. Профессиональная состоятельность, общественное признание, личностная харизма — все это здорово, но успех в университетском мире приносит женщинам уважение, а не любовь. Уважение, заслуженное лекциями или монографиями, — всего лишь жалкий суррогат страсти, которую они больше не могут ни в ком разжечь. Всеобщее восхищение нас убивает, разрубает пополам, как топор, отделяя душу от тела. Хочется заорать: «Вы разрываете меня на части!» — а голос куда-то подевался, нет голоса, пропал, ведь нас учили не кричать. Зато здесь мне покричать никто не запретит. А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Да, полегчало. Впрочем, совсем чуть-чуть. Меня ведь никто не слышал.

Вы-то да, слышали. Но вам за это платят. Вам платят, чтобы все понимали: между вами и мной точно не любовь.

Откровенно говоря, не очень-то и хотелось.

До завтра.

Я? Да, я знала, как выглядит Крис. У него в профиле была фотография, он вообще не стеснялся выставлять себя на обозрение, даже гордился своей внешностью — и было чем. Хотя, конечно, глупо гордиться свойствами, которые не зависят от твоей воли. Я покажу вам его фотки, если хотите. В Фейсбуке вы их уже не найдете: наши с Крисом страницы давно не существуют, по понятной причине. Но я распечатала много его снимков и храню до сих пор. Еще я полюбовалась Крисом на видео, которое мне показывал Жо. Красивый парень, ничего не скажешь. Высокий, стройный, хорошо сложенный. Как Жо. Всегда ходил с трехдневной щетиной, придававшей ему немного бандитский вид — и очень сексуальный. Да, это банально, я знаю. Но мне нравятся внешние проявления мужского, брутального начала, я не тепличная барышня в кружевах, питаю симпатию к latin lovers[19]. Крис постоянно изображал из себя мачо, к месту и не к месту упоминал о своем росте — метр восемьдесят четыре. Однажды спросил, какой рост у меня. Я соврала, занизив планку, и тут же получила от него фотографию, на которой он стоит рядом с ростомером и рукой

[19] Примечания: 19
Латиноамериканский любовник (*англ.*).

показывает, где окажется моя макушка — где-то на уровне его плеча. Эта дурацкая подростковая манера хвастаться своими физическими данными немного раздражала, но, возможно, в ней был смысл? Помните тот ужасный эпизод из «Любви властелина»? Вы читали эту книгу? Какой же вы необразованный, Марк! Как вообще можно работать психологом, не ознакомившись с достижениями величайших знатоков человеческих душ и сердец? Уму непостижимо. Ладно, короче, Альбер Коэн придумал персонажа по имени Солаль — образцового самца, который уподобляет соперничество мужчин из-за женщин драке павианов. Павианы сражаются за самку, и в их сражениях побеждает, разумеется, сильнейший, а сильнейший — это самый крупный и самый зубастый. Если павиану не хватает десяти сантиметров роста или переднего зуба — всё, прощай, самка, не сбыться прекрасной истории любви! Коэн держит нас, женщин, за идиоток. Но чем лучше мужчины, позвольте спросить? Их влечение еще больше зависит от нашей внешности, от красоты.

Грустно это, если так подумать.

В конце концов я поступила как все — повелась на красоту. Красота стала причиной желания.

Воздействие красоты абсолютно и непреложно на представителей обоих полов. Лично я никогда не понимала, почему проводят различие между женской и мужской красотой. Часто говорят: «Женщины гораздо красивее мужчин!» — и оба пола с этим соглашаются, таково общепринятое мнение, докса. А вот я так не считаю. С эстетической точки зрения женская грудь не прекраснее мужского мускулистого торса. Я с одинаковым удовольствием любуюсь красивыми мужчинами в метро, длинноногими легкоатлетами на стадионе и топ-моделями на обложках журналов. То есть любовалась.

О нет, здесь тоже есть кем полюбоваться, даже искать не надо — красота сама приходит ко мне, и доказательство тому — ваше присутствие, Марк. Не надо протестовать, я не издеваюсь: вы красивый, очень красивый мужчина. Еще здесь во дворе часто играет в баскетбол молодежь — наркоманы и суицидники на реабилитации, вы их видели, наверное. Мне этого вполне достаточно, чтобы утолить боль. Красота причиняет страдания, если некому вам ее подарить.

Номер телефона я получила раньше, чем отправила фотографию, да. Крис сразу мне его прислал, но я решилась позвонить лишь спустя несколько

месяцев. В первый раз это было, кажется, в середине мая — он только вернулся из Гоа и сразу уехал в Лакано, вроде как монтировать сделанные в Индии видеозаписи и работать над фоторепортажем, но на самом деле ни фильм, ни репортаж так и не увидели свет, насколько мне известно. Я позвонила ему в приступе тоски, поздно вечером, отключив возможность определения своего номера. Сидела дома одна, дети на той неделе жили у отца, и мне необходимо было что-то реальное, настоящее. Крис ответил на звонок. Я услышала на дальнем плане оравшее радио или телевизор, но звук тут же приглушили, и Крис произнес: «Алло». Образ Жо, развалившегося на канапе, мелькнул в моем сознании и тотчас рассеялся, я сказала: «Крис, это я, Клер, поговори со мной». Он мгновенно включился в беседу — и это было чудесно, вот этот момент близости между нами. По голосу Криса я поняла, что он тоже почувствовал хрупкость момента. У него не было моего номера, у меня его — был, я могла исчезнуть, а он хотел, чтобы я осталась, стремился меня удержать. Все это я услышала в его голосе, который вдруг стал нежным, беспредельно ласковым, как будто он говорил с маленькой девочкой. Его голос меня оберегал, нес защиту, убаюкивал, давал понять,

что я для него важнее всего на свете, — в нем не было и намека на тот резкий, желчный тон, которым Крис бросил мне: «Сдохни!» Он начал рассказывать о себе, о путешествии в Гоа, о людях, с которыми там познакомился, о работе, о мечте стать знаменитым фотографом; повторял, что искусство — это его жизнь; признался, что любит Guns N'Roses и Nirvana, а еще рэп, и рэгги, и танцевальную музыку. «Я уверен, ты обожаешь танцевать», — сказал он, чтобы завязать диалог, и я ответила: «Да». Это была правда — я всегда обожала танцевать, даже здесь мы по праздникам устраиваем танцульки. Вы придете, Марк? Вы, Марк, танцуете? В те дни, когда не пью лекарства, из меня получается отличная партнерша, вот увидите. Я, смеясь, призналась Крису, что напилась. И не соврала — действительно хорошенько приложилась к бутылке, сначала для того, чтобы побороть желание позвонить ему и перенестись из виртуальной реальности в телесную, ведь голос — порождение плоти, он многое может рассказать о теле, вы не замечали? А потом я выпила еще — уже для того, чтобы *поддаться* этому желанию, уступить, и мне удалось набрать номер, но меня так трясло, что я, наверное, казалась пьянее, чем была, и приходилось подбирать

слова с большой осторожностью — я боялась себя выдать, думала, что голос выявит мою истинную личность. «Мне нравится твой голос, — промурлыкал Крис. — Сколько тебе лет на самом деле?» Я замычала что-то невнятное, сердце пустилось в галоп — неужели я все испортила этим телефонным звонком?! Меня охватила паника, никак не вспоминалась дата рождения, которую я указала на фальшивой странице в Фейсбуке. К счастью, Крис продолжил: «Правда, что ли, двадцать четыре?» — «Да, — выдохнула я. — Скоро двадцать пять». Он засмеялся, услышав это уточнение. «А по голосу я бы сказал, что ты молоденькая, ну, то есть еще моложе. У тебя девичий голосок. Надеюсь, ты совершеннолетняя? — Он осекся, испугавшись, что это слишком смелая шутка, с сексуальным подтекстом, и быстро добавил: — Чудесный тембр, я без ума от твоего голоса». Крис ошибся. Конечно, он ошибся, вы можете мне сказать, что у него ни капли интуиции, он облажался, попал пальцем в небо, но для меня не было никакой ошибки — Крис уловил то состояние, в котором я и находилась: состояние юношеской влюбленности. Я была юной, я стала юной, потому что такой он хотел меня видеть, вот и все. У

Лакана[20] об этом есть кое-что любопытное. Ваш предшественник дал мне почитать его статью, и я оставила ее себе, только задевала куда-то, надо бы найти. В общем, Лакан говорит, что любовь всегда взаимонаправлена. Не в том смысле, что вы всегда можете рассчитывать на взаимность со стороны того, кого полюбили, — увы, это было бы слишком прекрасно, — нет, имеется в виду, что любовь возникает не случайно, выбранный вами объект независимо от своей воли уже вовлечен, затронут вашей любовью, он — принимающая сторона или, если хотите, захваченная территория, «Я люблю именно его, а не другого», поэтому стать причиной чьей-то любви — это вам не пустяк, любовь сама по себе создает связь между людьми, она не может нести нулевой результат. Мне нравится эта идея о том, что человек в ответе за любовь, которую он кому-то внушает, то есть в каком-то смысле, даже не отвечая взаимностью напрямую, мы отвечаем неосознанно. Векторы нашего с Крисом движения пересеклись, вернее даже, наложились один на другой. И когда я в конце концов отправила ему в «личку» фотографию Ка… э-э-э, какой-то прекрасной брюнетки, у

[20] Примечания: 20

Лакан Жак (1901–1981) — французский философ и психиатр, основоположник структурного психоанализа.

меня не было ощущения, что совершается обман, ведь Крис уже любил меня — мой голос, мои слова, мой образ мыслей, мое чувство юмора, он говорил мне об этом, постоянно повторял. К тому же вы сами сказали: меня можно назвать красивой. Да, блондинка, да, старше, чем хотелось бы, но тоже вполне привлекательная. Так в чем же обман? Признаюсь, однажды я с ужасом задумалась: а вдруг ему нужна женщина, которая станет матерью его детей? Это единственный момент во всей истории, когда я почувствовала неловкость: что, если Крис мечтает стать отцом и хочет создать семью? Ему все-таки тридцать шесть — может, пора? Пришлось аккуратно прощупать почву. В переписке я упомянула, что он часто фотографирует детей, Крис ответил: «Да, дети такие хорошенькие». Стало ясно, что он пишет это лишь для того, чтобы сделать мне приятное, потому что думает, будто я люблю детей и мечтаю о собственных. И я тут же призналась, что не могу иметь детей. Это была правда, пусть я и привела выдуманную причину — какую-то наследственную болезнь, уже не помню. Крис сразу начал меня утешать, написал, что женщина может быть счастлива и без детей: «И потом, если хочешь, можно же и усыновить ребенка. Я

отвезу тебя в Индию. — Он добавил подмигивающий смайлик. — Ты видела на фотках, какая там клевая малышня, и все такие веселые, несмотря на нищету».

Что? Ну я ведь вам уже говорила! Я отправила Крису снимок, взятый наудачу в Гугле, — красивая брюнетка в солнечный день стоит на балконе, опираясь на перила, футболка с V-образным вырезом туго обтягивает грудь, но в целом вид очень пристойный.

Как это? Почему не верите? С чего вы взяли, что я вру? Потому что я не смогла найти эту фотографию, чтобы показать вашему коллеге? Я искала, но прошло-то уже два с лишним года… целых три, она затерялась, Гугл часто обновляется, в Сеть каждый день выкладываются тонны снимков. Да и не важно это совершенно, зачем она вам?

Чутье подсказывает? Ну, приехали! Слушайте, я устала. Давайте на сегодня закончим, а?

Добрый день. Потрясающе выглядите. Синий цвет вам очень идет. Я позволила себе комплимент, потому что здесь можно говорить что угодно, это ни к чему не обязывает. Вы ослепительно прекрасны. Решили отпустить бородку? Ладно, так на чем мы вчера остановились?

Да вы упрямец! Ну надо же, какой настойчивый.

Говорю ведь, ничего важного в этом нет — просто фотография красивой брюнетки, выхваченная наугад. Обычный фейк, каких в социальных сетях пруд пруди. Наживка, приманка, блесна.

Ну хорошо, это все-таки важно, потому что Крис на ней зациклился, голову потерял из-за какой-то картинки, повис на блесне жабрами наружу. Была не права, сожалею. Что мне еще сделать — сто раз прочитать покаянную молитву? Думаете, я мало наревелась? Думаете, совесть меня не загрызла?

Если хотите знать, я ненавижу все эти уловки, к которым женщины вынуждены прибегать, чтобы выглядеть привлекательно для мужчин. Конечно, я тоже этим занимаюсь, вопреки собственной воле, и всегда занималась, с самой ранней юности — в первых рядах бежала покупать кремы по двести евро, дорогущие платья, декольте всякие, как моя мать; делала эпиляцию в салонах — чертовски больно, между прочим! — а в пятнадцать лет на свою первую зарплату бебиситтера, помню, даже затоварилась антицеллюлитным гелем и намазала им ляжки, потому что мой парень сказал, что они жирные. Нет, что меня на самом деле приводит в ужас, отчего хочется заорать «Ой, мамочки!», так это оттого,

что такие фокусы реально срабатывают. Только они и срабатывают. Каждый раз, замечая, что какой-нибудь мужчина окидывает оценивающим взглядом мою фигуру в облегающем костюме и таращится на мою задницу, прежде чем подойти и заговорить со мной, я чувствовала одновременно удовлетворение и бесконечную грусть. Мне хотелось, чтобы меня любили ради меня самой, понимаете? Без всех этих фитнесов, модных шмоток и помады. Чтобы видели меня, а не искусственно созданный объект, соответствующий чьим-то ожиданиям. Помню, однажды коллега пригласил меня позавтракать. Он был толстый и некрасивый, мы болтали о делах на факультете, о курсах лекций, и вдруг в разгар беседы он уставился на меня и говорит так с упреком: «Почему вы не пользуетесь помадой?» Да потому что не хочу выставлять себя на продажу, выкладывать свои прелести на рыночный прилавок! Женщин продают на рынке, на рынке продают женщин… Избыточный сексуальный спрос на щедрое сексуальное предложение. Быть сексуальной, быть…

Разве не предполагается, что вы должны внимательно слушать пациента? Почему вы меня все время перебиваете? И почему вы, кстати, не сделали стойку на слова «как моя мать» и «ой,

мамочки»? Могли бы вспомнить в этом контексте упоминание о том, что я — ребенок. Это вас не заинтересовало, нет? Моя игра в слова не кажется вам прикольной? Ах, она мешает вам внимательно слушать? Ладно, черт возьми, раз уж вы так настаиваете, я скажу, где взяла ту фотографию, мне уже на все наплевать. Это была фотография моей племянницы Кати. Ну, довольны? Будто вам есть до этого дело…

Катя была брюнеткой, очень красивой, а Крис как раз предпочитал красивых брюнеток, вот почему! Какой же вы зануда…

Я говорю в прошедшем времени, потому что… потому что все это уже в прошлом. Что еще вы хотите от меня услышать? Какая вам разница, где она сейчас? При чем тут это, в конце концов? Вы что, тоже на ней зациклились? Нет, она ничего не знала. Да, я уверена. Абсолютно уверена, да!

Потому что ее больше нет. Да, Катя умерла. И что это меняет? Она уже была мертва, когда я воспользовалась ее фотографией. Нет, я ее не убивала, если вас это беспокоит. Вы хотите, чтобы я призналась во всех преступлениях на планете? Так, мне пора, у меня литературный кружок, занятие начинается. Пока!

Не знаю. Может быть, потому, что я хотела, что-

бы ее жизнь продолжалась. Когда Катя умерла, я вместе со всеми ее вещами получила компьютер, но так и не смогла войти на ее страницу в Фейсбуке, чтобы заблокировать аккаунт, потому что не нашла пароль и не у кого было спросить. Так что Катина страница существует до сих пор, спустя столько лет после ее смерти. Если вы наберете в поиске фамилию (но я вам ее не назову; впрочем, Катя использовала вымышленный ник), откроется профиль с фотографией в солнцезащитных очках и неоново-желтой надписью ELSEWHERE…[21] нет, это не та фотография, а профессиональная, как для обложки журнала… И если вы числитесь в ее списке френдов, как я, сможете прочитать последний пост, что-то совсем незначительное, написанное за две недели до смерти, и несколько посланий от ее друзей — скорее, коллег, — которые, так сказать, выражают посмертные соболезнования у Катиной «стены плача», делятся скорбью, а вернее, новостью. Просто делятся новостью о ее смерти. Интересно, как такие страницы называют на фейсбучном жаргоне? Не фейки, нет. Наверное, *госты*, от слова ghost. Фантом — вот во что она

[21] Примечания: 21
Где-то там (*англ.*).

превратилась. Дважды виртуальная женщина — мертвая и навсегда оставшаяся в лимбе Интернета. Да, определенно, я хотела, чтобы ее жизнь продолжалась, чтобы она нашла любовь, которой у нее никогда не было, — я имею в виду любовь мужчины, — чтобы ее красота тронула чье-нибудь сердце. Мы похожи, вернее, были похожи чуть-чуть: она же моя племянница, дочь брата. Катя продолжала жить во мне, если хотите, благодаря той фотографии. И Крис любил ее во мне. Кому от этого было плохо?

Она покончила с собой.

Я не знаю. Так и не выяснилось. Ей было двадцать восемь лет. Катин отец — мой брат — умер за три года до этого от последствий дорожной аварии. Его жена погибла на месте, и наша старшая сестра тоже, она была с ними в машине. Брат три недели пролежал в больнице. Все думали, дело идет на поправку, он вышел из комы, а потом… Я успела пообещать ему, что позабочусь о его дочери. Кате тогда уже исполнилось двадцать пять — не ребенок, конечно, но она была такая хрупкая, беззащитная, имела склонность к депрессиям, много пила, легко поддавалась чужому влиянию, а при такой красоте… Смерть родителей только усугубила ситуацию. Вскоре

Катя потеряла работу — она была бухгалтером, сходила с ума от скуки, наверное, — и я, чтобы выполнить данное брату обещание, предложила ей переехать к нам на время, пока не придет в себя. Тогда я еще не развелась, мы жили всей семьей в окрестностях Руана. Последние Катины фотографии сделаны у нас в саду. Это я их сделала и позднее одну отправила Крису.

Честно говоря, я не слишком хорошо ее знала. Мой брат долгое время жил за границей, мы редко виделись. С племянницей я попыталась сблизиться только после смерти ее родителей, но она всегда была замкнутой и сохраняла дистанцию, по крайней мере со мной… Катя была единственным ребенком в семье, выросла одиночкой и чувствовала себя самодостаточной. Она не слишком полагалась на друзей, никому не соглашалась довериться и никогда не приглашала гостей в наш дом — возможно, не хотела нам мешать, но в любом случае у нее было не слишком много знакомых в нашем захолустье. Большую часть времени Катя проводила в Интернете — тогда как раз входил в моду Фейсбук, насколько мне помнится. Сама я в ту пору считала это дурацким развлечением и понятия не имела, как работают социальные сети. Катя часами сидела за ком-

пом, а я злилась на нее, потому что она подавала дурной пример моим детям, которые были еще совсем маленькими, — я полагала своим долгом оградить их от пристрастия к видеоиграм и прочим глупостям. Оторвавшись от монитора, Катя загорала в саду, играла в пинг-понг с моим мужем или ходила на репетиции его спектаклей. Он давал ей крошечные роли в массовке — чтобы вытащить ее из депрессии, по его словам. Они быстро поладили, муж говорил, ей нужен кто-нибудь, кто заменит отца.

Катя уехала… она уехала, потому что так надо было. А что? Не могла же она остаться у нас ad vitam aeternam![22] Я нашла ей непыльную работу помощником бухгалтера в химчистке, в Родезе. Как нашла? Прочесала вдоль и поперек сайт вакансий, потому что сама она не хотела этим заниматься. Еще бабушка моя говаривала: «Ищущий да обрящет — что работу, что мужа». Кате, разумеется, не очень-то хотелось уезжать — у нас ей было хорошо. Но я подумала, мой покойный брат и его жена не одобрили бы, что в таком возрасте их дочь бездельничает. Я считала, что поступаю правильно. Вероятно, ошиблась.

---

[22] Примечания: 22
На веки вечные (*лат.*).

Я помогла Кате перебраться в Родез. Она вышла на работу. Получала не слишком много, но на жизнь хватало, и все у нее вроде бы стало налаживаться. Она ничего не рассказывала о своем начальнике, когда мы общались по телефону, но и не жаловалась никогда, поэтому мне казалось, что с ней все в порядке. Не могла же я догадаться, понимаете? Так и не выяснилось, что на самом деле случилось. В полиции не стали проводить расследование, поскольку сразу пришли к выводу, что это самоубийство. Не убийство и не несчастный случай. Суицид.

Почему? Ну, во-первых, дверь ее квартиры была заперта изнутри. Во-вторых, не обнаружилось никаких следов борьбы. Прощальной записки, правда, тоже не обнаружилось, зато была бутылка с остатками джина. Но главное, вскрытие показало, что у нее нет переломов запястий. Оказывается, когда человек падает с большой высоты случайно или потому, что его толкнули, он рефлекторно выставляет руки перед собой — даже если понимает, что это не поможет при падении с пятого этажа, — и в итоге ломает кости запястий. Самоубийцы так не делают… Вспомнила анекдот про человека, который летит вниз с двадцать пятого этажа. Летит он, в общем, и

на каждом этаже приговаривает: «Пока что все идет неплохо». Знаете, да? Погодите, у меня есть еще смешнее. Про женщину. Женщина падает с двадцать пятого этажа. На балконе двадцатого ее ловит мужик и спрашивает: «Потрахаемся?» Она говорит: «Нет!» — и он ее отпускает. На пятнадцатом женщину ловит второй мужик и спрашивает: «Отсосешь?» — «Нет!» — кричит она, и он ее отправляет дальше в полет. Долетает она до второго этажа, а там третий мужик. «Потрахаемся! Отсосу!» — быстро говорит она. «Шлюха!» — орет мужик и выбрасывает ее в пустоту.

Ну, не смеетесь, и ладно. А я вот люблю анекдоты, особенно черный юмор. Пуританин вы. Жаль. Собственно, я к чему это рассказала? Мораль истории в том, что женщина так и не смогла найти мужчину, который принял бы ее такой, какая она была.

Когда меня впустили в Катину квартиру, там уже закончился обыск; эксперты не нашли ничего подозрительного. На работе сказали, Катя была милая, но не слишком общительная, все думали, она ни с кем не встречается, хотя признавали ее очень красивой. Говорили, она была то ли рассеянной, то ли мечтательной, часто сидела, подолгу глядя в окно.

В ее однокомнатной квартирке было мало вещей; я нашла несколько папок с деловыми бумагами, какие-то счета — все перерыла в поисках хоть малейших свидетельств о ее личной жизни за восемь месяцев в Родезе. Ничего. Мне отдали ее мобильный телефон — и от него тоже не было никакого толку. В списке контактов — только коллеги, парикмахер, банк и мы. Еще покойные родители, Катя их не удалила. Был один номер без имени, я его набрала — механический голос ответил, что он не зарегистрирован в Сети. Я надеялась, что из Катиного компьютера удастся вытрясти больше информации, но ее электронная почта мне ничего не дала — там вообще не осталось частной переписки, а если она и была, Катя, наверное, выбросила все в корзину, перед тем как сама выбросилась из окна. Ее жизнь — двадцать восемь лет жизни — казалась пустой и гладкой, единственной пробоиной на этом ровном пути была гибель родителей: Катя сохранила все газетные статьи, касавшиеся той аварии. Но меня насторожила реклама в ее браузере и файлы «куки» — ну, знаете, с помощью которых за нами постоянно шпионят рекламодатели. Так вот, в браузере было много рекламных постеров от сайтов знакомств — «Меетика» и прочих. Катя

наверняка зарегистрировалась на каком-то из них, я попыталась его найти, но без ее логина и пароля это было бесполезно. Тогда я пошла в полицию и попросила провести киберрасследование, вычислить и взломать все ее профили. Мне отказали. Полицейские не увидели повода для такого грубого вторжения в частную жизнь — мертвые тоже имеют право на уважение, сказали мне, ведь состава преступления нет. «А если какая-нибудь сволочь на сайте знакомств довела ее до самоубийства?! — закричала я. — Это что, не преступление?!»

Это не преступление?!

Не преступление?

А вот и нет. Ничего незаконного. Или нужно доказать факт психологического давления, найти свидетельства злого умысла. И тогда другой вопрос: а у меня самой, к примеру, не было ли злого умысла? Еще полицейские мне объяснили, что самоубийство — это необязательно хорошо обдуманный и заранее подготовленный поступок, у него даже не всегда бывает конкретная причина. Поэтому никто не замечал, что с Катей что-то не так, и поэтому нет прощального письма. Она могла открыть окно, потому что было душно и ей захотелось подышать свежим воздухом, а

потом внезапный душевный порыв толкнул ее за подоконник. В психиатрии это называется «раптус». Ушла не попрощавшись. Просто увидела возможность положить конец заботам, страхам, тоске, беспросветному существованию, а может, приступу хандры, вот и все. Но я в это не верю. Я думаю, она познакомилась с кем-то на «Меетике» или в Фейсбуке — мало ли где? И он оказался психом или мерзавцем, заставил ее так страдать, что оставалось только умереть. Может, она тоже услышала: «Сдохни!» И вот. Умерла по приказу. Люди не умирают, их убивают[23]. Я убиваю, меня убивают. Таков естественный порядок вещей — приходится убивать и быть убитой. Никуда не денешься.

Ладно, хорошего вам вечера. Звонят, звонят колокола.

Я принесла вам кое-что в доказательство того, о чем вчера говорила. Вот книга, которую Катя читала перед смертью. Я оставила закладку там, где она была, — на странице 157. Катя добралась почти до конца и по ходу чтения загибала уголки — вы поймете, это о многом говорит. Я

---

[23] Примечания: 23

Фраза «Люди не умирают, их убивают» — лейтмотив художественного фильма, название которого я забыла. (*Примеч. автора.*).

была потрясена, когда увидела это издание на тумбочке у кровати. Все остальные книги были аккуратно расставлены на полках, ничего интересного — несколько томиков «Великолепной пятерки»[24], которые Катя хранила с детских лет, учебники по бухучету, полицейские романы, какое-то руководство о том, как стать счастливой… Руководство, подумайте только! И вот вдруг эта книга. Могу вас заверить, я ее проштудировала вдоль и поперек, да-да, излистала туда и обратно. И не только из-за того, что она была последней, так сказать, свидетельницей жизни моей племянницы. Я прочитала эту книгу просто потому, что она меня заинтриговала. Незадолго до того я как раз познакомилась с Жо. Вот, послушайте, Катя это выделила желтым маркером.

> *«Вопреки сложившемуся мнению, мужчина истерического склада (МИС) не любит заниматься сексом. В крайнем случае он относится к сексу как к трудовой повинности, доставляющей ему мало удовольствия. МИСа интересует другое – соблазнить жертву, внушить ей большие*

---

[24] Примечания: 24

«*Великолепная пятерка*» — серия детских детективов английской писательницы Энид Блайтон (1897–1968).

надежды, а потом систематически их разбивать. В конце концов он выбрасывает добычу и начинает мечтать о новой. Такой тип личности можно назвать Дон Жуаном, обреченным вечно скитаться в стремлении удовлетворить желание и вечно несущим фрустрацию. Его девиз: за забором трава зеленее. В наши дни МИСы, которых становится все больше, проводят жизнь в Интернете: порносайты и сайты знакомств, видеоигры онлайн – все сгодится, лишь бы отвертеться от прямого контакта. Они тысячу раз из тысячи предпочтут мастурбацию или вечеринку в чисто мужской компании. Если же вы совершите глупость, женив МИСа на себе, он быстро превратит вас в fishing widow – „рыбацкую вдову", так в Ирландии называли жен рыбаков, которые надолго бросали их на берегу, уходя на промысел с друзьями. МИС заставляет женщин страдать, но не будем забывать о том, что он и сам страдает. В самом деле, МИС, в отличие от мужчин с нарциссическим расстройством, испытывает чувство вины, когда не может удержать-

ся от разрушения всего, что кажется цельным и гармоничным, и обрекает на провал любые отношения, которые могли бы оказаться счастливыми. Он постоянно ищет у женщин слабые места и непременно находит – тогда одного убийственного слова бывает достаточно, чтобы разнести вдребезги ваши защитные барьеры и оставить вас зализывать раны. Тем, кто мечтает о любви, лучше бежать от МИСа со всех ног – он никогда не придет к вам на свидание в назначенное время. Если, конечно, вы сами не относитесь к истерическому типу личности – в таком случае ваш союз будет основан на принципе взаимной фрустрации. И тут есть о чем подумать!»[25]

Да-да, понимаю, вижу, как вы морщите нос. Ясное дело, это вам не Фрейд! И все же, прочитав книгу, я подумала, что Катя многое от меня скрывала. Она загнула и десятки других страничек, как будто ей попадались в жизни одни извра-

[25] Примечания: 25

Текст вдохновлен книгой Ж.-П. Винтера «Скитальцы плоти. Исследование на тему мужской истерии» и ее разнообразными популяризаторскими пересказами на интернет-сайтах. (*Примеч. автора.*).

щенцы и психи всех категорий. Определенно, у нее была своя тайная жизнь, параллельная существованию в социуме, какие-то фантазии, неврозы, сомнительные связи. Мой брат был довольно строгим отцом, его дочь получила суровое воспитание и замкнулась в себе. Это очень заметно на фотографиях: Катя улыбается, но как-то неестественно, будто пытается сдержать улыбку. Если затеваешь игру в прятки, главная опасность заключается в том, что тебя могут не найти. Все закончат игру и разойдутся, а ты так и останешься сидеть в кустах. И что тогда с тобой будет? Проигрыш в этой игре засчитывается не когда тебя находят, а когда тебя никто не ищет. И вот тут у тебя только один выход: открыть окно и выйти из игры. Из жизни.

Да, я сказала «неврозы». Что, не могли не отреагировать?

Я пыталась реконструировать то, что случилось с Катей. И хотела дать ей второй шанс в каком-то смысле. Вторую жизнь. Но это было постфактум — сначала я влюбилась в Криса, а уже потом отправила ему Катину фотографию. Не наоборот. Это важно. В общении Крис оказался незамысловатым и совсем нетребовательным. Я уже говорила — «cool» его любимое словечко. Он

подстраивался под меня с легкостью и спокойствием, которые трогали до глубины души. «Ты любишь детей? Я хочу троих! Ты не можешь родить? Ну и ладно. Обожаешь путешествия? В душе я бродяга! Мечтаешь о любовном гнездышке? Я давно собирался где-нибудь осесть. Ненавидишь ревнивых мужиков? Ревность мне неведома! Тебе нужны серьезные отношения? Мне тоже». Крис хотел быть прекрасным принцем. Меня даже смутило это его стремление понравиться мне, во всем угождать — до встречи с ним всегда было наоборот, я подчинялась чужим желаниям и вкусам, а теперь вдруг сказала себе: вот какой должна быть любовь, он согласен делить со мной мою жизнь.

Да, чувство вины было. Потому что я ничего не сумела сделать. К тому же я выгнала ее из дома. То есть не выгнала, конечно. Просто мне хотелось побыть со своей семьей, у нас с мужем как раз тогда разладились отношения, и мне нужно было сосредоточиться на этом, все исправить. Но не вышло — спустя три месяца мы развелись, а Катя умерла. Появился Жо. И Крис. А потом я сошла с ума.

Что значит сойти с ума? Это вы меня спрашиваете? Вы?

Сойти с ума — значит видеть мир таким, какой он есть.

Курить жизнь без фильтра. Вдыхать отраву без помех.

У Кати, должно быть, тоже появилась эта кристальная ясность зрения, она увидела отсутствие любви — и самоустранилась.

Со мной по-другому. Я увидела утрату, а не отсутствие. Утраченную любовь как утраченное время. Вот с вами, к примеру, я время не утрачиваю, а трачу попусту. Вы как будто пытаетесь заставить меня что-то сказать, но сами не знаете что.

Мой муж приезжал сегодня утром с детьми, верно, вы хорошо осведомлены, новости здесь распространяются быстро. Я не пожелала их видеть — боялась, что он заявился с новой женой. И вообще их визиты выбивают меня из равновесия, хватит уже, я больше не принадлежу их миру. Давайте лучше побеседуем о Крисе, если вы по-прежнему настаиваете на наших беседах. Он мне приснился, и сегодня днем на занятии литературного кружка я написала о нем чудесную главу — по крайней мере, хочется так думать, потому что Камилла выглядела довольной.

После того, первого, телефонного звонка были

и другие. Наши разговоры казались слащавыми и ужасно банальными, но всякий раз, как они заканчивались, меня охватывала любовная тоска — страх утраты, который у меня всегда сопутствует любви. Я пыталась призвать себя к порядку, говорила: «Это же вымысел, плод твоего воображения. Он влюблен в тебя, но это не ты. Ты влюблена в него, но ты его не знаешь». И параллельно у меня в голове постоянно крутилась замечательная фраза, услышанная уже не помню в каком фильме Антониони: «Быть любимым — значит жить в чьем-то воображении». Вы смогли бы дать лучшее определение? Любовь — это вымысел, плод воображения, да. Ну и что? Быть любимой — значит сделаться героиней романа. Любовь — это роман, который кто-то пишет о вас. И вы о ком-то пишете. Процесс должен быть взаимонаправленным, иначе случится катастрофа. Так вот, мы с Крисом любили друг друга, действительно любили: я жила в его воображении, несомненно жила, я чувствовала, что поселилась в его сознании. А он, в свою очередь, занимал мои мысли. Я старалась представить себе его жизнь по тем крупицам сведений, которые от него получала. От какого-нибудь детского признания, вроде «У меня дедуля в больнице» или «Я

ходил с мамой к зубному», меня охватывало чувство нежного сопереживания. Крис был со мной предельно откровенен — делился творческими амбициями и планами, которые всегда противоречили друг другу; говорил, что ему вечно не хватает денег, ударялся в телячьи нежности, забрасывал ласковыми банальностями, которые делали меня беззащитной: «Ты мой солнечный лучик», «Мне хочется говорить о тебе со всеми, повсюду, всегда». Однако при этом он постоянно подчеркивал дружеский характер нашей связи, и я тоже. Я спрашивала себя, что бы сказал Жо о таких платонических отношениях, если бы Крис ему во всем признался. Жо сказал бы, что это чушь собачья.

Я звонила Крису, как правило, поздно вечером. Порой, когда выпадала моя родительская неделя, приходилось говорить очень тихо, чтобы не разбудить детей, и однажды Крис, не понимавший, что происходит, спросил, почему я шепчу. Я тотчас скинула звонок, не ответив ему, и это породило новую серию лжи. Особенно часто я вынуждена была врать после того, как в июне он уехал из Лакано, потому что семейство Жо оккупировало дом на все лето. На то, чтобы снять квартиру в Париже, у Криса не было денег, и

он вернулся к родителям в Севран[26]. Все это Крис спокойно и даже как-то степенно объяснил мне по телефону. «Конечно, это полный отстой — жить у папы с мамой в пригороде, когда тебе почти тридцать семь, — сказал он, — но у меня нет выбора. — И поинтересовался: — А как у тебя с этим дела? Ты вроде бы писала, что живешь в Пантене? Это тоже рядом с Парижем. Надеюсь скоро с тобой встретиться».

Такое опасно близкое соседство меня перепугало, я поняла, что теперь будет еще сложнее находить предлоги, чтобы увильнуть от свидания. Пришлось выдумать новое препятствие. Я «призналась» Крису, что иногда говорю очень тихо, поскольку живу с… в общем, живу не одна. Он сначала подумал, будто я вместе с кем-то снимаю квартиру, но я ему растолковала, что у меня есть парень, бойфренд. Крис не сумел скрыть свои чувства — у него задрожал голос, а у меня от этого защемило сердце. «Давно?» — спросил он. «Нет, — ответила я, — но у нас уже все не слишком гладко. Он ужасно ревнивый и достает меня подозрениями». Крис сразу устремился мне на помощь: он тоже ненавидит ревность, это низкое

---

[26] Примечания: 26

Севран — коммуна на северо-восточной окраине Парижа.

чувство, любовный союз должен быть основан на доверии. «Я совсем не такой!» — пылко заверил он. «А у тебя кто-нибудь есть?» — спросила я. «Нет, я холостяк», — сказал Крис, и в голосе его был слышен упрек. Я и без того догадалась: некая Одри, двадцати лет от роду, мать-одиночка и помощница кассира в «Ашан-Бордо», некоторое время назад исчезла из его списка друзей в Фейсбуке. Крис порвал с ней и теперь принадлежал только мне.

Знаю, это был подходящий момент для того, чтобы положить конец нашей несбыточной связи. Но я не захотела. Не смогла. Делала шаг к разрыву — и тут же отступала, чтобы еще крепче ухватиться за Криса. Мне необходимо было слышать его голос, быть в курсе, где он и чем занимается. Нужно было чувствовать себя любимой. Крис занял место Жо, и, потеряв его, я осталась бы одна. Он стал доказательством моего существования. Но, видите ли, что удручает больше всего — что удручающе банально и даже, пожалуй, трагически банально, — так это то, что появление выдуманного соперника лишь укрепило нашу связь. Ему неведома ревность, уверял Крис, на самом же деле она разъедала его изнутри. В такой ревности есть что-то гомосексуальное, правда?

Или вы скажете — инфантильное, эдиповское? Не изучали эту тему? Ладно, так или иначе, мне кажется, когда на сцене появляется второй мужчина, это подхлестывает влечение, вызывает у первого жажду завоевания. Ревность — это любовь втроем, разве нет? Из-за того, что наши телефонные разговоры с Крисом обрели тайный, заговорщицкий характер, в них вдруг появились эротические нотки. Иногда я внезапно давала «отбой» (к примеру, потому, что сыну приснился кошмар и он кричал во сне), тогда Крис забрасывал меня беспокойными, почти паническими сообщениями в Фейсбуке — посланиями перепуганного любовника. Он боялся, что наше общение по телефону прекратится или что кто-то заставит меня его прекратить. Крис терзался страхом меня потерять, но я поняла это только потом. А тогда я наслаждалась нашей связью, которая сделалась более интимной, потому что теперь ее окружала тайна; я всякий раз ждала нового разговора и надеялась на него. Иногда, конечно, меня охватывало разочарование, и вместе с ним приходили сомнения. Я привыкла к более интеллектуальному общению с мужчинами — я из тех, кто задается вопросом, как это можно жить без Пруста. Как можно говорить только о настоящем времени,

а не о том, что уходит безвозвратно, о любви в телесериалах, а не о настоящей страсти, о поверхностном, не различая глубинных смыслов? Для меня это было в новинку. Впрочем, с Жо было так же, но наш физический контакт все менял: чувственность и влечение освобождают от слов, Пруст не нужен тем, кто занимается любовью. В конце концов, бросив в очередной раз трубку, я дала себе обещание никогда больше не звонить ему, поскольку это не могло заменить физической близости, а я хотела Криса все отчаяннее — его голос, его облик завладели моими мыслями. В воображении я ласкала его тело — шею, плечи, рот, все, что удалось разглядеть на фотографиях. Когда в нашем общении установилась тишина, диалог опять перенесся в Фейсбук. Однажды вечером Крис попросил меня написать ему мой номер телефона. Я отказалась под предлогом, что мой парень, которого я назвала Жилем, терпеть не может, когда мне кто-то звонит. Крис принялся настаивать, обещал быть очень осторожным, звонить, только когда я буду в командировке или в те часы, которые я установлю для него сама, — просто ему нужен такой вот знак доверия с моей стороны, он чувствует себя отрезанным, исключенным из моей жизни, он хочет обладать

хотя бы крошечной частичкой меня, пусть даже набором цифр. Я не желала давать ему номер, поскольку Жо мог его случайно увидеть, догадаться, что Клер Антунеш — это я, и все рассказать Крису. Я ужасно боялась, что так и произойдет. В итоге на следующий день я купила маленький телефон и сим-карту с предоплатным тарифом Free Mobile — за два евро в месяц два часа разговоров и безлимит на эсэмэс. В список контактов внесла только один номер — Криса. В те недели, когда дети жили у отца, я писала Крису, что он может мне звонить, потому что я в командировке или мой бойфренд в отлучке. Крис стал свидетелем моих проблем в личной жизни и одновременно моей верности — я объяснила ему, что не хочу с ним встречаться, поскольку боюсь влюбиться и таким образом предать Жиля. Крис заверил, что он меня понимает (он все понимал, все!), но что я должна быть честной сама с собой. «Я уверен, однажды наши пути пересекутся», — написал он. Это был целомудренный способ сказать, что он меня любит, и я оценила его деликатность и сдержанность. Крис терпеливо ждал, он верил в наше будущее, не собирался захватывать надо мной власть. «А пока у нас есть время, давай получше узнаем друг друга», — добавил он. Так

приятно было знать, что я могу доверять ему, и еще приятнее не испытывать никакого давления. С его стороны, я имею в виду. Потому что во всем остальном моя жизнь словно попала под пресс: она сосредоточилась и сжалась вокруг этой любви. Я перестала готовиться к лекциям, студенты были мне в тягость, сыновья жаловались, что я их не слушаю. Я жила в ожидании хеппи-энда, прекрасно понимая, что он категорически невозможен, меня расплющило этим прессом, я сходила с ума.

Да, конечно же я об этом думала. Часто воображала себе, как встречаю Криса в кафе или на улице, я, Клер сорока восьми лет, и он влюбляется в меня с первого взгляда — в меня, а не в ту, другую. Почему, собственно, этого не могло произойти? Но прежде мне нужно было избавиться, вернее, избавить *его* от Клер двадцатичетырехлетней, потому что я не допускала и мысли, что он будет смотреть на незнакомых женщин, когда между ними уже почти разгорелась страсть. Чтобы Крис полюбил меня и мое лицо заменило в его сознании облик Кати, необходимо было лишить его малейшей надежды на свидание с юной и во всем идеальной подругой по переписке. Клер Антунеш надлежало исчезнуть, чтобы в жизни

Криса могла появиться я и утешить его, помочь перенести потерю. Вы даже не представляете, сколько раз я мысленно выстраивала продолжение, *возможное* продолжение этой истории! Однажды даже попыталась осуществить свою мечту, перейти к действию. Крис должен был вернуться из Лакано, он написал мне, когда его поезд прибудет на вокзал Монпарнас. Я в ответ, как обычно, насочиняла очередную командировку в провинцию. И вот вдруг, неожиданно для самой себя, ничего толком не продумав заранее, к упомянутому Крисом часу я надела красивое платье и пошла встречать его на платформе. Встала чуть в отдалении — я собиралась последовать за ним, не зная, что будет дальше, мне необходимо было увидеть его во плоти, а не в воображении. И я его увидела — он шагал по платформе, на плече большая дорожная сумка, вид усталый и потерянный, совсем потерянный, как у ребенка, который впервые путешествует без взрослых. Как только я попыталась представить себе развитие событий, к нему подошел какой-то мужчина с угрюмым, но симпатичным лицом и взялся за ремешок сумки — позже, когда Клер Антунеш все-таки призналась, что соврала о своей отлучке из Парижа и на самом деле была в тот день на

вокзале, Крис сказал, что это его отец. Я была так взволнована оттого, что Крис находится рядом со мной в реальности: красивый, высокий, но хрупкий, удивительно хрупкий — помню, именно так я мысленно сказала себе потом, пораженная тем, что тридцатишестилетнего мужчину встречал на вокзале отец, чтобы просто отвезти в пригород. Тут надо было бы задуматься поглубже, осознать, что эта хрупкость — на самом деле слабость и неприспособленность к жизни, но я была ослеплена желанием видеть Криса сильным и властным, мне нужен был завоеватель.

Все могло бы сложиться по-другому.

У меня не было времени. Крис не дал мне времени подготовить свой выход на сцену. В тот день он меня даже не заметил. Я собиралась заступить им дорогу — Крису и его отцу, — но ни тот ни другой меня не увидели. Взгляд Криса прошел сквозь меня, как сквозь стекло. Он ничего не почувствовал, не догадался. Наша встреча осталась в моем воображении. Хотя нет, знаете, эта история существует и на бумаге. Здесь, на занятиях литературного кружка, Камилла предложила нам в прошлом году поработать над темой «Другой расклад». Речь шла о том, чтобы, основываясь на личном опыте, на пережитых неприятных,

страшных или трагических событиях — а у нас тут у всех таких событий в избытке, и весьма примечательных, вы найдете чем поживиться, — так вот, нужно было придумать другую версию, новое развитие, неслучившуюся концовку, сочинить рассказ, который придаст иной поворот течению нашей реальной жизни. Можете представить, с каким энтузиазмом я взялась за эту работу! Начнем с того, что я скучала по писательству. Я говорю не о своих университетских штудиях, статьях и докладах для конференций. Сама не понимаю, откуда у меня бралось столько энергии на ерунду, я же годами землю копытом рыла в поисках каких-то ничтожных сведений, чтобы состряпать из них отчет для всего мира, да с таким энтузиазмом, будто это могло изменить мир к лучшему — датировка письма Ларошфуко к мадам де Лафайет, избыточные запятые в черновиках Генри Джеймса, рифмы на «-ance» у Виктора Гюго… Какая же тоска, если подумать! Попросту бегство от жизни! Нет, я говорю о писательстве как о движении души, которое направлено во внешний мир, об отражении того, что уже отпечатано у тебя внутри. Мне хотелось писать, чтобы рассказать о своем опыте, мечтах и желаниях, поймать в словесный невод трепещу-

щую рыбу Вы пробовали писать, Марк? Конечно, порой это приносит разочарование — столкновение между рассказом, который плещется у вас в голове, и рассказом, выплеснувшимся на бумагу, бывает слишком болезненным. Ведь приятнее смотреть на рыбу, когда она грациозно плывет по течению, а не бьется, задыхаясь, на ветру. Чешуя волшебно блестит и переливается в речных брызгах, но меркнет в петлях невода. Однако, выслеживая рыбу, все же испытываешь истинное счастье. Стоп, глагол «выслеживать» тут, пожалуй, не подходит, он какой-то «охотничий». Лучше сохраним «рыбацкую» метафору. Писательство — это рыбалка, спортивная или любительская, принцип один и тот же: в основе лежит активное ожидание — сосредоточенное, настороженное, когда создается впечатление, что, если вы наберетесь терпения и будете сторожить малейшее дрожание снасти, легчайший трепет лески, вы не уйдете с пустыми руками — у вас клюнет. Писательство как любовь: долго ждешь, и вдруг клюет. Ну, или нет, облом, как сказал бы мой сын. Различие в том, что в любви мы сами можем оказаться рыбой. Ой, что-то я запуталась в собственных метафорах. Вернемся лучше от рыб к нашим баранам. На занятиях лит-

кружка я сочинила историю, которая могла бы произойти. Описала все так, как у нас с Крисом могло бы сложиться, решись я с ним познакомиться в реальной жизни — конечно, ни за что не признавшись, что я и есть та самая таинственная подруга из Фейсбука, нет, так далеко зайти я не сумела бы, это было бы слишком страшно и слишком стыдно. Я бы просто представилась ему своим настоящим именем. Сочиняя эту историю, я полностью отдалась мечтам, и было так хорошо, ах, так чудесно…

Разумеется, пришлось выбирать между множеством концовок, happy or not happy[27]. Вы сами увидите — может быть, я дам вам почитать когда-нибудь, как только закончу. Наша с Крисом история любви в жанре романа. История, в которой мы живем вместе, воскресают наши призраки, виртуальные тела, безмолвные души, неизреченные слова. Камилле нравится, как я пишу. Но самое классное, что потом, на занятиях литкружка, мы сможем устроить игру в «изысканный труп» — прошу прощения за слово «труп» ввиду обстоятельств, но игра именно так и называется: «Изысканный труп», уж об этом-то вы

[27] Примечания: 27
Счастливыми или несчастливыми (*англ.*).

должны знать, Марк… Вам определенно нужно больше читать! Ладно, объясню: эту игру придумали сюрреалисты. Но мы в нее играем немножко по-другому. Как только сочинение закончено, вы его передаете соседу за столом, чтобы он дописал еще одну главу, или абзац, или другую развязку, заметил нечто такое, что от автора ускользнуло. Чужой вымысел таким образом накладывается на ваш собственный. Сновидец смотрит чей-то сон. Мне нравится сама идея, что написать обо всем невозможно и недостаточно — нужно самой попасть на страницу. Что одни и те же события можно увидеть по-разному. Что они могут *случиться по-другому.*

Как это на улицу? Я не могу на улицу. Просто не могу, и все. Уже пробовала. Выходила и сразу возвращалась, то есть меня приводили. У меня очень добрые дети. Но на улице же нельзя ждать. Там люди живут, на улице. А мне больше некуда жить. Я не живу, я жду жизни.

Я хотела сказать «на улице нельзя писать»? Ну да. Ждать, писать — это одно и то же.

Да не могу же я! Вы что, ничего не поняли? Как я, по-вашему, буду жить с другим мужчиной? Мне нужен тот.

А, вы имели в виду — для секса? Вот тут за меня

не беспокойтесь — здесь гораздо проще найти, с кем потрахаться, чем за стенами заведения. При желании.

Нет.

Нет.

Не знаю.

Нет.

Вы понятия не имеете, о чем говорите.

Нет.

Оставьте меня в покое. Я устала.

Я видела, как вы приехали и шли по парку. Как флик. Ни дать ни взять инспектор из убойного отдела. Вы так непринужденно останавливаетесь и заговариваете с людьми, будто ведете расследование под прикрытием. Но тут же все знают, кто вы такой. Понимаете, о чем я? Здесь в точности как в городах: если вы пристанете к человеку и будете задавать вопросы, он скажет вам только то, что захочет сказать. И еще наврет с три короба, лишь бы от него отвязались.

Так какой у вас вопрос, инспектор?

А, о смерти. Ну, ясное дело, о смерти. Вот в чем вопрос. That is the question.

Иногда по вечерам я так отчетливо слышала тревогу в голосе Криса — страх меня потерять, — что сразу начинала его успокаивать: дескать, с

Жилем у нас все идет под откос, он ужасно ревнивый и вспыльчивый, я уже не знаю, что мне делать. «Уходи от него», — говорил Крис. «Куда же мне идти? — вздыхала я. — У меня не хватит денег на то, чтобы снимать квартиру в одиночку». Крис замолкал, страдая из-за того, что ему нечего мне предложить, — его финансовое положение было еще плачевнее, чем у Клер Антунеш. Тогда мне делалось стыдно оттого, что я сижу в роскошной трехкомнатной квартире на улице Рамбюто и разыгрываю из себя девицу в стесненных обстоятельствах. Впрочем, порой меня злила его инертность: Крис жил с родителями, потому что не хотел искать работу. Несколько месяцев он сидел на шее у Жо, ведь мог же за это время найти себе какое-нибудь место, но и не подумал этим озаботиться. «Я посвятил себя искусству и не намерен разбазаривать талант», — заявил Крис однажды между двумя затяжками — я слышала, как он вдохнул и выдохнул дым. Всегда подмечала такие «физические» моменты, они словно приоткрывали для меня доступ к его реальному телу. Может, Крис курил джоинты — я как-то спросила у него, но он возмутился, мол, нет, я давно завязал, чист как стеклышко… Однажды он отказался от вакансии фотографа, которую я для

него нашла в Интернете. Ничего выдающегося, конечно, — съемка на свадьбах и семейных торжествах, — но все же какой-никакой заработок, да и развлечение. Я отправила ссылку в Фейсбук, а Крис ее проигнорировал. Он мнил себя непризнанным гением, нищим, но преисполненным достоинства. Хотел быть Депардоном или никем. И при этом большую часть времени проводил за просмотром американских сериалов онлайн — гениальности и достоинства тут было как-то маловато, по-моему. Его отказ от вакансии продемонстрировал мне, помимо прочего, что Крис не готов на жертвы ради меня. Это тоже помогло мне принять решение о разрыве без особых сожалений, понимаете? Иногда я выныривала из виртуальной реальности, встряхивалась и спрашивала себя: зачем мне все это, почему я до сих пор участвую в дурацкой мелодраме? Как я вообще могла такое навоображать?… Честно говоря, я уже не знала, что мне делать. Едва я разрабатывала план мирного «расставания» с Крисом — и с собой тоже, ведь я собиралась распрощаться с юной Клер во мне, — он вдруг начинал говорить со мной по телефону таким нежным голосом, что моя решимость сразу испарялась. Крис рассказывал, какой чудесной

будет наша совместная жизнь. По вечерам он станет встречать меня, усталую, с работы, и делать мне массаж, и кормить пастой карбонара, своим фирменным блюдом, а потом мы будем кататься на его DS[28], «раздолбанной, но cool». «Она у меня старенькая, — говорил Крис, — сорок пять годочков», и я краснела, прижимая к уху телефон. Он никогда не делал двусмысленных намеков и недвусмысленных тоже, не заигрывал и даже не упоминал о сексе. Я не понимала почему — то ли боялся меня отпугнуть, то ли секс его не интересовал. Это второе предположение меня беспокоило, потому что сама-то я в сексе была еще как заинтересована — иногда, разговаривая с Крисом по телефону, так млела от его голоса, что бросала трубку, потому что не могла произнести ни слова, горло сдавливало невысказанное желание. Пару раз я упомянула Крису о том, как много красивых телочек лайкают его посты в Фейсбуке. Крис успокаивающим тоном ответил, что это обычное дело для фотографов — девушки-модели всегда стараются задружиться с теми, кто может устроить им фотосессию. Возможно, таким образом он намекал, что я для него гораздо

[28] Примечания: 28
DS — модель автомобиля бизнес-класса марки «Ситроен».

важнее, чем любая из этих красоток. И так оно и было. Однажды вечером Крис запостил на своей странице видеоролик: Патти Смит поет Because the night belongs to lovers[29] — потрясающая песня, вы ее слышали, Марк? А в качестве коммента из всех строчек этой песни он выбрал такую: Love is an angel disguised in lust[30]. Если любовь — ангел, подумала я, значит, у нее нет пола, а нет пола — нет секса. Меня эта мысль расстроила, но одновременно и приободрила: даже если нас с Крисом связывают только слова, мы можем быть любовниками.

Он все чаще приезжал из Севрана, чтобы провести вечер в Париже, и мне становилось все труднее находить предлог для отказа от свидания. «Ну хотя бы кофе-то мы можем выпить? Без кофеина! — смеялся Крис. — Я в курсе, парень у тебя придурок, но все-таки, а? Ты же общаешься с кучей людей на работе, и среди них до фига фотографов. Тогда почему ты не можешь встретиться со мной?» Когда я в очередной раз попыталась увильнуть, он сказал: «Это потому, что ты знаешь:

---

[29] Примечания: 29

«Потому что ночь принадлежит любовникам» (*англ.*). Точнее, песня называется Because the night. Авторы — Патти Смит и Брюс Спрингстин.

[30] Примечания: 30

«Любовь — это ангел в одеждах сладострастия» (*англ.*).

как только мы встретимся, все сразу станет ясно, ясная моя Клер. Я не сомневаюсь, что мы созданы друг для друга, и ты в глубине души тоже это чувствуешь, даже если не хочешь сама себе в этом признаваться». Да уж, «ясная Клер», мысленно усмехнулась я. Прямо-таки прозрачная Клер, прозрачная, как вода в горном ручье. Но я отчаянно страдала и защищалась как могла: «Ты говоришь так потому, что я привлекаю тебя физически, ты считаешь меня красивой. Но ты ведь меня не знаешь. Может, я тебя обманываю». — «Нет, я тебя знаю, — очень уверенно и взвешенно ответил Крис. — А вот ты меня знаешь плохо, иначе понимала бы, что твоя внешность тут ни при чем. Я не ведусь на внешность. Для меня важна твоя личность. Я влюблен в твою душу — слышу ее в твоем голосе, в твоих словах». «Но это не мешает мне мечтать о встрече с тобой, я хочу заключить тебя в объятия», — добавил он, не дождавшись ответа. И от этого банального словосочетания — «заключить в объятия» — у меня подломились колени, я лишилась сил.

Нет, я так и не согласилась встретиться. Не смогла. Зато запостила у себя на странице песню Катрин Рибейро «Левой рукой» — видеоролик с Ютьюба. В конце концов, предполагалось, что

я люблю хороший французский шансон. Мне хотелось, чтобы Крис в первую очередь обратил внимание на эти строчки: «Вот в чем моя беда, / Вот он, правдивый ответ: / Маска вместо лица, / Адреса вовсе нет». Но он…

Да ладно! Вы издеваетесь, Марк? Ну хорошо… раз уж вы так просите. Это развлечет нас обоих. Только предупреждаю: я не всегда попадаю в ноты, особенно без аккомпанемента.

Пишу тебе левой рукой.
Я стеснялась ее всегда —
Несмелой, неловкой такой, —
Прятала от стыда.

Стала руку в кармане носить,
В темноте заставляла скучать.
И она, чтобы время убить,
Сказки взялась сочинять.

Пишу тебе левой рукой.
Она делает все невпопад,
Толк от нее нулевой —
Люди так говорят.

Я избавилась бы от руки,

Чтобы верный путь отыскать
Туда, где нет тайн и тоски,
Где некого за руку взять[31].

Ну все, хватит, пощажу ваши уши. Моя попытка признаться в обмане не удалась — Крис не обратил внимания на слова «маска вместо лица» и «сказки взялась сочинять». Его заинтересовала только концовка: «Я призналась тебе в любви, / Ведь на правду это похоже». Он написал мне: «Я тоже, Клер, тоже тебя люблю». И не смог удержаться от насмешки: «Надо же, Катрин Рибейро… Наверно, твои родители ее слушали, когда ты была маленькая?» А я и забыла, что Рибейро по происхождению португалка, как и моя аватара! Видите, я хотела снять маску, но подсознательно оставалась Клер Антунеш.

Мало-помалу ситуация сделалась невыносимой. Я держала оборону в виртуальном мире и страдала в реальном. Крис не отступался, а мне уже не хватало разумных причин отнекиваться от чашечки кофе. Нужно было это прекратить раз и навсегда, другого выхода я не видела. У меня разрывалось сердце, но однажды, набравшись

---

[31] Примечания: 31
Песня «Левой рукой» написана Даниэллой Мессиа. (*Примеч. автора.*).

сил, я все-таки отправила Крису прощальную эсэмэску. Он не ответил. Я позвонила ему — он сбросил вызов. Тогда я сочинила длинное письмо, в котором сообщила, что выхожу замуж за Жиля, он нашел работу в Португалии и мы переедем туда в конце месяца, все решено, надо положить конец пустым мечтаниям. Еще написала, что я очень любила его, Криса, любила, прекрасно понимая, что виртуальная любовь не может заменить настоящую. Попросила не искать меня, тем более что найти не получится — я собираюсь удалить свою страницу в Фейсбуке и сменить номер мобильного, чтобы избавить нас обоих от искушения связаться друг с другом. Заверила, что ничуть не сомневаюсь: скоро он встретит истинную любовь (увы, я и правда не сомневалась). Закончила словами: «Целую тебя нежно». Написала и подумала, что последним отзвуком моего послания в голове Криса будет это «… но», звучавшее для меня с первого дня нашего общения. Сама не знаю, отчего я терзалась сильнее — оттого, что потеряла Криса, или оттого, что обманывала его. На меня обрушилась двойная вина, понимаете? Она меня раздавила. Сначала я поймала Криса на приманку, а потом сорвала с крючка и бросила тонуть в моей собственной лжи.

Нет, не сразу. Он подождал несколько дней — возможно, надеялся, что за это время моя решимость несколько ослабеет (и был прав: я ждала весточки от него, умирая от отчаяния). Потом тоже прислал прощальное послание. И по духу оно было таким же, как сам Крис, — одновременно сдержанное и страстное, покорное и самоуверенное. Он написал, что твердо знает: мы созданы друг для друга и наши судьбы связаны любовью, но при этом он уважает мой выбор, и пусть я сделала его несчастным, он смирился и готов уйти из моей жизни, если таково мое желание. Обещал больше не писать мне и не звонить. Его последними словами были «Peace and love»[32].

Мне стоило огромных усилий удержаться от звонка. Я представила себе сцену, в которой честно рассказываю о своем обмане Крису и он вопреки всему продолжает меня любить — меня, а не Катю. Представила — и сама в это не поверила. Я и так чувствовала себя ущербной, моя гордость не выдержала бы последнего удара. Я долго смотрела в зеркало и сказала себе: «Невозможно». Невозможно сравниться с Катей в красоте. Да и Крис — выдержит ли он такой поток

---

[32] Примечания: 32
Мир и любовь (*англ.*).

лжи? В итоге я сохранила молчание. Тут очень кстати пришлась поездка в Бразилию на литературоведческую конференцию, посвященную Флоберу, — я отправилась туда без ноутбука и второго мобильного телефона. Десять дней провела как будто в кошмарном сне — было так страшно и мучительно снова становиться Клер Милькан, университетской преподавательницей, разведенной матерью двоих детей. Расстаться с Клер Антунеш, отказаться от счастья любить и от радости быть любимой; избавиться от этого, как от старой кожи. Или наоборот — влезть в старую кожу. Быть красавицей Клер или престарелой училкой — такая дилемма.

Домой я вернулась уже на пределе и сразу бросилась к мобильному телефону. Ни одной эсэмэски. Открыла ноутбук — никаких уведомлений. Хотела зайти на страницу Криса — она исчезла. Ее вообще не было. Поисковик ничего не выдал, когда я вбила ник KissChris, а на моей странице пропали все следы его существования — лайки, комменты, посты. Только в фейсбуковском мессенджере, в ЛС, еще можно было перечитать старые сообщения. Крис оказался сильнее меня, подумала я тогда, он принял радикальные меры. Мне стало больно оттого, что он нашел в себе

силы, превзошедшие силу любви. И в то же время я почувствовала не то чтобы облегчение — нет, бремя мое было слишком тяжким, — но меня как будто бы освободили от воинской повинности: больше не с кем было сражаться, потому что противник отступил, остался лишь обескровленный внутренний враг — я сама. И все же я не смогла отречься сразу, несмотря ни на что — позвонила Крису, но соединение оборвалось, не получилось даже отправить эсэмэску. Тогда я попыталась связаться с Жо, чтобы узнать хоть какие-то новости о Крисе, но Жо не подавал признаков жизни — наверное, опять уехал в Гоа или куда-то еще, может быть, еще дальше, и может быть, с Крисом. Я подождала несколько недель, прежде чем решилась заблокировать вторую симку, но в конце концов сделала это. И сожгла последний мост, удалив в Фейсбуке аккаунт Клер Антунеш. После этого я вернулась к своей прежней жизни, словно дочитала роман и закрыла книгу. Ошеломленная, подавленная. Старая.

Нет.

Ну, возможно, отчасти. Крис перестал быть жертвой моего обмана. Я искупила свою вину, предоставив ему возможность, которую предоставляла всем мужчинам, часто созна-

тельно, — возможность просто уйти, забыть, перевернуть страницу. Женщины, в отличие от мужчин, вынуждены вести постоянную борьбу за то, чтобы не остаться жертвой навсегда, чтобы обрести силу жить дальше или хотя бы сохранить достоинство. Даже спрашивать вас не буду, читали ли вы «Опасные связи» — уверена, что нет. В этом романе маркиза де Мертей пишет Вальмону: «Для вас, мужчин, поражение — всего-навсего отсутствие успеха. В этой, столь неравной, игре мы выигрываем, если ничего не теряем, а вы теряете, если ничего не выиграли»[33]. Каждый мужчина знает, что для него найдется другая женщина, как минимум одна. Мужчине от природы присуща уверенность, что его любимая — не единственная в мире. Вот о чем я тогда думала, понимаете? В моих глазах он вышел победителем из битвы, в которой изначально все преимущества были у меня.

Нет. Я сходила к психиатру только для того, чтобы получить рецепт на снотворное. Худо-бедно продолжала жить. На куски не развалилась — уже хорошо. Дети заметили, что я стала чуть печальнее, чем раньше, вот и все. Радость ушла

---

[33] Примечания: 33
Цитата из романа Шодерло де Лакло в переводе Н. Рыковой.

вместе с Крисом, вот и все. Я погрузилась в работу, взялась за сравнительный анализ синтаксических конструкций с союзом «mais» в любовной лирике Ронсара и с союзом «but» в сонетах Шекспира.

Нет. Я узнала об этом только через месяц, а может, и позже… или чуть раньше — я тогда утратила чувство времени. Однажды от безделья заглянула на свою страницу в Фейсбуке — на настоящую, под логином Клер Милькан, на ту, где никогда ничего не происходило, — и увидела новое сообщение. От Жо. Он любезно осведомился, как у меня дела, и поставил в известность, что все еще думает обо мне. «Найдешь минутку выпить со мной кофе?» Я согласилась.

Жо совсем не изменился, был все так же привлекателен, но меня это не волновало. Я и пяти минут не вытерпела — сразу спросила с наигранной небрежностью, живет ли он все еще в Лакано со своим приятелем… как его там? Кристиан, Кристоф? «Крис? — весело отозвался Жо. — Не-а, он уже не со мной, да и вообще не с нами, прикинь! Этот долбокряк склеил ласты». Мне показалось, я теряю сознание, вся кровь отхлынула от сердца, а потом до меня, как через вату, донесся собственный голос: «Не поняла… Крис умер? Что с ним

случилось?» — «Приступ идиотизма с ним случился. Его „дэ-эска“ влетела в дерево на скорости сто пятьдесят. Зрелище было — жесть!» — «Но… как это могло произойти? Несчастный случай?» Я изо всех сил сдерживала слезы, а Жо продолжал говорить тем же жизнерадостным тоном: «Ну нет, он нарочно разогнался и вломился в дуб, шут гороховый. Покончил с собой». — «Покончил с со…» — «Точно покончил. С некоторых пор Крис совсем расклеился, даже плакал иногда. Тряпка! К тому же флики сказали, что на дороге не было следов торможения. Сто пудов самоубийство. И все из-за какой-то телки, которая динамила его несколько месяцев! Прям не баба, а космическая динамо-машина. Бывают же такие стервы…» — «Что?… Кто?…» — меня уже трясло, я не могла вдохнуть. «Что-кто, курица в пальто, — фыркнул Жо. — Подцепил какую-то чиксу на „Меетике“ или в Фейсбуке, не помню. Ее звали Клер, как тебя, так что мне сразу надо было насторожиться! Крис в нее втрескался по уши, а она его только заманухами кормила. И когда эта стерва его отшила в конце в концов, он слетел с катушек. Не знал, что делать, бродил кругами, как привидение. Бродил-бродил и рассеялся в воздухе. Надо же — расплющить себя о дерево из-за какой-то телки,

которую он и в глаза-то не видел! Просто чувак потерял желание жить. Любовь превращает в конченых дебилов даже тех, кто и без того умом не блещет… Вот поэтому, если ты не заметила, я изо всех сил стараюсь избегать любви».

Нет.

Может, да.

Нет. Уходи́те.

2
Речь доктора Марка Б.

Я прекрасно понимаю, почему оказался здесь, перед вами, дорогие коллеги. Ни в малейшей степени я не намерен уклоняться от ответственности и заранее готов смириться с любыми санкциями, которые вы сочтете нужным применить ко мне. Но прежде чем судить меня и вынести приговор, вы должны получить четкое представление обо всех обстоятельствах дела, которое сегодня нас сюда привело. Конечно же все вы внимательно изучили историю болезни мадам Клер Милькан, а некоторые из вас познакомились с ней самой гораздо раньше, чем я, и, несомненно, мое положение новичка в этом заведении, а также недостаток опыта в целом могли стать причиной совершенной мною ошибки. Однако я хотел бы предложить вам на рассмотрение один текст — всего несколько десятков страниц. Этот текст, я уверен, никому из вас не известен, но может представить в совершенно ином свете решение, принятое мною по совести и без учета последствий. Речь идет об отрывке

из романа, написанного Клер Милькан здесь, на занятиях литературного кружка, за несколько недель. Точнее, это большие фрагменты из второй части романа, где Клер пытается вообразить, как могла бы сложиться ее жизнь с Крисом, если бы она отважилась, не признавшись в своем изначальном обмане, вступить с ним в любовные отношения, которые считала возможными и о которых мечтала. Читая этот текст, я вспоминал слова Лакана: «Авантюры берут начало в „воображаемом“». Клер принесла мне свой роман после наших первых бесед, и, прочитав вам вслух несколько отрывков, я не совершу предательства по отношению к ней. К тому же эти отрывки кажутся мне крайне необходимыми для того, чтобы вы лучше поняли Клер, проникли в ее сознание и в результате лучше поняли меня.

Клер Милькан

Ложные признания

Роман

Я хочу рассказать историю любви, которая может сбыться при любых обстоятельствах, даже если людям, далеким от литературы, она представ-

ляется несбыточной, – литературе нет дела до представлений о том, что возможно, а что невозможно, иначе это не литература.

Маргерит Дюрас. Голубые глаза, черные волосы

Теперь я уже не могла выбросить Криса из головы, думала о нем непрерывно. Мысль, что между нами так ничего и не случится, была нестерпима: порвать виртуальную связь с ним означало бы отречься от жизни. Ведь этот мужчина безумно мне нравился, и он любил меня, по его собственному признанию, – так зачем же отрекаться? Крис твердил, что наши судьбы сплетены, он в этом не сомневался, – так почему бы не проверить, прав он или нет? Я словно попала в пространство художественного фильма, из которого нельзя и невозможно вырезать ключевые сцены.

Крис написал мне, что скоро не выдержит и уедет из Лакано, поскольку ему стало трудно находиться с Жо под одной крышей. Я мысленно посочувствовала – кому, как не мне, знать, что это и правда

нелегко.

«Серьезно? – написала я в ответ. – А что у вас случилось?» Оказалось, Жо не дал Крису поработать над фоторепортажем с Гоа и даже уничтожил несколько снятых там видеозаписей и фотографий, до которых сумел добраться; к тому же его семейство собралось приехать в Лакано на все лето. Крис уже забронировал билет на поезд, он возвращается через три недели, в понедельник, и надеется на свидание со мной. Для меня это был удачный момент попытать судьбу, и я решила встретиться с ним в своем истинном облике Клер Милькан – посмотрим, что тогда произойдет с нашей любовью. Но прежде нужно было избавиться от Клер Антунеш, по крайней мере, сделать так, чтобы она исчезла из поля зрения Криса, а еще лучше – из его памяти. Я обдумывала, как бы половчее вывести из игры виртуальную соперницу, к которой испытывала невыразимую, утробную ненависть, накатывавшую волнами, – это было странное чувство, вызванное полнейшей беспомощностью перед мо-

лодостью и красотой. Нет врага опаснее, чем тот, что не существует.

Ребенок, потерявший брата или сестру, преисполняется уверенности, что он никогда не сумеет занять в сердце родителей место погибшего идеала. Думая о Клер Антунеш, я испытывала нечто похожее. Но моей племяннице Кате, лежавшей в то время в неврологической клинике после попытки самоубийства, доставалась лишь малая доля бушевавшей во мне злобы. Конечно, Крис влюбился в ее фотографию, но в этом была только моя вина. К тому же Катину психику так искалечила недавняя любовная история, что я просто не могла на нее злиться.

Лучшим способом спровадить Клер Антунеш подальше было… спровадить ее подальше на самом деле. Я придумала отправить свою аватару за границу, а поскольку мне заблагорассудилось дать ей португальскую фамилию, виртуальная Клер улетела… в Лиссабон. «Это не спонтанное решение», – объяснила она Крису ласково, но твердо. Просто родители нашли для нее интересную работу, и

платить ей будут лучше, чем за рабский труд в парижской конторе, а поскольку отношения с Жилем совсем разладились, она хочет уехать, чтобы поставить уже наконец точку. «Возможно, я вернусь через несколько месяцев, – добавила Клер в заключение. – Но даже если мы так и не увидимся, я всегда буду тебя любить». Я не позволила ей хлопнуть дверью, поскольку не исключала, что в один прекрасный день Клер Антунеш снова может мне понадобиться и придется ее вернуть. Крис ответил, что он ужасно расстроен и чувствует себя несчастным, но будет меня ждать. Еще он готов приехать ко мне в Лиссабон, ведь в Париже у него нет никаких обязательств, ничто его тут не держит. К тому же он никогда не был в Португалии – наверное, там потрясающее освещение, рай для фотографов. Он даже нашел чудесный маршрут для путешествия на своей DS по проселочным дорогам, от деревеньки к деревеньке, и был в восторге от их экзотических названий – Жамбуго, Пикото, прелесть же, правда? Крис надеялся, что я позо-

ву его с собой, но я, разумеется, этого не сделала. Помимо прочего, отъезд за границу давал мне возможность положить конец нашим телефонным разговорам – из очевидных соображений экономии. Крис должен был забыть голос Клер Антунеш, чтобы через несколько недель я смогла заговорить с ним от имени Клер Милькан. Впрочем, я не слишком боялась выдать себя таким образом – все-таки по телефону и при живом общении голос звучит по-разному. Кроме того, чтобы догадаться о чем-то в подобной ситуации, нужно иметь буйное воображение.

Я тщательно срежиссировала нашу будущую встречу. Нужно было, чтобы все выглядело естественно, как будто случай вмешался в наши судьбы. О знакомстве через Фейсбук или с помощью посредника и речи не шло: я хотела, чтобы у нас все было по-другому, уникально, неповторимо. К счастью, Крис упомянул, в котором часу его поезд прибудет на вокзал Монпарнас в понедельник 12-го числа. Я собиралась дождаться его на платформе и не сомневалась, что узнаю

Криса в толпе, – он прислал мне много своих фотографий, еще я знала, что он высокий, да и цвет волос, редкий у мужчин, золотисто-каштановый, с рыжеватым отливом, ни с чем бы не спутала. Разумеется, он будет один. Я представляла себе, как Крис спускается в метро, чтобы затем пересесть на пригородную электричку до Севрана, и там, в вагоне под землей, сидя напротив, я заговариваю с ним, мы знакомимся. До этого дня у меня было целых три недели на подготовку, я хотела быть красивой, без единого седого волоска, без лишнего килограмма, сексуальной и внушающей доверие. Я хотела быть достойной любви, жаждала быть любимой.

Вот. Сегодня понедельник, в метро свободно, я сижу напротив него, мне сорок восемь лет, но я не выгляжу на свой возраст; он поднимает глаза и смотрит на меня. Я ему улыбаюсь, он закидывает ногу на ногу и улыбается мне в ответ, немного грустно – должно быть, все еще думает о своей упорхнувшей красавице. Я молчу до следующей станции – даю себе время обрести хотя бы внешнее спокой-

ствие. Он очень красивый, в чертах лица – аристократическая утонченность, глаза редкого серо-зеленого цвета; но у него усталый, почти изможденный вид, и от этого он кажется старше, а в рыжеватых волосах заметна седина. Я втайне радуюсь этому – во-первых, сейчас разница в возрасте между нами почти неощутима, а во-вторых, отныне у меня есть важная миссия: я хочу сделать этого человека счастливым. И все же мне страшно, я пока не решаюсь действовать. Однако еще страшнее, что он вот-вот выйдет из вагона, поэтому я смотрю на него с внимательным прищуром, притворяясь, будто что-то вспоминаю, и говорю: «Простите, мне кажется, я вас где-то видела. У вас, случайно, нет друга по имени Жо? Вы фотограф?» У него на коленях открытая сумка с фотографическими принадлежностями, и мой последний вопрос звучит глуповато. Но он с искренним удивлением поднимает брови: «Вы о Жоэле С.? Вы тоже с ним знакомы?» – «Меня зовут Клер Милькан. Я его бывшая… э-э-э… бывшая подруга». – «Понятно», – сдержанно кива-

ет он. Вероятно, Жо рассказывал ему обо мне как об очередном постельном приключении и в выражениях не стеснялся, поэтому Крис чувствует неловкость. Или мое имя пробудило у него мучительные воспоминания о возлюбленной, которую он потерял, и я вдруг чувствую злость на саму себя за то, что дала сопернице собственное имя, вот же глупость, какое отсутствие прозорливости! Впрочем, возможно, все вышло в конечном счете наоборот – как раз благодаря этому имени мне тоже удалось поселиться в его воображении. Я продолжаю разговор: «Мы с Жо больше не встречаемся, поссорились. – И равнодушно спрашиваю: – А вы живете в одном доме с ним?» – «Уже нет. Поругались недавно, но, похоже, навсегда». – На его губах сдержанная заговорщицкая улыбка. «Жо со всеми ругается. Нам, обиженным, уже пора организовать свой клуб». Он молчит, глядя на меня с симпатией: зрительный образ точно соответствует его первым месседжам – галантным, милым, написанным со сдержанным любопытством. Я боюсь,

что именно по этим причинам он сейчас встанет и уйдет, не желая навязываться, и быстро продолжаю: «Жо присылал мне селфи, на которых вы вдвоем, поэтому я вас и узнала, и еще однажды он показал ваши работы – пейзажи, городские виды, фотографии, сделанные во время путешествий. Мне очень понравилось. А портретной съемкой вы занимаетесь? То есть я хочу сказать, фотографируете людей?» Он смеется: «Ну конечно, меня привлекают не только баобабы и гигантские панды! Люди тоже, да». Я сбивчиво рассказываю о том, что заканчиваю монографию о Маргерит Дюрас и мой издатель просит снимок для прессы. «Обычно он присылает ко мне фотографа, который давно с ним сотрудничает, но я могу предложить ему сменить стиль… если вам интересно…» – «Конечно интересно, еще бы! Если честно, я сейчас без гроша и как раз ищу заработок. Это будет cool! – Теперь он смотрит на меня внимательнее, оценивающе. – И еще это будет очень приятно – работать с такой моделью. Когда тебе удобно?» Я краснею – не

от комплимента, а от его обращения на «ты», как будто он взял меня за руку. Еще я чувствую укол ревности из-за того, что он так легко сближается с незнакомыми людьми, ведет себя просто и доверчиво. Я думаю о целой толпе девиц в Фейсбуке, обо всех женщинах в метро и на улицах. «Ну-у, не знаю. Ты живешь в Париже?» – «Нет, в Севране, у родителей – надеюсь, временно. Но у меня есть старенькая DS, я могу заехать за тобой, когда скажешь, и махнем куда-нибудь на природу, поснимаю тебя на открытом воздухе, для разнообразия. Или ты предпочитаешь классику: великий писатель сидит за столиком в кафе „Флор“, подперев рукой подбородок?» Я с улыбкой качаю головой. «Тогда договорились!» – подытоживает он. Я прошу у него номер телефона, он записывает мой. «О, мне здесь выходить». – «Я тебе позвоню», – говорю я, пока он закидывает на плечо ремень сумки. «Cool! – отзывается он. – Очень рад познакомиться! До скорого!» – и выходит из вагона. Я вижу, как он удаляется по платформе с сумкой за спиной, а в тот

момент, когда поезд трогается, замечаю в металлической урне розу, обернутую в целлофан. Трагикомический натюрморт: цветок в немыслимой вазе. Быть может, дурное предзнаменование? Но я не собираюсь об этом думать. Я думаю о том, что наверняка понравилась Крису. Ловлю в черном стекле свое отражение, смотрю в глаза цвета морской волны. Да, я ему понравилась.

В скором времени мы съехались, вернее, он переехал жить ко мне. Снимать в Париже квартиру ему было не на что, а у меня места хватало, особенно когда дети жили у отца. Я давным-давно пообещала себе никогда не совершать ошибку семейных пар, решающих делить одну спальню. Мне хотелось сохранить то острое ощущение невинности и свежести отношений, которое я испытала, когда мы впервые поцеловались, сразу после фотосеанса. Мы вместе, щека к щеке, разглядывали на экранчике фотоаппарата мои отснятые портреты, и вдруг синхронно повернули головы, и наши губы соприкоснулись, и его язык

скользнул мне в рот, а потом Крис заторопился на какую-то встречу и быстро уехал. Ах, если бы это повторилось, если бы всегда возникало то чувство полноты и интенсивности, и время замедлялось, и снова набирало обороты в согласии с медленным ускорением пульсации жизни, внушая зыбкое ощущение бесконечности, – верните мне, верните это начало начал! Я обустраивала для Криса гостиную в надежде, что тот, первый, раз повторится, что он будет повторяться всегда, и говорила себе: Крис останется со мной, если почувствует себя свободным. Любить – значит остаться, когда можешь уйти. Я перетащила телевизор в столовую, купила диван-кровать и стол, чтобы Крис мог работать с фотографиями. Он установил в гостиной что-то вроде японской ширмы, разделив ее надвое, повесил несколько своих вещей в мой платяной шкаф, и совместная жизнь началась. На самом деле мы спали вдвоем почти каждую ночь, чаще всего в моей постели, но иногда и на диване; несколько раз я приходила к нему в темноте, будила по-

целуями, и он всегда отзывался; я очень старалась доставить ему удовольствие, потому что оно неотделимо от любви. «Я чувствую твою любовь», – шептал Крис, склоняясь надо мной. «Любовь моя», – шептал он мне на ухо, засыпая в моих объятиях, и каждое соприкосновение тел сближало нас все сильнее. Но по утрам я неизменно старалась ускользнуть, пока он не проснулся, спрятаться из страха, что мои припухшие глаза и кожа без тонального крема напомнят ему о том, о чем он, казалось, и думать не думает. Всю жизнь я презирала женский маскарад, а теперь тщательно наносила макияж, который должен был выглядеть естественно, и держала молодую осанку, соответствовавшую молодости моей души.

Он попросил звать его Крисом, а не Кристофом, не ведая о том, что я зову его так уже несколько месяцев, что я мысленно произносила его имя по двадцать раз в день, а ночами бормотала его в подушку, как школьница. Ко мне он сразу стал обращаться Кле. «Кле, моя Кле, давай в выходные махнем в поля собирать для те-

бя клематисы и кле-вер!» – говорил Крис, и мы на его DS ехали в Дьеп лакомиться мидиями с картошкой фри или просто гоняли на машине за городом, ради удовольствия. «Ты ключ к моим снам»[34], – твердил он, крепче прижимая меня к себе ночью. «Ключик к тайне», – шептал он, проводя пальцами по моему лицу, по закрытым векам, и меня охватывал трепет. Но я все же сумела выкинуть из головы мысль, не дававшую мне покоя в первое время, – подозрение о том, что он называет меня Кле, чтобы не произносить имя Клер, принадлежащее другой.

Мы не часто ходили в гости и в основном поодиночке – не хотели объединять своих друзей в один круг общения. По молчаливому согласию мы от них отдалились. Крис время от времени выгуливал пса своей бывшей. «Она давно мне всего лишь подруга, не более», – смеялся он, когда я провожала его в гордом молчании. Со своей стороны, я изредка встречалась с кем-нибудь из коллег и с партнершей по

---

[34] Примечания: 34
Имя Кле (Clé) созвучно французскому слову clef — «ключ».

теннису, которой никогда не рассказывала о Крисе. Мы с ним вели в буквальном смысле слова интимную жизнь, но не чувствовали, что лишаем себя каких-то радостей, – нам хватало друг друга. В работе мы друг другу не мешали, и нам не мешала работа – я ходила на лекции, он бродил по городу, делая фотографии, и вскоре мы снова оказывались вместе. В те недели, когда дети жили у меня, Крис учил их выстраивать композицию в кадре, они втроем слушали рок или смотрели сериалы. Не знаю, понимали ли мои сыновья, что мы любовники, – все-таки мы жили в разных комнатах, – но они обожали Криса. Хором говорили: «Клевый чувак!» Его умение находить с людьми общий язык легко гасило ссоры между мальчишками. Оставаясь одни, мы с Крисом подолгу лежали бок о бок, слушая музыку или читая. Или решали вдруг вместе приготовить на ужин что-нибудь замысловатое – под конец рецепт летел в корзину, а мы шли в бистро на углу. Мы конечно же понимали друг друга без слов, и все наши размолвки заканчива-

лись смехом.

Очень быстро возник денежный вопрос и немедленно был улажен. У Криса денег не было, родители не могли ему помогать, он жил на пособие и хватался за любую халтуру, лишь бы она имела отношение к фотографии. Я обо всем уже знала, но внимательно слушала Криса – чутье мне подсказывало, что это важно. Если для женщины финансовая зависимость от кого-нибудь, и часто от человека старше ее, пока еще остается обычным делом, для мужчины это настоящее испытание. На горизонте замаячило слово «жиголо», и нужно было срочно от него избавиться. Тогда я сказала Крису, что деньги – штука непостоянная, сегодня они есть у меня, завтра будут у него, не стоит придавать этому большого значения. Мой довод ему понравился – Крис решил, что я верю в его талант и готова инвестировать в будущие профессиональные успехи. Я задействовала свои связи, чтобы искать для него заработок – портретную съемку, фотографирование памятников архитектуры. Он, в свою очередь, предлагал знакомым

актрисам заключать контракты на биографические книги, и я старалась унять ревность, зная, с какими женщинами он общается. Крис никогда не упускал случая компенсировать свою финансовую несостоятельность скромными знаками внимания – мог подарить мне розу, круассан, коктейль в баре. На остатки того, что удавалось заработать, он покупал бензин и поддерживал в хорошем состоянии свою DS и фотоаппаратуру. Его кожа в ямочке между ключицами, которую так хотелось поцеловать Клер Антунеш, была горячей и нежной под моими губами.

Мы были счастливы несколько месяцев. Мы обрели то самое счастье, о котором вы все мечтаете. А потом вдруг пришла беда – по моей вине, только по моей, потому что я сумасшедшая. Вот как это случилось.

Я со своими дипломниками разбирала тему влияния творчества Торквато Тассо на европейских художников и писателей начиная с XVI века (преподавание, которое порой становилось для меня тяжким бременем, вдруг превратилось в вели-

кую радость – присутствие Криса словно уравновешивало все, что я делала). Так вот, мы взялись за историю Ринальдо и Армиды, рассказанную Тассо в «Освобожденном Иерусалиме». Во времена Первого крестового похода доблестный рыцарь Ринальдо был захвачен в плен прекрасной колдуньей, язычницей Армидой. Колдунья собиралась убить Ринальдо вместе с другими крестоносцами, но влюбилась в него, а чтобы добиться взаимности, опоила волшебным зельем, подчинив таким образом своей власти. С того дня рыцарь позабыл о священной миссии и зажил в любовном мороке, в роскоши и неге. Армида забрала у Ринальдо доспехи и меч, облачила возлюбленного в богатые одежды, осыпáла его поцелуями и ласками, выдумывала всё новые удовольствия, приглашала музыкантов, устраивала пиры и потехи. Месяц за месяцем проходили для них в праздности и наслаждениях. Но крестоносцы под предводительством Готфрида Бульонского не могли смириться с тем, что их соратника постигла столь недостойная участь. В кон-

це концов они нашли способ повидаться с ним в отсутствие Армиды. Ринальдо возлежал на пышных перинах и шелках, вокруг стояли подносы с изысканными яствами и кувшины с вином, сладким как мед. Крестоносцы показали Ринальдо начищенный щит, чтобы он, узрев свое отражение, понял, во что превратился. И рыцарь, который прежде смотрелся лишь в магические зеркала, расставленные повсюду колдуньей, вдруг увидел свой истинный облик – с поверхности щита на него томно поглядывал изнеженный, утонувший в подушках, безоружный придворный щеголь. Бывшим соратникам не составило труда уговорить Ринальдо продолжить Крестовый поход. Рыцарь тотчас вскочил, отыскал свое оружие и приготовился последовать за ними.

Вот тут, к сожалению, легенда начинает вторить моей собственной истории. Сердце Армиды и вся ее жизнь были настолько переполнены любовью, что, узнав о решении Ринальдо покинуть ее, колдунья не поверила, что он может уйти. «Сила нашей страсти столь велика – и мы

бессчетное число раз доказывали это друг другу со всем пылом, – что никакие зелья и чары нам уже не нужны», – говорила она себе. В опере Люлли[35] есть чудесный дуэт Ринальдо и Армиды, я чуть не разрыдалась под эту музыку, когда поставила ее послушать студентам: «Нет, лучше мне не видеть свет, / Чем дать угаснуть пламени в груди. / Ничто не умалит моей любви. / Нет, лучше мне не видеть свет, / Чем от любви своей отречься». Армида, уверенная во всемогуществе любви, бросается на колени перед Ринальдо, признается, что подчинила его себе волшебными чарами, обещает снять заклятие. «Я люблю тебя, – говорит она. – Я тебя предала, я тебе солгала, но единственная правда в том, что я тебя люблю. Возьми меня с собой. Из любви к тебе я готова на все, я приму твою веру, если ты пожелаешь». Ринальдо колеблется, он с грустью и любовью смотрит в прекрасное лицо колдуньи, но обман ранил его слишком глубоко. В кон-

[35] Примечания: 35

Имеется в виду опера Жан-Батиста *Люлли* «Армида» (1686) на либретто Филиппа Кино по поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».

це концов рыцарский долг торжествует над чувствами. Ринальдо вырывается из нежных рук плачущей Армиды и покидает ее навсегда.

Я пересказала эту историю студентам, а потом долго не могла выбросить ее из головы, она меня преследовала неотступно. В сознании волчком вертелись вопросы: вдруг Крис меня разлюбит, если я признаюсь ему в своем обмане? Вдруг будет потрясен тем, что я им манипулировала? Вдруг он уйдет?

Вообще-то, если быть честной до конца, куда сильнее меня терзал другой вопрос: тоскует ли еще Крис по Клер Антунеш? Вот что не давало мне покоя. Стоило ему впасть в задумчивость, сделаться рассеянным или с отсутствующим видом посмотреть в окно, в моей голове один за другим возникали вопросительные знаки: Крис все еще любит ее? Он любит ее больше, чем меня? Любит возвышенной, светлой любовью, какую Ринальдо питал к своему долгу христианина и рыцаря? Эта любовь безусловна, безоговорочна, абсолютна? А я для него – лишь времен-

ное утешение, способ пережить утрату? И ревность разъедала мне сердце.

Задумав избавиться наконец от мучительной тревоги, я решила подвергнуть нашу любовь испытанию. Но в отличие от Армиды у меня были сомнения, хотя ничто в поведении Криса не давало повода сомневаться. Наоборот, я видела в его глазах и поступках лишь нежность и желание. Не существовало ни одной объективной причины испытывать наши отношения на прочность. И все-таки я это сделала, сама не знаю почему. Я сделала это. Воскресила Клер Антунеш.

Подготовлено все было с предельной тщательностью. Я уже не могла думать ни о чем другом, моими мыслями завладело стремление убедиться, что нашей любви никто не угрожает. Первым делом я извлекла на свет второй мобильный телефон, который в свое время запрятала в коробку из-под обуви и положила в шкаф. Номер не был аннулирован – я забыла расторгнуть контракт. Зарядила аккумулятор, с дрожью переслушала последние голосовые сообщения, которые

мне оставил Крис несколько месяцев назад. От его грустного голоса у меня заныло сердце. Нет, не от голоса – от ревности, от безбрежной, безумной, безжалостной ревности. Его прошлое убивало мое настоящее. Я приступила к выполнению плана. Чувствовала, что не надо этого делать, нельзя дразнить судьбу, но не могла отступиться.

Согласно моему плану, Клер Антунеш должна была внезапно возникнуть в виде любовного ультиматума: за несколько месяцев разлуки и молчания она успела разойтись со своим женихом и теперь хочет встретиться с Крисом и больше не расставаться, жить с ним, потому что она его любит. Клер не знает, что сейчас происходит в его жизни, но если он тоже любит ее по-прежнему, пусть все бросит и придет сегодня вечером на свидание с ней в «Кафе франсэ». Она будет ждать его с девяти до десяти часов и, если не дождется, уйдет. Не нужно звонить ей по телефону, пусть просто будет там в назначенное время. Если же он не появится, никогда больше о ней не услышит. Вот

суть призыва, категоричного и пылкого, который Крису предстояло получить в форме эсэмэски с моего секретного мобильника тем же вечером, когда мы вдвоем будем сидеть за столиком на террасе нашего любимого ресторана в двух шагах от моего дома.

Поначалу я собиралась провести «поверхностный» тест – если бы Крис пошел на свидание с Клер Антунеш, он ее, конечно, не нашел бы там и потерял меня. Или я потеряла бы его. При условии, что не простила бы. Но мало-помалу, чтобы окончательно и бесповоротно разрешить свои сомнения и задушить ревность, я начала воображать себе, что в «Кафе франсэ» напротив Криса сидит та самая молодая и прекрасная брюнетка, которую он видел на фотографии, – моя племянница Катя. После ее попытки самоубийства мы редко виделись, и всякий раз я навещала ее, разумеется, втайне от Криса; он даже не подозревал о Катином существовании. Она долгое время провела в пансионате на юго-западе страны, а потом вернулась в Париж искать работу и уже месяц жила

одна на улице Рокетт, так и не избавившись до конца от депрессии. Я не знала наверняка, что за обстоятельства вынудили ее наглотаться снотворного вскоре после переезда в Родез. Думала, все дело в несчастной любви, но Катя отказывалась говорить со мной об этом, и я не настаивала. В общем, в своих бредовых видениях, вызванных неуемной ревностью, я назначала ей встречу в «Кафе франсэ» в тот же вечер в 21.00. В придуманном мной наяву кошмарном сне Крис подходил к ней, усаживался за ее столик возле бара, брал Катю за руки – молча, сияя от счастья… Хорошо, что сны не часто сбываются. Эта сцена прокручивалась в моем воображении снова и снова, ad nauseam[36], пока я не начинала мотать головой, чтобы не взвыть от тоски.

Вечер настал. Я предложила Крису поужинать «У Тони», в ресторане по соседству с моим домом; мы всегда туда наведывались, если в холодильнике становилось пусто. «Может, я лучше сгоняю

[36] Примечания: 36
До тошноты (*лат.*).

за пиццей?» – спросил он, обняв меня сзади, прижавшись грудью к моей спине, касаясь щекой волос и уха – губами. Я сказала, что погода чудесная, хочется подышать свежим воздухом на террасе. На втором мобильнике, запрятанном под бумагами на столе, я заранее набрала в «Сообщениях» текст эсэмэски от Клер Антунеш – оставалось только нажать на «Отправить». Я медлила до последнего, могла бы и вовсе не нажимать, но все-таки сделала это, прямо перед тем как запереть дверь и вызвать лифт. Мы спустились, дошли до ресторана – Крис обнимал меня за талию, – расположились на террасе, полистали меню. Он даже не смотрел на свой телефон – возможно, не слышал, как бибикнула эсэмэска, или, скорее всего, просто оттягивал момент, наслаждаясь предвкушением. По сторонам он тоже не смотрел, сидел с безмятежным видом. Я уже не выдерживала – меня била нервная дрожь, живот крутило от нетерпения узнать наконец, кто он такой на самом деле, кто я для него, кто я… Механизм разрушения уже запущен,

ко мне вернулся застарелый страх утраты, страх не быть любимой. «Он любит не меня, другую», – я всегда так думала, всегда. Вспомнилась максима Ларошфуко, которую мы со студентами обсуждали на семинаре: «В дружбе, как и в любви, чаще доставляет счастье то, чего мы не знаем, нежели то, что нам известно»[37]. Несомненно, так и есть. Но поздно отыгрывать назад, через несколько секунд я узнаю все.

«Который час? – спрашиваю. – Может, после ужина еще успеем в кино?» Крис не слышит, он изучает винную карту, на губах блуждает легкая улыбка. «Посмотри, который час, – не отстаю я и показываю на карман его джинсов, где лежит мобильный. – У меня телефон разрядился». Не отрывая взгляда от карты, Крис достает смарт, словно в замедленной съемке, затем смотрит на экран, замирает и хмурится. «Двадцать сорок две». Голос у него какой-то задушенный, или это у меня перехватило дыхание? Крис читает эс-

[37] Примечания: 37
Перевод Э. Линецкой.

эмэску. Теперь что-то происходит с его взглядом – мечется по сторонам, будто ему не на чем остановиться. Мне плохо. «Ты не сходишь за сигаретами? Ужасно хочется курить», – говорю я только для того, чтобы он ушел, не могу на него смотреть. Пусть убирается, пусть избавит меня от этого зрелища, так больно видеть его нерешительность! Он встает, бормоча: «Да-да, схожу», кладет руку мне на плечо – такую сильную, даже грубую руку, в которой непонятно откуда столько нежности. Я замечаю в распахнутом вороте его рубашки беззащитную шею и ямку между ключицами, которую мне так нравится целовать; я хочу коснуться ее губами, пока он не ушел, но не успеваю. «Я вернусь», – бросает Крис через плечо, удаляясь. Подходит гарсон, я заказываю розовое вино. Когда он приносит графин, наполняю два бокала. Пью маленькими глоточками из своего, не сводя глаз с бокала Криса. «Я вернусь».

На этом обрывается роман Клер… мадам Мильканн. Во всяком случае, это конец фрагмента, написанного в один присест. Дальше, как вы

видите, дорогие коллеги, в тетради следуют несколько чистых страниц, словно нарочно оставленных для того, чтобы обозначить временной промежуток, и вот продолжение, уже другими чернилами, более неровным и неразборчивым почерком. Здесь много исправлений, в отличие от первого куска. Некоторые абзацы целиком заштрихованы черным так, что не прочесть. В других зачеркнуты отдельные слова. Вероятно, Клер нелегко далась концовка романа: у нее было столько возможных вариантов, столько мыслей, грез и кошмарных видений о своей любви, ее так долго терзали желания, сомнения, ревность, что, наверное, оказалось чудовищно трудно выбрать единственный и бесповоротный финал. Будь это сценарий фильма, все оказалось бы проще, можно было бы закончить именно так; впрочем, и для романа подобный финал годится. Она сидит на террасе с бокалом розового вина в руке; это последние кадры, картинка уходит в затемнение, пока Клер не начала пить из второго бокала, или сразу после. Ожидание, отчаяние и течение времени отмеряются количеством вина в бокалах. Но можно выбрать и хеппи-энд — доснять Криса вдалеке, как он идет к ней по улице, и на этом фоне плывут финальные титры

под песню Патти Смит Because the night belongs to lovers или под другую, которая тоже ей нравится, во время наших бесед она иногда включала ее на своем айподе: One day baby we'll be old[38].

Но сейчас я прочитаю вам конец романа, каким его все-таки написала Клер… или кто-то другой вместо нее — не могу говорить об этом с уверенностью, однако почерк выглядит странно. Отрывок представляет интерес, поскольку в нем изложена мужская точка зрения: здесь повествование идет от лица Криса. И если принять во внимание то, что случилось потом, такая развязка не лишена смысла, вы поймете почему. Именно этот конец романа подтолкнул меня к действиям. Итак, прошу послушать — я отниму у вас всего несколько минут.

> Я прочитал эсэмэску и офигел. Тут Кле как раз попросила сгонять за сигаретами – очень вовремя, потому что мне надо было прийти в себя. Дотащился, как зомби, до перекрестка, остановился и полез на страницу Клер в Фейсбуке. Там ничего не изменилось: последние посты вывешены

---

[38] Примечания: 38

«Однажды, детка, мы постареем» (*англ.*). Песня Асафа Авидана.

несколько месяцев назад, все та же фотка из Португалии – отстойная, как с рекламы турагентства, – и больше ничего. Я лихорадочно перечитал отрывки из нашей переписки в ЛС, чувствуя, как дрожат коленки. Долго смотрел на ее фотографию – простая и ясная красота, улыбка на пухлых губах, совершенные зубы, длинные черные волосы, ухоженные, блестящие. И округлая грудь угадывается под скромным свитерком. Ей бы моделью быть. О таких девчонках мечтают все парни, идеальная trophy girl[39].

Табачный ларек оказался закрыт. Я мог бы прогуляться до пивнухи «Жорж», но это далековато, Кле заждалась бы. Так что решил заскочить в квартиру – сто пудов там где-нибудь валяется «Кэмел». Початая пачка нашлась в корзинке для карманных вещей в прихожей. Я решил задержаться на пару минут – надо было поразмыслить. Что мне ответить Клер? Послать ее на фиг эсэмэской – это будет полный зашквар. С другой стороны, ее

[39] Примечания: 39
Девушка-трофей (*англ.*).

мелодраматический камбэк тоже та еще шняга. Чего она там себе нафантазировала? Думает, я тут застыл навечно влюбленным истуканом? Да мы даже ни разу не встречались! Размечталась, цыпа! Но я не знал, что ей написать. «Сорри, Клер, у меня есть девушка. Ее тоже зовут Клер». Или: «Извини, я не в Париже». Или просто: «Welcome in France[40]. Удачи, Клер. Чмоки-чмоки». Или ничего. Nada[41]. Вообще не отвечать. Прикинуться шлангом. Усиленно соображая, я валялся на диване в гостиной, уставившись на шотландские тапочки Кле под столом, – она всегда их там бросала, – и одновременно вспоминал нашу странную любовную историю с Клер. Может, она и спятила слегонца, если предъявляет ультиматумы человеку, которого совсем не знает, но мне это почему-то понравилось, не стану отрицать. Такая импульсивность, действие под влиянием инстинкта, марш-бросок, чтобы победить свой стыд, перевернуть

[40] Примечания: 40
Добро пожаловать во Францию (*англ.*).

[41] Примечания: 41
Ничего (*португ.*).

все вверх тормашками… Это было так безбашенно, так нерационально – и так по-женски! Абсолютно вразрез с моей удобной, гладенькой и иногда охренительно скучной жизнью. Я не мог вот просто взять и покончить с этим, тихо отсидевшись дома. Надо было с ней поговорить, объясниться. Она не хотела, чтобы я ей звонил, – требовала прийти. Но я же не обязан подчиняться, поступлю, как считаю нужным. Конечно, был риск опять повестись на ее голос – я помнил, как запал на него в то время. В то время… Казалось, это было зверски давно. С тех пор место Клер заняла Кле, сразу же, и своей любовью заслужила мою – по крайней мере, мне было с ней хорошо. И при этом я все никак не решался вернуться в ресторан. Сначала надо было поговорить с Клер. Я как придурок еще пару минут пялился на смарт, стараясь сосредоточиться на том, что сказать ей или написать, если она, как я предполагал (или надеялся?), не ответит на звонок, и в конце концов набрал ее номер. Прогудело один раз, второй, третий. Когда умолк четвертый

гудок, я ткнул на «Отмену», не оставив голосового сообщения включившемуся автоответчику. Сердце колотилось как бешеное. Только не от страха, а от очевидного, но не умещающегося в голове факта, что гудки звучали не только в телефоне, но и одновременно *в квартире.* Я так обалдел от этого совпадения, что сразу еще раз набрал Клер. Ни фига не совпадение – телефонный звонок-гудок доносился из комнаты Кле.

Ориентируясь на слух, я быстро нашел маленькую дешевую звонилку, которую никогда не видел у Кле в руках – она ходила с айфоном. Я активировал экран с таким чувством, будто сейчас случится катастрофа: этот простой жест взорвет бомбу у меня на ладони, и через секунду мне в лицо брызнут осколки правды.

Мои эсэмэски, отправленные Клер Антунеш, наша с ней переписка, фотки, которые я ей перекидывал, – все было здесь, и ничего, кроме этого. Я как сумасшедший давил кнопки на маленькой клавиатуре, а мой взорванный мозг не мог придумать ни единого разумного объ-

яснения тому, что видели глаза. Может, Кле влезла в мой смарт и скопировала все это оттуда? Я же ей так доверял… Да нет, нет, ведь гребаный номер гребаной звонилки принадлежит Клер Антунеш, а единственный контакт в телефонной книге – вот же – я! Единственный номер – мой. Я включил голосовую почту – и завис в пространстве комнаты, как драный носок на бельевой веревке. Мой собственный голос – сладенький, грустненький – засюсюкал в ухо какую-то романтическую чушь, забалаболил о планах на будущее, о сожалениях, начал плести обещания. Я говорил как распоследний дебил… Почему «как»?

Минут пять, не меньше, я оставался в оцепенении, в голове творилось черт знает что, прежде чем до меня стало потихоньку доходить. Махинация была настолько заковыристая, что я никак не мог соотнести ее с Кле, такой прямолинейной и полной достоинства. К ошеломлению, смешанному с унижением, добавилось еще и восхищение. Женщины вдруг представились мне какими-то

высшими существами, непостижимыми и грандиозными. Это с одной стороны. А с другой – шизанутыми. Ну на фиг понадобился весь этот цирк?!

Ревность. Патологическая ревность не дает женщинам покоя.

Конечно, это не могло объяснить всю историю, но я хотя бы получил ответ на болезненный вопрос о себе самом – о том персонаже, которого я, ничего не подозревая, играл в запутанной пьесе все это время. Где ревность, там и любовь. Любовь в качестве объяснения слегка утешала. Но когда первый шок прошел, возник еще один вопрос: что там дальше по сюжету? Разобраться во всем шахер-махере с наскока не получится, но хотелось бы знать, что я должен делать по замыслу автора. Вернуться за столик в ресторане как ни в чем не бывало и выпить бокальчик розового вина, отпраздновав тем самым ее триумф? Или же пойти на свидание с Клер Антунеш в кафе на площади Бастилии и… И что? Наверняка Кле задумала появиться там словно из ниоткуда и насладиться моей охреневшей рожей,

пылающей от стыда, а потом наброситься на меня с предъявами в неверности, пусть и виртуальной, с оскорблениями и проклятиями. Я вроде бы и злился, но вместе с тем хотелось заржать. Помешало мне вот что: над рабочим столом висела фотография, на которой мы с Кле вдвоем, и улыбка Кле почему-то не утешила меня, когда пришло осознание очевидного: Клер Антунеш не существует. Моя феечка – фейк. Моя мечта – аватара. Я влюбился в ветер. Почти физическое, органическое ощущение обмана придало мне решимости идти до конца. По крайней мере, я собирался еще немного поиграть в этой пьесе, чтобы заставить Кле помучиться. Пусть чудовище само попробует сыграть панику, после того как настрочило роль для меня. Я совсем запутался – сам не понимал, то ли восхищаюсь Кле, то ли презираю ее, очарован ее безумием, или оно вызывает у меня протест и отвращение.

Я вскочил, схватил дорожную сумку, закинул туда свое барахло и фотоаппарат, оставив гостиную демонстративно

пустой. Что это было – бесповоротное прощание или инсценировка? Я сам не знал. Стрелка часов приближалась к девяти. Перед выходом я стер в журнале ее звонилки информацию о двух своих вызовах.

Она пила розовое вино на террасе «У Тони». Я видел ее лицо в три четверти, и оно показалось мне грустным. Графин был почти пуст. Я прошмыгнул мимо, не попавшись ей на глаза, и бросился бежать к месту встречи. Я все еще любил ее. Кого?

Сейчас я сижу в «Кафе франсэ», пью анисовый ликер, смотрю на площадь Бастилии, на машины и автобусы. Надо бы сделать фотографию, чтобы обессмертить момент. Обессмертить смертельный момент. А если Кле не придет? Зачем я здесь, с этой дорожной сумкой, если Кле не придет и разрыв уже состоялся? И где я сегодня заночую – у родителей в Севране? А завтра утром буду пить кофе с матерью и читать у нее в глазах извечный вопрос: «Ну почему ты всегда все портишь?» Нет, нет и нет. Я хочу, чтобы Кле пришла,

пусть заплатит за свое надувательство, извращенка. Она меня любит. Я разыграю холодность, а потом заключу ее в жаркие объятия. Наверное. Это будет зависеть от ее улыбки, я ей не раб, ни-ни. В голове стало тесно от воспоминаний, я будто попал в аварию, и перед глазами проносилась вся жизнь. Как она могла замутить такую шизофреническую манипуляцию? Выдумала целую биографию, какого-то Жиля, Португалию – выдумала невозможное! Зачем ей понадобилось…

И вдруг я вижу *ее.* Как наваждение. Оборачиваюсь в поисках гарсона, чтобы заказать еще ликера, и натыкаюсь взглядом на *нее.* В черном. Прекрасные черные волосы гладко зачесаны назад, вид грустный и задумчивый. Это она, я ее узнаю́. Сердце ударяется в галоп, я ничего не понимаю, ничего от слова «ничего». Наши взгляды встречаются. Она смотрит на меня и отворачивается, просто отворачивается, без особого выражения, смотрит в другую сторону. У меня в голове новый взрыв, я не привык к таким шквалам эмоций и по загадкам ни разу не спец. У меня

сердце превратилось в пазл, оно сейчас развалится на куски.

Я встаю, иду к ее столику, бросаю дорожную сумку на стул и резко, почти грубо говорю: «Клер?» Она поднимает голову. Рот приоткрыт, у нее восхитительная кожа, в глазах удивление, она, кажется, хочет улыбнуться и очаровательно приподнимает брови. «Меня зовут Катя», – слышу я.

* * *

Вот и все, дорогие коллеги. На этом тетрадка заканчивается. Странный текст, не правда ли? Текст, который больше чем текст. Как вам объяснить?… Закрыв тетрадь, я, как мне показалось, со всей ясностью понял, что за сила управляет жизнью этой женщины, то есть пациентки. Чувство вины. Вины настолько острой и всепоглощающей, что, даже придумывая другой вариант развития событий для своей любовной истории, фактически новую историю, в которой она могла бы стать счастливой, Клер написала печальный финал, словно вынесла себе приговор, обрекший ее на одиночество и сожаления. Ее патологию, которая, бесспорно, усугубляется тяжелой формой

истерии, можно обозначить знакомым всем нам словосочетанием «склонность к фрустрации». «Да здравствует неудача!» — вот как называется ее история. Позволю себе напомнить вам о важной роли мазохизма во многих патологиях, в особенности у женщин, — я защитил диссертацию по теме «Мания разрушения и стремление к смерти в женских неврозах». Трудно не заметить, что у Клер… у мадам Милькан в романе присутствует лихорадочный поиск «точки катастрофы», желание получить доказательства своей неспособности быть любимой; я бы даже, пожалуй, назвал это «жаждой крушения», связанной с бессознательным обетом принять кару, самой себя наказать, за что-то заплатить. И самоубийство племянницы, которое мадам Милькан отрицает в романе, ибо мысль о нем для нее нестерпима, имеет к тому прямое отношение: Клер вынесла себе приговор за то, что не сумела защитить Катю, нарушив тем самым данное брату обещание. Однако корни ее чувства вины уходят, несомненно, гораздо глубже в прошлое: скрытый в детстве от родителей проступок, постродовая депрессия, какой-нибудь обет смерти в студенческом братстве, — об этих обстоятельствах мне ничего не известно.

Тем не менее — и тут у вас определенно есть все основания меня осудить — я, вместо того чтобы вернуться с Клер в ее детство и юность и найти там причину, которая три года назад могла вызвать депрессивное состояние, отягощенное апрагматическим чувством вины, провоцирующим у нее то агрессию, то апатию, так вот, вместо этого я решил поискать в сегодняшней реальной жизни то, что могло бы вырвать ее из одиночного заключения здесь, в клинике, и в себе самой. Ее случай напомнил мне о Роже — пациенте, с которым я общался, будучи на стажировке в «Ормо», в Блуа. Он двадцать лет держал пасеку, и никаких других занятий у него не было — присматривал за ульями, собирал мед, наблюдал за развитием пчелиных маток… Как считал мой тогдашний наставник, доктор Ори, Роже и сам превратился в пчелу. По-моему, с Клер произошло нечто похожее: она превратилась в ожидание. Всю жизнь она ждала и была всецело поглощена ожиданием. Чего именно ждала? По сути, ничего. Смерти, которая непременно придет, любви, которая обязательно случится, прощения, которое будет ей даровано? Может, и так. Однако, вероятнее всего, она *ничего* не ждала. Разумеется, практической пользы от этого меньше, чем от разведения пчел,

но и вреда особого нет. Ожидание стало ее внутренней сущностью, процесс ожидания заменил собой объект. Она застыла в этой позе — Пенелопа без женихов, Пенелопа, к которой не вернулся Одиссей и которая упорно пытается разрушить ту жизнь, что могла бы прожить.

Начиная расследование — а вам, увы, известен его результат, — я имел единственной целью найти для нее способ освободиться от невыносимого бремени вины, заставить ее очнуться и действовать, выйти из своего кошмарного стоп-кадра. Кроме того, интуиция мне подсказывала — и, как выяснилось в дальнейшем, хотя бы в этом я не ошибся, — что в реальности все было не совсем так, как она поведала. Я знал, что в клинику она поступила после жесточайшей декомпенсации в бредовом состоянии, и каждый раз, выходя отсюда, возвращалась с новым приступом бреда — или фантазий, как говорил доктор Бэсс, я читал его отчет. В первое время у меня было подозрение, что она лгала с самого начала — полностью выдумала свою историю в стремлении что-то скрыть или сохранить контроль над ситуацией. Ведь она постоянно пыталась все держать под контролем, с помощью лжи или смеха. Мой предшественник отметил ее склонность к вы-

мыслу и анекдотам. Да, она любит рассказывать истории. Доктор Бэсс также обратил внимание на то, что она четко разграничивает иронию, которая может ранить и даже уничтожить, и юмор, исцеляющий и придающий жизненную силу. В речи нашей пациентки присутствовало и то и другое — она таким образом проявляла агрессию или, наоборот, хотела разрядить обстановку, помочь собеседнику расслабиться, но в обоих случаях ее целью была самозащита. Смех помогает удерживать реальность на расстоянии, ирония дает возможность говорить о трагическом и не утонуть в нем с головой. Клер смеется, чтобы не погибнуть. Для нее это одна из форм творчества. Блистать остроумием — способ стать свободной; выдумывать сказки — способ ускользнуть от чистого безумия. В конечном итоге это разновидность структурированного бреда, как вы понимаете. Но не важно, есть ли в нем хоть крупица правды. Важно, что, рассказывая историю, она, возможно, сама себе верит.

Так или иначе, по ее воле или нет, мне эта история показалась странной: Крис, завсегдатай соцсетей, здоровенный парень, много повидавший в жизни, вдруг убивает себя из-за девушки, которую видел только на фотографии… Я знаю,

такое тоже случается: можно умереть и из-за того, что не сбылось. Психотическая декомпенсация — дело нередкое, в теле взрослого мужчины порой прячется беззащитный мальчишка, а уважаемые матери семейств в глубине души остаются маленькими девочками. Да, но не до такой же степени! Мне никак не удавалось увязать концы с концами. Что-то у меня в голове не складывалось. Не мог я поверить, и все тут. Конечно, Крис исчез с радаров — в Интернете от него и следов не осталось, а Клер к тому же не знала его фамилию, только полное имя — Кристоф, и ник в Фейсбуке — KissChris. Если подумать, ерунда какая-то — любовь между никами, как между вымышленными персонажами в романе.

В итоге я решил отыскать Жо — предположительно единственного человека, который мог подробнее рассказать о самоубийстве Криса, — и выяснить у него всю правду. Должен признаться, мною, помимо прочего, руководило и профессиональное любопытство — хотелось побольше узнать о мотивах и логике человеческих поступков, о людях вообще. Из того, что Клер говорила о Жо, можно было заключить, что у него типичное нарциссическое расстройство личности. Так и оказалось. Я как бы между делом выведал у

Клер фамилию Жо, ничего не сказав ей о своих намерениях. В телефонном справочнике его не было. Я помнил, что семье Жо принадлежит дом в Лакано, и мог бы отправиться туда, но поступил проще — связался с ним в Фейсбуке. Написал в ЛС, представился врачом Клер и попросил о встрече. Он согласился.

Я избавлю вас от подробностей — вы наверняка читали расшифровку диктофонной записи нашей беседы. С первых слов Жо становится очевидной его эмоциональная холодность, характерная для психопатов, а также своего рода наивное удовлетворение от удавшейся манипуляции. Он почти сразу заявил мне, что Крис жив. Жо солгал о его самоубийстве, чтобы отомстить Клер за «измену». «Какую измену?» — спросил я. «Она же склеила моего кореша, когда мы с ней еще встречались! Однажды вечером Крис, дурень набитый, включил мне сообщение на смарте, чтобы я заценил волшебный голосок его подружки. И я узнал этот голосок с манерными интонациями. *Клер Антунеш?!* Да ладно! Вот сучка! Стерва! Крису я, понятное дело, ничего не сказал — не признаваться же, что она мне рога наставила. Но месть, как известно, блюдо, которое надо есть холодным. Нет, ну не сучка,

а? Как у нее дела сейчас, кстати? Теперь *ты* ее трахаешь, да? Мадам выбирает парней все моложе и моложе. Не сдохла, значит, от скорби душевной? А было бы прикольно! Я видел, как у нее лицо перекосилось, когда она услышала мою байку про суицид. Но, похоже, скорбящая быстро утешилась. Год назад я хотел с ней повидаться — старею, стал ужасно сентиментальным. Да ладно, вру — в постель ее затащить хотел еще разок, для своего возраста мадам неплохо сохранилась, согласен? Но она как сквозь землю провалилась: в Фейсбуке не появлялась, на звонки не отвечала, лекции в универе читать забросила, сменила место жительства. Я даже прошвырнулся к дому ее бывшего мужа. Он, кстати, женился во второй раз, и жена — ну реально бомба, брюнетка с такими сиськами, охренеть можно. Видел сыновей Клер — двух малолетних придурков. А ее — нет. Да и на фиг, подумал я тогда. Так как у нее дела, у этой курицы? Ты ее врач? Она что, болеет? Не СПИДом, надеюсь?»

Я ничего не ответил и, должен признаться, с трудом подавил желание врезать ему по морде из личных соображений. Вместо этого я продолжил задавать вопросы о Крисе. Жо уклончиво сказал, что давно с ним не общается. После того как во-

ображаемая Клер Антунеш уехала в Португалию, чтобы выйти там замуж, Крис слегка расклеился, захандрил, и Жо посоветовал ему создать новую страницу в Фейсбуке, сменить кожу, так сказать. Что Крис и сделал. KissChris исчез, и появился Toph. Жо на всякий случай тайком заблокировал номер Клер в телефоне Криса. Она попала в «черный список», предназначенный «как раз для таких сук», уточнил Жо. А потом они вдвоем поехали в Мексику снимать репортаж, заказ на который раздобыл Жо, и там Крис встретил девушку. Вскоре приятели разругались из-за денег, и Жо вернулся во Францию один, после чего и назначил Клер свидание, чтобы наврать ей о самоубийстве Криса.

Жо спросил у меня, где Клер живет сейчас, но я, разумеется, не сказал, что из-за него она уже три года погибает в психиатрической клинике — просто не мог доставить ему такого удовольствия.

Домой я возвращался совершенно ошеломленный, зато выяснил все, что мне было нужно. Для очистки совести я нашел страницу под логином Toph в Фейсбуке. Среди «френдов» я не значился, поэтому не получил доступа ко всем его постам, но в профиле посмотрел на фотографию мужчины лет сорока с рыжевато-каштановыми волосами

и прочитал скудную информацию: фотограф, родился в Севране, живет в Мехико, единожды отец. Подпись «Toph» заканчивалась цветочком.

Вот тут-то я и совершил свою вторую ошибку, теперь я четко это осознаю. Мне не хватило проницательности или, возможно, профессиональной трезвости взгляда. Я подумал, что в лечении этой пациентки должен эффективно сработать «принцип реальности». Если вырвать Клер из воображаемого мира, который разрушает ее психику, и показать, что это ее обманули, она сама — жертва и на самом деле не повинна ни в чьей смерти, что это ее убили, ее, я тем самым помогу ей, даже исцелю. Мне так казалось. Я очень хотел ее спасти.

Не знаю. Может быть. Тут нельзя говорить о контрпереносе[42], поскольку ей в общем-то нечего было на меня переносить, как мне кажется. Но моя оплошность бесспорно состоит в том, что я ни к кому из вас не обратился за советом. Я вступил с ней в межличностные отношения.

Влюбилась? Затрудняюсь ответить. По крайней мере, мне хотелось, чтобы она снова смогла

[42] Примечания: 42

Контрперенос (контртрансфер) — сознательная или неосознанная эмоциональная реакция психолога на личность пациента и, в частности, на его перенос (трансфер) по отношению к психологу.

полюбить. Меня или кого-то другого. Другого… или меня.

Эффект лечения оказался прямо противоположным. Я собирался вернуть ей надежду — ведь из-за нее никто не умер. Но вместо этого поверг в отчаяние — ведь из-за нее никто не умер! До меня слишком поздно дошло, что именно чужая смерть давала ей силы жить. Трагическая страсть самоубийцы оправдывала ее жизнь — это было доказательство, что она стала объектом безумной любви. По сути, она так долго оставалась здесь, в «Ла-Форш», только для того, чтобы эта любовь не исчезла. Психиатрическая клиника — идеальное место для нее, безумцы и влюбленные принадлежат к одной человеческой породе, ведь говорят же «сойти с ума от любви». Здесь никто не мешал ей наслаждаться своей болезненной радостью. Ее трагедия была чудесной сказкой. Она так охотно разговаривала со мной на сеансах только ради удовольствия снова оказаться в своей выдуманной истории. А я все испортил. Думал, что правда вернет ее к жизни. Но не все готовы мириться с правдой. Большинству до правды нет дела. Для людей имеет значение только то, во что они верят. Они пишут свои истории поверх правды, стирают ее собственным вымыслом, живут внут-

ри сказок. Их жизнь — это палимпсест, и лучше не пытаться разобрать, что там написано под свежим слоем. Мы, «мозгоправы», претендуем на правду, какой бы она ни была. У психиатрических клиник другая задача — они *защищают* людей от правды.

Помню, какое у Клер было лицо, когда я показал ей на своем смартфоне страницу человека под ником Toph в Фейсбуке. И хотел бы забыть. В тот самый момент, в какую-то долю секунды, я понял, что совершил страшную ошибку и уже произошла катастрофа. Она сразу узнала его на фотографии — я увидел это по глазам. Ее мир обрушился, она соскользнула со стула и, падая, успела проговорить: «Как стыдно». Не знаю, кому эти слова были адресованы — ей самой, Крису или Жо. Возможно, мне. Потому что мне было стыдно, это правда. И больше мне сказать нечего. Мне стыдно и больно. Это я повел себя как психопат, я, по всем признакам. Но я не хотел, нет! Не хотел.

Потом у нее была целая серия тяжелейших приступов бреда. Она отчаянно бредила, чтобы оставаться в живых. Но смерть — во всем превосходящий противник, непреодолимая сила, форс-мажор. И еще. Я не знал, что Клер не при-

нимала лекарства. Прятала таблетки в кадке с фикусом.

А теперь можете поступить со мной так, как считаете нужным. Сейчас для меня важно лишь одно — чтобы она выжила. Чтобы выкарабкалась.

Нет.

Да.

Да.

Возможно. Возможно, я ее люблю, да… пожалуй, так. Будем называть вещи своими именами. Я ее люблю. Она меня волнует. Мне хочется ее обнять. Я думаю о ней, храню ее в своем сердце, баюкаю в памяти. Она меня влечет и пленяет. Да, я пленник. Я жажду ее видеть. «Любить — значит быть рядом». Нет другой правды. И я хочу быть рядом с ней, врачевать ее раны. Она умеет меня рассмешить, знаете. Я смеялся вместе с ней. Может, она сумасшедшая — в нашем профессиональном смысле. Даже наверняка. Но ведь мы лечим сумасшедших, а они исцеляют нас, верно?

II
Личная история

Единственный способ покончить с личной историей – это ее записать.

Маргерит Дюрас

Я расскажу вам правдивую историю только для того, чтобы доказать, что я на это еще способна. Что ослабела пока не до такой степени, когда человек уже не в силах рассказывать правдивые истории.

Джоан Дидион

3
Черновик письма к Луи О.

Дорогой Луи!

Прости за это рукописное послание — у меня сейчас нет доступа к компьютеру. Надеюсь, ты разберешь мой почерк.

Меня огорчило твое письмо. Тебе не нравится название романа — ладно, я могу это понять, хоть и совершенно не согласна. Но ты ведь думаешь, что «Сдохни!» будет выглядеть на обложке слишком агрессивно? Грубо, да? Даже несмотря на то, что я добавила в качестве эпиграфа цитату из трагедии Корнеля, написанной александрийским стихом? Как будто я обращаюсь к читателю, говоришь ты, и этот мой оскорбительный посыл его сразу отпугнет? Ясно. Только я не думаю, что читатель принимает какие бы то ни было названия на свой счет, по крайней мере, мне, как читателю, такое и в голову не приходило. Но допустим, с коммерческой точки зрения ты прав — не знаю, обсудим еще раз как-нибудь потом, сейчас это не самое важное. Куда больше меня занимает другое, то, что ты пишешь дальше, — о

конъюнктуре в книгоиздании последних лет и о необходимости «быть поосторожнее». Задаешь кучу вопросов. Получается, ты такой же, как все, Луи? Ты боишься. Тебе не нужны проблемы, ты вспоминаешь авторов, которых привлекли к суду вместе с издателями. Ты и сам проиграл два судебных процесса. Обжегшись на молоке, надо бы подуть на воду, считаешь ты.

Прежде всего позволь тебе напомнить, что некоторые процессы ты выиграл. Иногда литература одерживает-таки победы. «Тот факт, что изложенные события были пережиты автором, ничуть не умаляет эстетических достоинств произведения» — это тебя не утешает? А меня вот больше всего удручает, что мой издатель — мой друг — перестал мне доверять. Как ты можешь думать — ты, Луи! — что между вымыслом и реальностью нет никакой дистанции? Или хуже того — что я присвоила услышанную от кого-то историю, своровала чью-то жизнь? Ты что, не знаешь, как пишут романы? Ты же в издательском деле полвека — и не понимаешь, как работают писатели? Мы дружим с тобой двадцать лет, ты прочитал все мои книги — и ты хочешь на всякий случай показать «Сдохни!» своему адвокату? Боишься, что кто-нибудь

узнает себя среди персонажей, так? Мы все лишь совладельцы собственной жизни, и это тебя беспокоит? Ты задаешься вопросом, какая именно часть жизни может находиться в общем пользовании? Подозреваешь, что я веду литературный кружок в психушке для того, чтобы позаимствовать трагический опыт какого-нибудь пациента? Я правильно понимаю? Ты мне не доверяешь, поскольку тебе кажется, что у меня нет понятия об этике?

В каком-то смысле ты прав, но не в том, в котором ты думаешь. Я трусиха, вот в чем дело. Мне не хватило духу рассказать правду — голую правду, вытряхнуть шило из мешка. Со мной приключилась банальная история — жалкая история, вот оно, шило, — микрособытие, от которого я чуть не погибла. Мне не хватило смелости, потому что все это было слишком глупо, вульгарно, незначительно, потому что я — писатель и женщина, женщина-писатель — выглядела бы идиоткой, несчастной невротичкой. Вот поэтому ты получил и прочитал рукопись совсем другого романа. Чистый вымысел — ну, почти, — хотя та психиатрическая клиника реально существует и я по-прежнему веду там литературный кружок. Но раз уж ты во мне сомневаешься, и для того,

чтобы окончательно успокоить вас обоих, тебя и мэтра Машена, я все-таки расскажу правдивую историю, личную историю, ту, что на самом деле случилась со мной. Тебе, издателю, будет интересно увидеть, как все произошло за кадром, ты поймешь, насколько тесно это связано с самой сутью литературного творчества. «Правдивые признания» — вот как можно назвать то, что последует дальше. И тебе наверняка понравится распознавать меня в печальном персонаже, который я сыграю. Ты будешь втайне наслаждаться, хотя никогда в этом не признаешься; ты даже разволнуешься от удовольствия — я заметила, что вы, геи, обожаете зрелых женщин, клонящихся к упадку; ваши кумиры стареющие суицидницы, красиво умирающие под песню Далиды. Не знаю, что вас в этом так завораживает зеркальный эффект или игра контрастов?

Прежде всего спешу тебя успокоить: в романе, который ты только что прочел, я изменила — это было нетрудно — большинство имен, названий и профессий. Все же образ фотографа для читателя притягательнее образа музыканта, больше волнует воображение. В действительности он был певцом-композитором, мечтал сочинить шлягер, который войдет в десятку хитов, а мне

предстояло написать для него текст. Но поберегу твои нервы и не назову реальных имен, так будет проще, тем более что начало моей правдивой истории почти полностью совпадает с тем, что ты уже прочитал до страницы 56. Я, как и мой персонаж, создала фальшивый аккаунт в Фейсбуке, чтобы шпионить за… обозначим его Жо. Повела себя как школьница, не спорю. Знаешь, возраст — понятие сугубо административное. И потом, у романистов есть право жить в романах не понарошку. Как бы то ни было, если это тебя беспокоит, я не думаю, что фальшивый аккаунт в Фейсбуке может послужить основанием для подачи иска. В таком случае пришлось бы тащить в суд десятки, сотни тысяч людей в целом мире. Всех, кто регистрируется на сайтах знакомств и в социальных сетях под ложным именем, выдавая себя за того, кем не является; всех, кто врет о своем возрасте, профессии, семейном положении и даже о половой принадлежности, кто постит фотки двадцатилетней давности и пытается представить собственную жизнь более увлекательной и вольготной, чем она есть на самом деле. Представь, сколько людей выдумывают себе персонажа и играют его роль, — с ума же сойти можно! Жизнь — это роман! А ты знаешь,

что в Интернете есть специальный сайт, который помогает сфабриковать другую жизнь? Не виртуальную, нет — IRL, in real life. На этом сайте можно заказать вещественные доказательства твоим выдумкам, надежное прикрытие всяким мелким проступкам — театральные билеты на спектакль, который ты в глаза не видел, бронь в отеле, который находится в стране, где ты от роду не был, подробный отчет с конференции, в которой ты не участвовал, твою фотку в китайской газете, датированной тем днем, когда ты развлекался в Порнике[43] с секретаршей, фальшивые снимки, фальшивые дипломы, фальшивые воспоминания, фальшивые доказательства твоей фальшивой жизни. Да я по сравнению с владельцами этого сайта — плюшевый мишка, первоклассница с косичками! Кому я, собственно, навредила? Никаких измен, ни грамма жульничества. Я не присвоила себе чужую личность, как ты сможешь убедиться, — просто придумала еще одну. Своим обманом я ни у кого ничего не отняла, разве что у себя самой. В любом случае Крис и сам так изоврался в этой истории, что вряд ли будет кричать о надувательстве. Все мы в

[43] Примечания: 43

Порник — курортный городок на Атлантическом побережье Франции.

своих непрерывных измышлениях о себе, в своей лжи, в компромиссах и сделках с реальностью, в желании обладать, доминировать, полностью захватить власть над другим человеком, все мы потенциальные великие романисты. Каждый сочиняет байки о собственной жизни. Разница в том, что я свою придуманную жизнь проживаю на деле. И в том, что, как и любое творение, она пытается ускользнуть от творца. Если ты не в настроении, можешь сказать, что я эту жизнь проживаю только для того, чтобы ее записать, что жизнь в моем понимании — всего лишь предлог для творчества. Но все наоборот. Жизнь от меня ускользает, разваливается на куски, поэтому писать — это способ выжить, единственный способ. Я живу не для того, чтобы писать, я пишу для того, чтобы уцелеть. Спасаюсь. Сочинить роман — все равно что построить себе убежище.

* * *

Итак, по вышеизложенным причинам я создала себе аватару, персонажа по имени Клер Антунеш (не дергайся, Луи, фотографию красивой брюнетки я действительно выловила наугад в Гугл имаджис; успокой мэтра Машена — никто вам ничего не предъявит, у меня вообще никогда

не было племянницы). И вдруг эта сумасшедшая бедняжка Клер зажила во мне своей жизнью, чего я никак не могла предвидеть. Она влюбилась, и надо было принимать меры. Несмотря на влюбленность, я оказалась более здравомыслящей, чем она, или более циничной (по крайней мере, я таковой себя считала — не просто миленьким цветочком, а очень даже ядовитым) и решила сыграть партию в покер — сделать ставку и посмотреть, что получится. Чувствовала себя читателем детективного романа: добралась до середины и сгорала от нетерпения узнать, чем все закончится. И потом, ты же в курсе — я терпеть не могу виртуальное общение, у меня начинаются приступы паники, причем то, что происходит, пугает меня куда меньше, чем то, что может не произойти, я начинаю метаться в поисках опоры, которую способен предоставить лишь материальный мир. Так вот, мне необходимо было встретиться с Крисом по-настоящему — IRL. Я, Камилла, более смелая или более доверчивая, чем Клер, и безбашенная, в отличие от своего виртуального дубля, к тому же не настолько озабоченная вопросами молодости и старения, не удержалась. Не то чтобы я отказалась от мечты — наоборот, я бóльшую часть времени провожу

в мечтах, в мечтах пишу все свои книги; наблюдать, как из хаоса рождаются образы, стоять в преддверии романа — это величайшее наслаждение. Но и переход к действию я тоже люблю — конкретику, бумагу и чернила, плоть и кровь. Я мечтаю о том, чтобы события *происходили.* А какими средствами заставить их произойти — в любви или в творчестве, без разницы — и какую цену за это заплатить, мне не важно, я готова действовать. Ну, тогда была готова.

Сначала я попыталась подстроить случайное знакомство с Крисом и пошла ждать его на Восточном во на вокзале Монпарнас (не беспокойся, того дома в Лакано не существует). Но Криса встречал отец. Так что мне удалось лишь удостовериться в силе своего желания. От Криса как будто исходила солнечная энергия, этот свет делал яркими краски на экране реальности, заполнял собой пространство в зале ожидания — в зале стихших шагов, где мы оба заблудились. Ведь заблудились же, верно? Странная ассоциация возникла, потому что одновременно Крис казался каким-то хрупким, непрочным, убогим, и я даже подумала, что он нездоров. «Убогий» — первое слово, которое пришло мне на ум при виде его. «Убогий» — «испрошенный у Бога».

Только вот я не собиралась падать на колени и умолять о любви, нужно было искать другой способ получить свое. С первого взгляда я поняла, что хочу этого мужчину. В сорок с небольшим (возраст я тоже изменила, как видишь, и его, и мой — сказала себе, что в романе, так же как в фильме или на сайте знакомств, у героини не должен выйти срок годности), так вот, в свои сорок с небольшим он выглядел как подросток: одежда, взъерошенные волосы, гитара на ремне через плечо, встречающий папа. Но возможно, именно это и делало Криса привлекательным — его отказ подчиняться времени эхом отозвался в какой-то болезненной точке у меня в душе. Плюс ко всему было начало лета, Париж почти опустел, не удавалось сосредоточиться на работе, Жо меня опустошил до дна, дочери были далеко, я куковала одна-одинешенька, и ужасно хотелось заняться любовью — понимаешь, мне нужен был животворный источник, доказательство жизни. Крис казался обещанием, которое оставалось сдержать; я вспоминала, каким нежным был его голос на другом конце телефонной линии, в моих мечтах он вторил незнакомой нежности его рук.

Я знала, что у Криса нет денег, — он сам мне сказал. И присутствие его отца на вокзале было

тому подтверждением: смиренная, согбенная фигура, скупые жесты приветствия, землистый цвет лица под козырьком кепки — жесточайший контраст с той жизнью, что кипела в доме Жо в Лакано. Пришлось выдумывать другой способ знакомства, который одновременно дал бы мне возможность оказать Крису финансовую услугу. Честно говоря, я чувствовала себя виноватой за то, что несколько месяцев играла с ним, дразня ложной — нет, не ложной, это неправильное слово, — завуалированной любовью. Причиной печали, ясно читавшейся на его лице, была я. Ведь я сбежала, сообщив, что еду в Лиссабон и выйду там замуж, а Крис остался с несбывшимися надеждами. Он тосковал по призраку, которого я наколдовала. И вот мне показалось, что будет справедливо за это *заплатить*. Я даже допускала, что между нами так ничего и не произойдет, что, возможно, мы никогда и не встретимся, то есть я просто-напросто верну ему долг, возмещу таким способом любовь, которую он щедро и тщетно потратил на меня.

В итоге я отправила Крису сообщение со своего настоящего аккаунта в Фейсбуке, от имени Камиллы, писательницы, в кругу близких друзей известной как Хамелеон (да-да, Луи, я прямо-

таки вижу, как ты улыбаешься; но тогда мне было не смешно — хамелеончик барахтался в растерянности на пледе с шотландской клеткой). Представилась без обиняков: так, мол, и так, я давняя подруга Жо, он показывал мне сделанные вами фотографии, на мой вкус, они прекрасны, помню, одна мне особенно понравилась — стрелка, нарисованная на дороге, и табличка «TO HAPPINESS»[44]. Я раздумывала, что бы такого оригинального подарить подруге на день рождения, и вспомнила про этот снимок — он продается? Еще написала свой номер телефона и оставила запрос в друзья.

Очень скоро Крис мне позвонил. Я боялась, что он узнает голос, которым с ним столько раз по мобильному разговаривала Клер Антунеш, поэтому «алло» сказала басом. Да, он продает свои работы, двести евро за штуку. «А какой формат?» — спросила я. Он самодовольно засмеялся: «А при чем тут формат? За эти деньги я скину тебе фотку на мейл, и давай сама с ней разбирайся — можешь поменять размер или откадрировать. Я художник и продаю произведение, технические примочки — не моя забота». Я онемела от

---

[44] Примечания: 44
«К СЧАСТЬЮ» (*англ.*).

изумления — неужели это тот самый человек, который три недели назад робким и нежным голосом умолял меня не забывать его?! Послушав мое молчание, Крис смягчился: «Если хочешь, я продам тебе работу с моей прошлой выставки, на металлической пластине, метр на два. Но тогда с тебя триста евро. А ты, значит, подруга Жо? Предупреждаю: мы с ним зверски разругались, теперь не общаемся. Извини, но он полный придурок». — «Я с ним тоже больше не общаюсь. А с тобой мы, кстати, один раз уже разговаривали, — весело сообщила я и торопливо (скорей, не останавливаться!) продолжила: — Да-да, както вечером я позвонила Жо, и он передал тебе трубку. Ты был не слишком-то любезен, даже сказал мне: „Сдохни!“ Так что, как видишь, мы давние знакомые». Я засмеялась, но Крис ужасно смутился: «Нет, не может быть, ты меня с кем-то перепутала! Я не такой, как Жо, умею вести себя прилично». Спорить сейчас было бы неуместно, и я пробормотала: «Ну да, наверное, перепутала», но подумала, что он просто совсем себя не знает. Некоторые люди понятия не имеют, на что они способны, не занимаются самоанализом и даже не замечают за собой каких-то слов и поступков до определенного момента, а то и вовсе нико-

гда. Потом мне пришло в голову, что я могла и правда ошибиться: наверняка в тот вечер с Жо был кто-то другой, а не Крис, на него это ничуть не похоже. Крис сказал, что живет в Севране и часто бывает в Париже. «На следующей неделе я отвезу двоюродного брата в аэропорт и, пока он будет в командировке, поживу в его квартире у Порт-де-Лила. Давай с тобой сходим куда-нибудь выпить — я отдам фотографию, а ты заплатишь наличными, так удобнее». Я сказала: «Давай». «Cool!» — обрадовался он.

В условленный день Крис уже ждал меня, подпирая фонарный столб у выхода из метро, когда я приехала. Опоздала, потому что чуть было не передумала — интуиция подсказывала мне, что ничего путного из этого не получится, за время нашего телефонного разговора прекрасный принц пару раз оборачивался злобным жабенком, да и мало ли виртуальных сказок заканчивается обломом. Однако стоило мне его увидеть, вернулось головокружительное ощущение, охватившее меня впервые на вокзале. Крис был такой красивый, вроде бы беспечный, но весь на нервах. Желание, вызревавшее и набиравшее силу в Клер Антунеш во время их любовной переписки, не могло так быстро увянуть во мне. Желание

прикасаться к нему, дышать им, чувствовать себя любимой этим мужчиной обрело самостоятельность, раскинуло ветви, как растение, и моего легкого разочарования было недостаточно, чтобы вывороти ть его с корнем. И потом, я же писательница, человеческая натура — мое производственное сырье, и тут уж я себя ни в чем не ограничиваю, ты прекрасно знаешь, Луи: мое любопытство беспредельно. С буйными страстями я управляюсь железной рукой. Мне под силу размешать в вулкане кипящую магму. А в отношениях с Крисом — какая магма? — подумала я. Так, едва затеплившиеся угольки. Надо было повнимательнее прислушаться к знакомому чувству тревоги, которое всегда сопровождает у меня начало любви, словно предупреждая о неминуемой угрозе. В такие минуты мне кажется, будто в груди что-то зацементировалось, и от этого больно, и невозможно дышать; возникает ощущение, что из меня вырвали какой-то жизненно важный орган, которого и не было никогда. Поначалу желание проявляется как предчувствие боли, как преждевременный траур, словно все тело кричит мне о грядущем крушении, и даже если потом все обойдется, сейчас-то, сейчас уже все пропало, неудачей пахнет воздух, которым я ды-

шу, об этом написано на стенах домов, весь город принял форму иссохшей, мумифицированной любви. Но, получив этот тайный сигнал тревоги, я не бросаюсь прочь со всех ног, наоборот — веду себя, по крайней мере на публике, чертовски непринужденно, избыток светскости выполняет у меня роль адреналина в ситуации смертельного риска, я притворяюсь ужасно общительной, не позволяю себе умолкнуть ни на секунду, давлю в глотке звериный вой, выгляжу так, будто неуязвима для ударов, — зверь воет беззвучно, моя улыбка нарисована на маске, я запираю все двери, бетонирую окна, сливаюсь с пейзажем, натягиваю камуфляж, недаром же Хамелеон.

Вот именно это я и проделала, выходя тем вечером из метро, пока Клер Антунеш, заключенная в моей грудной клетке, трепетала в любовной горячке. Мы с Крисом расцеловались в щеки и пошли искать какой-нибудь бар. В глубине души я не могла не волноваться оттого, что нахожусь так близко к мужчине, с которым мы несколько месяцев флиртовали в Фейсбуке. Перестань хихикать, Луи, я тебя отсюда слышу, да, моя матушка любила слово «флиртовать», и оно здесь подходит. В Средние века говорили «флёртовать», от слова «флёр», «цветок». Как раз этим мы с Крисом

и занимались, когда он постил для меня фотографии лотосов и белых маргариток, поливал розовой водой полевой цветочек, которым я была для него. Разумеется, он ничего не заподозрил. Да и откуда бы взяться подозрениям? Для этого ему нужно было прислушаться к моему голосу, уделить мне пристальное внимание, *признать* меня. «Так ты писательница? — сказал Крис, когда мы сели на террасе мавританского кафе. — А о чем пишешь?» — «Да, — начала я, — пишу о…» — «Клевый у тебя шарфик!» — вдруг сообщил он пикантной брюнетке за соседним столиком. Та улыбнулась ему и неуверенно покосилась на меня. «Я в основном романы пишу и еще…» — «Тебе нужно носить красный, будет супер, можешь мне поверить — я фотограф, у меня на такие фишки глаз наметан». — «Правда? Фотограф? — заинтересовалась брюнетка. — А я актриса. Ты живешь… — Она опять посмотрела на меня. — Вы живете в этом районе?» — «Ага, у меня квартира тут поблизости, — кивнул Крис. — А ты?» — «Мы с подругой снимаем квартиру вон в том доме в конце улицы». — «Ты театральная актриса или в кино снимаешься?» — спросила я, устремив на нее взор хамелеона, который решил не сливаться со стеной. Брюнетка мне улыбнулась: «Вообще-

то театральная, о кино пока только мечтаю». Я пододвинулась вместе со стулом поближе к ней: «А сейчас играешь в каком-нибудь спектакле? Я писательница, но подумываю заняться драматургией». Крис, неожиданно для себя оказавшийся за бортом, уже повернулся к молодежи, игравшей в карты за другим столиком. «Эй, раста! — окликнул он какого-то парня. — Клевый у тебя прикид! Ты музыкант? Держи мою визитку, вдруг пригодится. Не против, если я тебя сфоткаю?» Он, не дожидаясь ответа, достал фотоаппарат и защелкал затвором, направив объектив на всю компанию, потом внезапно нацелил его на меня. «Ой, не надо! — запротестовала я, пытаясь улыбнуться (ты же знаешь, Луи, до чего я не люблю фотографироваться). — А как же мои права на изображение?» Крис уставился на экранчик фотоаппарата — там быстро мелькали отснятые кадры — и, не поднимая глаз, буркнул: «Не дрейфь, я их сотру, все равно какое-то уродство получилось». Допив второй бокал кира, я сделала вид, что собираюсь уходить. «Подожди! — схватил он меня за руку. — Ты не проголодалась? Давай сходим куда-нибудь, где можно нормально поесть?» Я и ответить не успела, а он уже тащил меня к выходу. Мы, держась за руки, дошли до первого

ресторана. «У тебя кто-нибудь есть?» — произнес Крис таким тоном, будто просил прикурить. «Нет, — сказала я. — А у тебя?» Он выпустил мою руку: «Гляди, вроде приличное заведение» — и через минуту уже сидел на террасе рядом с группой канадских туристов. Тотчас принялся раздавать им визитные карточки, добыл номер телефона у девицы, сказавшей, что она актерский агент или собирается таковым стать, — я не расслышала, было слишком шумно. Парень неподалеку от меня полюбопытствовал, чем я занимаюсь в жизни. Я сказала, что пишу романы; его это вдохновило, он засыпал меня вопросами. Подошел пакистанец, продававший розы, протянул Крису букет — тот отмахнулся. Пакистанец оказался упертый, начал совать цветы мне в руки. «Да что за дела! — разозлился Крис. — Все думают, что мы пара!» Ел он быстро, с аппетитом, но без удовольствия и неаккуратно, а как только принесли счет, сбежал в туалет. Я расплатилась. «Ну зачем ты, не надо было, — пожурил он меня, вернувшись. — Кстати, у тебя деньги за фотку с собой? Кэш?» Я протянула ему купюры. Крис взялся их пересчитывать, когда мы уже спустились с террасы на улицу; канадские туристы все как один озадаченно вылупились на нас. Мы вернулись в

мавританское кафе. Хорошенькая артистка была на месте, представила нам свою подругу — они вместе читали в журнале психологический тест, основанный на цветовых предпочтениях. Я выбрала зеленый и белый — оказалась домоседкой и жадиной. «Вот отстой, — серьезно и укоризненно покачал головой Крис. — Мы с тобой полные противоположности». Дальше он некоторое время без умолку болтал с девчонками о цветотерапии и способах наладить жизнь. «Мне пора», — сказала я, вставая. «Эй, постой!» — он тоже вскочил. Я думала, хочет меня проводить, но он не собирался никуда идти. Сладко потянулся, продемонстрировав предплечья с вытатуированными птицами; его рыжевато-каштановые волосы в освещении на террасе казались янтарными. «Ты что, расстроилась, потому что никого себе не нашла? А вон тот бразилец тебе не нравится? По-моему, он на тебя запал». Я обернулась и отыскала взглядом мужчину в желтом и зеленом; он и правда посматривал на меня заинтересованно, но, к сожалению, у него было килограммов пятьдесят лишнего веса. «Слушай, мне вообще-то никто не нужен, — соврала я. — Просто устала, хочу домой». — «О'кей, тогда пока», — кивнул Крис и снова подсел к девчонкам. Я спустилась на улицу. На мне было

африканское платье, то самое, о котором Жо, склонный к красивым формулировкам, говорил: «Оно заставляет всех жалеть о том, что ты уходишь». Я спиной чувствовала взгляд Криса, но, возможно, мне просто *хотелось* его чувствовать, нужно было знать, что объектив не выпускает меня из кадра. Дальше по улице два черных парня сидели на ступеньках крыльца с банками пива в руках и слушали рэп, включенный на всю катушку. Когда я проходила мимо, один из них сообщил мне: «Вы обворожительны!», а когда я ускорила шаг, крикнул вдогонку: «Эй, дамочка, это ж был комплимент!» Я, не оборачиваясь, махнула ему рукой: «Спасибо за комплимент!» И это было искреннее «спасибо», я правда была благодарна и даже взволнована — во мне проснулась бывшая преподавательница, наверное, — я обрадовалась слову «обворожительны», давно вышедшему из употребления, как будто парень оживил его своим голосом и сделал это специально для меня. Так мне показалось. Чувство благодарности согревало меня до самого метро, а когда я спускалась на станцию «Телеграф» по длинной-предлинной лестнице, снова вспыхнуло влечение к Крису, но стыд за это влечение на сей раз одержал верх — тысячи женщин запротестовали во мне, и в

ушах загудело от дружного ропота неодобрения: «Ну какой же козел!» Под землей в моей голове звучало уже лишь одно слово; оно было написано как тэг на моих внутренних страницах, и поначалу я не знала, кому его адресовать — себе, Крису, Клер Антунеш? — а потом поняла, и шептала его на каждой ступеньке, на которую ставила ногу, и чувствовала облегчение, выкрикивая раз за разом это слово ему в лицо, будто освобождаясь тем самым от его облика, голоса, лживых писем, заталкивая воспоминания все глубже в землю, растворяя их в металлическом лязге поезда и в пьяной, веселой, залихватской субботней толпе, наставляя перст указующий на жалкий призрак. «Сдохни!» — кричала я ему.

Он позвонил через три дня с извинениями за то, что «уделял внимание не только мне». «Такой уж я есть, — добавил. — Люблю людей». Позвонил он по двум причинам: во-первых, хотел отдать мне фотографию, за которую я уже заплатила («Надеюсь, ты не забыла? „To happiness!“»), а во-вторых, его посетила гениальная идея: «Давай вместе напишем книгу!» Моих романов он не читал — не было времени, — но навел справки, и один приятель ему сказал, что я хороший писатель, а поскольку сам он хороший фотограф, «это будет

cool!». Я собиралась с матерью в деревню, так что пообещала Крису все обдумать — мол, потом созвонимся и обсудим. Мы уехали в Овернь, и он названивал каждый день, его голос звучал в лесах, на пасеках, у речных берегов. В моем голосе Крис по-прежнему не узнавал Клер Антунеш, но был им очарован. Книгу он хотел писать о «крестьянах», а план придумал такой: мы вместе будем колесить на его «старушке», винтажной DS, по сельским дорогам Франции, останавливаться на фермах, чтобы получше разобраться, как там живут люди, ибо жизнь простых людей — это очень важно; ночевать станем у кого-нибудь из местных работяг, спать на сеновалах: «Страшно подумать, куда нас может завести эта история…» Я притворилась, будто не расслышала или не поняла его опасений, тогда он добавил: «Мы вдвоем на сеновале, прикинь! Это, конечно, не совсем в твоем стиле… Тебе тоже страшно, да? Но ты же хочешь поехать со мной в это путешествие? Ты ведь не пай-девочка, ну… наверняка же тебе всякое ночами снится, и, когда я об этом думаю, у меня прям… ох, что я несу?… но от жизни надо-таки брать все, что она предлагает». Я не позволяла себе никаких сексуальных намеков, посылала ему фотографии барашков и селфи с

овернскими «крестьянами». Крис потешался над городской девчонкой, которая разыгрывает из себя потомственную фермершу, но вообще-то я хорошо знала эти места, потому что ездила сюда с четырех лет. Мой дед здесь родился, я еще в детстве научилась доить коз, видела, как телятся коровы и умирают свиньи, как на излете зимы людей охватывает меланхолия, от которой хочется лезть в петлю, так что о деревенской жизни я знала побольше, чем Крис. Но он меня не слушал. Он делал все, чтобы соблазнить меня по телефону: забрасывал комплиментами, намеками, планами и обещаниями. И чем меньше я поддавалась на его уловки, тем активнее он меня провоцировал; в его голосе появилась целая палитра интонаций, эротические обертона, которых не было в разговорах с Клер Антунеш. Но как только ему удавалось втянуть меня в игру, добиться движения навстречу — он тут же соскакивал с темы, разыгрывая раздраженное высокомерие: мы всего лишь друзья, да и то в Фейсбуке. *Вместе путешествовать?!* О нет, никогда он не говорил ничего подобного — что это я удумала?! Такое впечатление, что Крис никак не мог определиться со своим местом в классификации психологических типов, женских и мужских:

он то демонстрировал все качества бесстрашного охотника, то оборачивался надменной жертвой, которую нужно завоевать в священной борьбе, одержав победу прежде всего над ее восхитительным равнодушием. Мне эти его метания не нравились, я считала, что между нами не должно быть никаких хитростей, он выбирает либо роль мужчины, либо роль женщины, субъекта или объекта, неуемного соблазнителя или соблазнительной строптивицы, доблестного рыцаря или прекрасной безжалостной дамы, вместо того чтобы превращаться в карикатуру на то и на другое. Только не принимай это на свой счет, Луи (мне тебя отсюда слышно), я пишу так не в обиду тебе. Женское начало в мужчине — это чудесно, когда оно не вступает в противоречие или, хуже того, в безжалостную войну с мужским. Крис никак не мог примирить в себе эти начала и тем самым вынуждал меня все время быть начеку и тоже притворяться. Как можно согласиться на просьбу, если завтра она превратится в отказ? Как принять отказ, если в следующую секунду он обернется отчаянной мольбой? Что бы я ни делала, попадала впросак. Я думала, резкие перемены настроения у Криса связаны с его недавним любовным разочарованием, расставание с Клер

Антунеш извиняет и оправдывает его двойственность и страхи в отношениях со мной. Но я не могла ему довериться, как Клер. Мне казалось, я иду по канату и вот-вот могу сорваться. Боялась этого, хоть и знала, что падение не причинит особого вреда и вскоре забудется. Вопреки — или благодаря? — этому мое влечение не исчезло, однако изменило свою природу: теперь я испытывала более навязчивое, острое, ожесточенное, лишенное нежности желание прикасаться к нему, наслаждаться им, поддаться своим прихотям, чем в то время, когда я была Клер Антунеш.

В итоге, вернувшись в Париж, я согласилась с ним встретиться, невзирая на то, что в Оверни Крис донимал меня вопросом, когда я возвращаюсь, а стоило мне приехать, его нетерпение сдулось, и он назначил свидание только через три дня. Крис жил в квартире своего кузена у Порт-де-Лила — «он стюард, часто уходит в рейс» — и с удовольствием присматривал за его котом по кличке Папа, в котором души не чаял. Таким образом выяснилось происхождение многочисленных фотографий кота, свернувшегося на старом диване, — Крис постоянно вывешивал их на своей странице в Фейсбуке, и раньше я думала, что они сделаны в доме его родителей в Севране.

Он сказал мне адрес и код подъезда, добавив: «В квартире будет удобнее работать, чем в кафе». Я приехала с макбуком и в кружевном платье, купленном накануне с надеждой, что оно ему понравится, но не собиралась брать инициативу в свои руки и была готова к тому, что между нами ничего не произойдет, как и в первый раз. Даже не стала делать ставку на «сбудется — не сбудется», просто решила дать виртуальной любви второй шанс осуществиться в реальности — так пишут книги «в стол». Я не слишком верила, что у нас что-то получится, даже подозревала, что у Криса есть определенная проблема, но Клер Антунеш надеялась во мне, ее любовная энергия зрела внутри и толкалась, как ребенок, готовый родиться.

Крис впустил меня, забрал из рук бутылку вина и пакет фисташек, понес их на кухню, а я тем временем оглядела маленькую гостиную, сразу узнав дряхлый диван. Уходя из дома, я благоразумно наглоталась антигистаминов — у меня аллергия на кошачью шерсть, — но Папы пока нигде не было видно.

За открытым окном стоял теплый вечер, и дерево тянуло ко мне ветви над подоконником. Крис вернулся с пустыми руками, сел на стул слева от

меня; завязался какой-то пустой разговор, ни о чем, даже не о нашем туманном проекте книги; мне никак не удавалось отвести взгляд от ямки у него между ключицами; смотреть куда-нибудь в сторону, как, несомненно, сделала бы Клер Антунеш, не получалось. Сказать уже было нечего, и я начала нерешительно задаваться вопросом, зачем вообще сюда пришла, пусть хотя бы откроет вино, как вдруг Крис протянул руку и, не переставая говорить, принялся меня поглаживать кончиками пальцев, небрежно и лениво, как кота. Он гладил мою грудь и бедра, живот под кружевом платья, едва касаясь, но очень сексуально; я подумала, что, будь на моем месте Клер, он касался бы ее шеи и волос. О чем Крис тогда говорил, я не помню — возможно, шептал мое имя или спрашивал, нравится ли мне; я и не думала отстраняться, у меня шумело в ушах. «Тебе нравится?» Зачем сейчас говорить, зачем думать, я уже возбудилась, своими прикосновениями он рассказал мне о точных контурах моего тела. «Камилла, ответь, тебе нравится?» Этот низкий, властный голос был мне не знаком. Крис взял мою руку и положил себе на член, напрягшийся под ладонью, жар волной прокатился у меня к затылку, во рту не хватало слов. Клер Антунеш

рассеялась на молекулы, я сорвала платье вместе с ее девичьими робкими мечтами. В моих руках тело Криса — потрясающее тело, — а мы не в Фейсбуке, чтобы ласкать друг друга словами, мы здесь и сейчас; любовь, любовь здесь и сейчас. Его твердый член — мой трофей, я чувствую его под тканью брюк и начинаю их расстегивать. Мужская эрекция для женщины — это символ ее власти, царский скипетр. Интересно, догадываются ли об этом мужчины? (Ладно уж, Луи, ты не обязан отвечать.) Для меня в этом опьянении — и коронация, и отречение, точка беспамятства, освобождающая от любых опасений, я становлюсь царицей и никем.

Теперь он меня обнимает, его губы ложатся на мои, его язык, мягкий и сокровенный, медленно движется у меня во рту, его глаза закрыты, мое лицо поймано в венчик его ладоней, от его нежности плавится мое сердце, он целует Клер Антунеш, говорю я себе, он хочет меня, но целует Клер Антунеш. Вдруг он резко вскакивает: «Идем в другую комнату» — и тянет меня за руку в коридор, ведущий в спальню. По дороге мы останавливаемся у входной двери, чтобы снова поцеловаться. Он снимает рубашку в полумраке, как в замедленной съемке, я кладу руку на его

голое плечо, гладкое, как стекло, мы бессмертны, за этим стеклом — лето и зыбкое, жаркое, дрожащее марево чувств, мир вокруг беспредельно расширяется, в моей грудной клетке взрывается сверхновая, и волна пламени сносит все вокруг, мы вечны, волна несется в бесконечном пустом пространстве, и уже ничего не существует, кроме нас, жизнь никогда не бывает такой, только в этот момент бешеной скачки без седла на обезумевшем коне.

Главное, что я хочу сказать тебе, Луи, так это что все, произошедшее в дальнейшем в моей истории, было подчинено одной-единственной цели — снова обрести тот самый момент. Пережить его заново. Начать с начала. Поймать за гриву обезумевшего коня на головокружительной скорости, которая вышибает слезы из глаз. Никак иначе. По мнению Вирджинии Вулф, ничто не существует до тех пор, пока об этом не написано. Так можно сказать применительно почти ко всему, но только не к соитию. Соитие — это событие само по себе. Даже если о нем не говорят, даже если нет слов, для того чтобы о нем говорить, и оно навсегда остается под завесой молчания, все равно, когда занимаемся любовью, мы существуем.

«Любовь моя, — шептал он, лаская меня, целуя с искусной неспешностью, — моя любовь». Я шептала в ответ: «Да, да», я была его любовью, я давала себя обмануть, превращалась в цветок с дурманящим ароматом, в плод, утоляющий голод, обрастала листьями, почками, ветвями, подчинялась смене сезонов. Потом он отстранился и вдруг надавил руками мне на плечи, я опустилась на колени; ситуация переменилась слишком резко, даже грубо, и опьянение не помешало мне это заметить: он опять колебался, выбирая между ролью хардового актера в порнофильме и робкого воздыхателя в мелодраме, между Камиллой и Клер. Его сердце потеряло равновесие, подумала я. Но мне все нравилось, я была на своем месте и там и здесь, прошла пробы на обе роли, хотела заполучить и ту и другую без колебаний и ни с кем не делиться; желание, горевшее во мне, уничтожило все противоречия, потому что он был здесь и принадлежал мне, и в нем я любила всех мужчин, даже тех, кто меня отверг. Крис застонал; его пальцы, вцепившиеся в волосы у меня на затылке, разжались, и острая боль прошла; он ласково поднял меня. «Ты нежная, такая нежная, — прошептал, прижимая к себе, — я чувствую твою любовь». Это была истинная правда:

желание — тот самый момент, когда любовь может сбыться. Мы, обнявшись, дошли до спальни; у входа стояла сушилка с женским бельем. «Я оставлю свет в коридоре, — сказал он, снимая всю одежду, — лампа у кровати разбилась». Я тоже разделась, мы упали на кровать, обнявшись.

Главное, о чем я хочу сказать тебе, Луи, без беллетристики и подробностей, которые я опущу про причине лени или бессилия, трусости или страха, просто сказать тебе, — это о силе момента. О, я не сомневаюсь, что ты об этом знаешь, Луи, и скажу не для того, чтобы тебя просветить, нет, я просто хочу зафиксировать — это будет письменное свидетельство. Люди записывают истории, чтобы сохранить доказательства, вот и все. Книги состоят из воспоминаний, как почва под деревьями — из опавших листьев. Страницы как слои перегноя. Ты, наверное, сочтешь меня сумасшедшей, но часто я занимаюсь любовью только для того, чтобы потом об этом написать; конечно, бывает, что и ради самой любви, но я никогда не видела большой разницы между желанием близости и желанием писать — это один и тот же витальный порыв, та же необходимость ощутить, что жизнь материальна. Ты возразишь, что все как раз наоборот — одно компенсирует нехватку другого,

мы отстраняемся от жизни, изгоняем себя из нее, когда беремся ее описывать, мы пишем о любви вместо того, чтобы ею заниматься. Однажды ты уже сказал мне, я помню: «Литература — это отсутствие плоти». То есть, когда человек пишет, он возносится над животными инстинктами, язык для него перестает быть частью тела. Истинная правда, и все же в слове «язык» таится какая-то безумная непристойность. Мне трудно произнести «язык» в лингвистическом контексте, не думая параллельно о его втором значении, не чувствуя во рту одновременно слово и сам орган, его произносящий, не видя в своем воображении соприкасающиеся, сплетающиеся, ищущие друг друга языки. Когда я пишу, мне нужна упругость языка, его деликатность, и нежность, и терпкость. Не на каждый язык можно перевести то, что я сейчас тебе говорю. Поэтому я купаюсь во французском языке, играю им, лижу, сосу, вкушаю, насыщаюсь; на этом языке рождается желание обладать, в том числе знанием. Я подхватываю на язык будущий рассказ, каждый поцелуй рассказывает мне историю. Самые красивые сказки сочиняются в тишине поцелуев, когда слова не нужны, чтобы чувствовать себя любимой. Всякий раз, утрачивая на время способность писать, я

искала мужчину, потому что хотела снова быть живой. Вот почему всему наперекор я мечтала о Крисе. Не ради секса как такового, вовсе не ради удовольствия (да и получила ли я удовольствие в тот, первый, раз?), но чтобы ощутить всю мощь желания, *воплотить* его — облечь в плоть. Потому что не секс меня интересует, а желание. Не обладание, а влечение. Не судороги, а головокружение. Мое наслаждение выше экстаза. Я жажду не «маленькой смерти», а безграничной жизни, беспредельного пространства существования. Я не столько желаю наслаждения, сколько наслаждаюсь желанием. Любовь — не тема моих книг, а их источник. Я ищу не сюжета для романа, а ощущения жизни, писать о котором было бы признанием своего поражения и, по сути, наслаждением неудачей. Желать мужчину — все равно что вынашивать замысел новой книги: передо мной изначальный хаос, бескрайний открытый простор, где ничто не сдерживает галоп обезумевшего коня; еще там есть страх, в этом хаосе, и тоже бескрайний, головокружительный, хотя я знаю, что никто и ничто не выбьет меня из седла, мое могущество безгранично и безоружно, я мчусь вперед, а жаркий ветер, повенчанный с солнцем, дует мне в лицо. Потом хаос начинает

упорядочиваться и успокаиваться, я чувствую этот момент, даже если потом о нем забуду, хаос становится фразой или пустой страницей, первой строчкой песни или тишиной, историей или ничем. Но вот заново открыть этот хаос в сердце слов, воссоздать в них биение изначальной силы мне не удается. Когда я сажусь за стол перед экраном ноутбука или чистым листом, меня охватывает ощущение утраты, беспредельность отступает, как море во время отлива. И когда не остается ничего, кроме песка, голой пустыни до самого горизонта, я бросаюсь на поиски источника энергии, места, наполненного присутствием, потому что отсутствие невыносимо, слова о нем уже отзвучали, мне нужно почувствовать живую плоть, чтобы снова начать говорить. Когда-то, если во время таких творческих кризисов я оставалась одна и не могла ни писать, ни испытать физическое желание, я шла к своему книжному шкафу и искала там, чем заполнить пустоты, проеденные тоской. У меня были любимчики, целый список симпатий, я знала, какая страница поможет мне снять напряжение, утолить жажду, удовлетворить желание, и порой я сразу ее находила или же долго листала книгу, стараясь унять нервную дрожь, которая у меня обычно

появляется от сильного голода, — это тоже был голод, голод по словам, и я объедалась «Путешествием» Бодлера, «Максимами» Ларошфуко, финалом «Береники». Да, Луи, в моем меню была отборная классика! Но насыщал меня не только французский язык, если так подумать. Возможно, даже больше удовольствия мне доставляли стихи на английском и итальянском — так тело незнакомца, таящее неведомые наслаждения, влечет сильнее.

If you see a fair form, chase it
And if possible embrace it,
Be it a girl or boy.
Don't be bashful: be brash, be fresh.
Life is short, so enjoy
Whatever contact your flesh
May at the moment crave:
There's no sex life in the grave[45].

Я читала вслух, повторяла строчки снова и снова, лихорадочно, жадно, и по мере чтения напряжение отпускало, происходила психологическая разрядка — я «мастурбировала» словами,

---

[45] Примечания: 45
Здесь процитировано стихотворение У.-Х. Одена. (*Примеч. автора.*).

если хочешь, и не только словами, потому что порой мой выбор падал на маркиза де Сада. А потом что-то случилось — пожалуй, я даже знаю что, но это осознание происходило очень медленно. Так или иначе, книжная терапия перестала работать, влечение к словам меня покинуло. Смерть. Конец. Слов больше не хватало для того, чтобы меня успокоить, они уже не могли заполнить собой пустоту, оставленную человеческим телом. Ни одна книга с тех пор не действовала на меня так, как живое тело. Это была интимная катастрофа; здесь, в том месте, где я пишу тебе это письмо, таких катастроф пруд пруди. Тут полно убитых расставанием людей, которых слово не способно воскресить. Нам больше не нужны символы, только реальные вещи. Хватит с нас молитв, поможет лишь милосердное деяние. «Господи, спасибо, что послал мне наконец того, кто заново дарует утраченный вкус к жизни» — вот что все мы тут хотим сказать, вместо того чтобы вновь и вновь переживать и пережевывать свое разочарование. Перед тем как привезти меня сюда, полицейские нашли в моем кармане клочок бумаги с тремя строчками — не помню, чтобы я их писала, но почерк точно мой: «My kingdom for a

horse»[46] и ниже: «Я отдам все книги за любовь», «Все слова за обезумевшего коня».

Обезумевшей, правда, сочли меня.

Впрочем, я забегаю вперед, сначала нужно дорассказать историю.

Крис неожиданно прервал наши ласки, отстранился, начал нервно мастурбировать, потом хотел кончить мне в рот, но не успел и рухнул на спину. «Уф, вот теперь порядок», — пробормотал он. Резко вскочил, оделся и, даже не взглянув на меня, вышел из комнаты. Кот Папа поплелся за ним. Когда я заглянула в гостиную, Крис увлеченно жал на кнопки пульта, остановился в конце концов на каком-то реалити-шоу. «Ой, ну я же принцесса, — поведала с экрана девица в черной помаде и кожаных шортах. — Меня не так просто завалить, я знаю себе цену». Публика в студии захлопала в ладоши. Я, опустившись на диван рядом с Крисом, несколько минут делала вид, что тоже смотрю телевизор, но ужасно хотелось есть и пить, голова кружилась, я была слегка не в себе — внутреннему парашюту почти не удалось затормозить мое падение, — поэтому

[46] Примечания: 46

«Все царство за коня» (*англ.*). Цитата из трагедии У. Шекспира «Ричард III».

спросила: «Может, все-таки откроешь бутылку вина?» — «Ты где припарковалась?» — бросил он, по-прежнему не глядя на меня. «Я приехала на метро и уже ухожу», — сказала я, вставая и подхватывая сумку. «Да ладно, можешь здесь переночевать, мне это не помешает — я привык валяться на диване и телик смотреть, пока не засну. Не люблю расписания и ограничения. Если хочешь, иди в спальню, никаких проблем». Я сказала, что предпочитаю спать дома, он не пошевелился. «Пока!» — крикнула я, отпихнув ногой Папу, который тоже собирался вышмыгнуть на лестничную клетку, и захлопнула дверь.

«Он отправил тебя домой на метро, — думала я, шагая к станции „Порт-де-Лила“. — И даже не открыл вино, которое ты принесла. С ума сойти!» Я чувствовала унижение, не очень понимая его природу, знала только, что с этим нужно как-то справиться. В метро получила эсэмэску: «Все в порядке?» И через две минуты еще одну: «Ты дома?» Я не ответила, подумав, что все не так уж и плохо: я уношу с собой воспоминание о желании, которое сильнее стыда, сильнее всего на свете. Я украла божественный огонь, и меня постигла кара — стыд, обернувшись орлом, терзает клювом мою печень, — ну и что? Да, мне больно, говорила

я себе, сидя в метро, но оно того стоило. Цена не так уж велика, думала я, чувствуя, как во мне поднимается волна слов и фраз, как они сливаются в звонкие фрагменты, в мозаику, оперу, океан образов, роман, фильм. Я аккуратно заворачивала в бумагу воспоминаний его пальцы, тянущиеся к моей груди, его губы, упругий член под своей ладонью, кулак, дернувший мою голову назад за волосы, как дергают коня за удила; я тщательно упаковывала желание в хранилище памяти, чтобы оно не исчезло и не сломалось, — это хрупкая материя, нужно было продлить ей жизнь. Если уж из этого ты не сможешь сделать роман, говорила я себе, что тогда тебе нужно? Ко мне уже вернулось тепло, желание горело на кончике языка, как готовое сорваться слово, жизненная сила пришла в движение, как набирающий обороты мотор. Что-то желать от Криса, конечно, напрасный труд, но может ли труд быть напрасным, если в результате появится книга? — говорила я себе.

Он позвонил на следующий день, часов в двенадцать: соскучился, хочет меня увидеть. «Что на тебе надето?» Стоит, дескать, в коридоре и думает обо мне, о моих губах, это ужасно возбуждает. «А тебя?» Думает обо всем, что мы вчера делали, и еще о том, что сделать не успели, но

обязательно сделаем, и это будет cool. «Мне все в тебе нравится — глаза, рот, маленькая грудь, твоя нежность. Ты такая нежная!» Он находит меня очень сексуальной, особенно мою задницу. «У тебя такая клевая задница, даже сравнить не с чем. Увидимся сегодня вечером?» Я сказала, пока не знаю. «Ты не хочешь меня видеть? — забеспокоился Крис. — Давай, а? Я тебя уже жду. Скажи, что придешь, что хочешь меня видеть, что только обо мне и думаешь». Я засмеялась: «Ну ладно, хорошо». — «Cool! — обрадовался он. — Приходи к восьми. Помнишь код подъезда?»

Через два часа, когда он позвонил еще раз, я шла по улице и не услышала звонок. Величаво шагала с осознанием собственного всемогущества, окруженная нескромной аурой желания, которая всегда всем заметна, — я ловила взгляды, исполненные любопытства, возбуждения, зависти. Когда один человек желанен для другого, он и у прочих вызывает интерес, потому что по нему это видно, — таков закон, дурацкая теорема, базовый принцип; это читается в его глазах и движениях, тело — открытая книга. «Слушай, тут такая шняга вышла, — прозвучал тусклый голос в записанном сообщении, — я совсем забыл, что у меня на сегодняшний вечер назначена другая

встреча, вот только сейчас вспомнил. Короче, завтра пересечемся, чао».

Такая игра в прятки продолжалась несколько недель, мы договаривались о свидании, и все отменялось — то ему нужно было встретиться с приятелем, то поговорить с отцом, «да» и «нет» кружились, как вертушка турникета, и я участвовала в этом безрадостно. Когда его хамство выходило за рамки терпимого, я принимала решение с ним порвать, тем более что секс был так себе — как будто путешествие, о котором долго мечталось, не оправдало надежд. Но мое желание понастроило столько воздушных замков, что мне хватало их развалин. К тому же я и не искала удовлетворения, поскольку была счастлива уже самим желанием. И еще: физическое желание у меня всегда связано с желанием узнать человека. Проснувшееся любопытство — первый признак влечения. Вдруг появляется цель понять кого-то, расшифровать. Кто-то превращается для тебя в тайну, у человеческого тела появляется история, форма несет в себе загадочное содержание. Мне было любопытно, и не только мне — Клер тоже хотелось разобраться, кто такой Крис и с кем из нас двоих он был самим собой. Однажды вечером он пригласил меня в Севран — его родители уеха-

ли на выходные. Я примчалась на пригородной электричке, довольная возможностью изучить его в домашнем интерьере. Крис встретил меня на вокзале со своей старенькой DS, которую считал исторической достопримечательностью. «Она суперская!» — гордо сообщил он. Я не стала говорить, что мой папа ездил на такой же, когда я была маленькой. Через несколько минут мы остановились на парковке Аш-эль-эм[47]. «Предупреждаю, мы живем по-простецки». Я оказалась в трехкомнатной квартирке, где царила душная чистота. В гостиной мебель, обитая потрепанным оливково-зеленым бархатом, на черном буфете несколько безделушек; несмотря на это, комнаты казались пустыми. Никаких растений, книг, журналов, картин и украшений, только репродукция Пульбо[48] у входа и тарелка, расписанная рыбками, на стене в кухне. Это была квартира — доказательство нужды, тоски, страха перед будущим, преступления против счастья. В комнате Криса обнаружились хоть какие-то при-

[47] Примечания: 47

Аш-эль-эм (HLM) — социальное жилье, сдающееся по низкой арендной ставке за счет государственного финансирования.

[48] Примечания: 48

Пульбо Франциск (1879–1946) — французский иллюстратор, карикатурист и мастер плакатной графики.

знаки жизни, но жизни прошедшей: футбольные вымпелы, коллекция машинок, фотографии со школьных пикников, постер Guns N'Roses, старая бейсболка. «Ну вот, мои владения», — сказал Крис, обнимая меня. Я взволнованно прижалась к нему. «Может, пригласишь меня в ресторан?» — спросил он, отстранившись.

Это был очень странный ужин — молчаливая трапеза надоевших друг другу супругов превращалась в первое свидание после знакомства на «Меетике» и обратно. Виной тому был вопрос, на который никак не мог ответить Крис — возможно, этот вопрос мучает всех без исключения? А именно: какое место в отношениях отвести сексу? Никакого или всё без остатка? Когда он на меня смотрел, я чувствовала себя то атомной бомбой, то старой перечницей. Вот видишь, Луи, если бы я решила описать в романе нашу жалкую историю, пришлось бы много говорить о сексе, роман фактически превратился бы в сексологический трактат. А я знаю, что многие этого не любят, особенно мужчины, если речь идет о книгах, написанных женщинами, и ты тут, Луи, наверное, в первых рядах. Вам, мужчинам, это кажется похабщиной или, возможно, вы считаете, что мы лезем на присвоенную вами делянку. Так или иначе,

меня сексуальность завораживает. В жизни, а стало быть, и в книгах. Я ничего не знаю о человеке, пока не пересплю с ним. Ничего важного не знаю, никакой правды. То, о чем я лишь догадываюсь из разговоров, секс может бесповоротно подтвердить. Или опровергнуть, что бывает гораздо чаще. Любые социальные стереотипы рушатся, когда сталкиваются тела, либо, наоборот, только стереотипы и остаются, если они въелись под кожу: жажда обладания, воля к власти, страх или неприятие другой личности. В иных случаях секс — это самый честный и самый зыбкий момент близости, когда нежность и желание делают нас великодушными, а происходящее так похоже на любовь, что можно и перепутать, и часто мы путаем, ошибаемся, бросаемся на огонь, не ведая, что можно сгореть, как невинные дети, но эта ошибка так прекрасна: охваченные желанием, мы становимся невинны, возможно, это как раз то, чего мы ищем — быть невинными, вернее, не повинными ни в чем, не причинять вреда; мы желаем блага другому человеку и блага от другого человека, обмена с ним дыханием и речью, реальностью и вымыслами. Рассказывать о сексе — значит раскрывать человеческую природу, ее доброту и способность к преображению всего

вокруг, ее беззащитность и обреченность, смирение с общей участью, которая, как театральный задник, служит фоном для любой жизни. Или же ее ненависть, стремление подчинять, стыд. В любом случае секс несет знание, мгновенное понимание, мимолетное конечно же, оно тотчас забывается, но не для того ли придумана литература, чтобы ловить его на лету?

После ужина мы вернулись в детскую комнату Криса. Любовью не занимались — он сразу кончил и отвернулся к стене. Ночью, во сне, он взвыл, как зверь, которому вспороли брюхо, и обнял меня так крепко, что я чуть не задохнулась. «Камилла, — пробормотал Крис. — Камилла! Моя Камилла…» — и снова заснул, всхлипывая, словно от боли, и не разжав объятий. Я уже не могла дышать, высвободилась, потрясенная, и до утра дрожала от холода, потому что он перетянул все одеяло на себя, завернулся в него, будто младенец в пеленку. Утром Крис положил в мой чай ложку меда и поднес мне чашку, как драгоценный подарок. Позавтракать было нечем — в кухне не нашлось даже хлеба. Думаю, именно тогда, после ночного крушения, жестокого разочарования в желании, к которому примешалось мое имя — Камилла, а не Клер, — эта жалкая до безобразия

история с ним начала сочиняться в моей голове.

Мы продолжали встречаться — у меня или в квартире его кузена. Шаткая близость не обретала равновесия, но крепла: каждый из нас открывал другому кусочки себя, свои чаяния и страхи, с которыми нам теперь худо-бедно удавалось справляться. Крис уже не так опасался, что им могут пренебречь или недооценить его, а я меньше боялась не быть любимой. Что такое любовь, в конце концов? Что, если не желание, чтобы рядом всегда было какое-нибудь тело, из которого можно сделать историю? При этом актуальным оставался финансовый вопрос. У Криса денег никогда не было, он одалживал у меня билеты на метро, книги для матери, но наверняка их продавал, стрелял по десять евро на сигареты, по сто на бензин и ничего не возвращал; намекал, какие сувениры я могла бы привести ему из поездок — новую модель кроссовок «Найк» из Нью-Йорка, мятные леденцы. Подозреваю даже, что он забирал чаевые, которые я, да и другие посетители оставляли на столиках в кафе. Он постоянно критиковал интерьер моей квартиры, требовал, чтобы я заменила все картины его работами, купленными «со скидкой по блату».

Каждый раз, когда мы встречались, он жаловал-

ся, что ему зверски надоели Севран и пейзажи из бетона. Крис делал прекрасные фотографии пригородов: лабиринты железнодорожных путей, башни, серые лица прохожих. Но ему хотелось снимать море и простор, ветер и сказочную синеву. А мне хотелось подарить ему то, о чем он мечтает, и еще хотелось снова той знакомой жизни наедине с мужчиной — после Жо я успела соскучиться по этому нежному уюту, по особым отношениям, которые устанавливаются в интимном пространстве, когда тела расслабляются и обретают свободу в запахе кофе и хлеба, в тепле, идущем от камина. В общем, я решила снять дом на мысе Белый Нос[49]. Там так хорошо, когда не сезон и мало туристов; дикие, красивые места. Услышав от меня эту новость, Крис обрадовался, как ребенок, никогда не видевший моря.

За три дня до отъезда заглохла его DS. «Облом!» — сказал он мне по телефону. Полетел карбюратор, замена обойдется в несколько сотен евро, так что пока машина стоит в гараже в Севране. Помимо этого, у него украли съемный объектив — вытащили из сумки, пока он делал снимки в

[49] Примечания: 49

Мыс Белый Нос (Блан-Не) находится на Ла-Манше, в курортной зоне, известной как Опаловое побережье, во французском департаменте Па-де-Кале.

городе, — и ему теперь позарез нужен новый. Он не представляет, что делать, и наше путешествие на Белый Нос катится к черту, если, конечно, я не одолжу ему… э-э-э… Я сказала, что машину возьму напрокат, а документы на дом уже оформлены, так что ничего не отменяется. У меня тоже было не слишком много денег — задаток на книгу я к тому времени давно потратила, Луи. Как ты, несомненно помнишь, Луи, гонорары у меня отнюдь не баснословные, но очень уж мне хотелось съездить отдохнуть вместе с Крисом. На следующий день, когда я уже собиралась зайти в прокатную контору по соседству, Крис позвонил и заявил, что сам займется этим сегодня же у себя в Севране — отец одолжит ему наличные на аренду. Вечером он приедет ко мне, а завтра утром махнем на Белый Нос. Я сказала «о'кей», все-таки машины — мужская тема. Чуть позже пришла эсэмэска — Крис попросил перечислить стоимость аренды на его счет, и я немедленно перечислила.

Вечером он припарковался у моего дома и заорал с улицы: «Любовь моя! Я забыл код подъезда!» Спустившись открыть дверь, я сразу попала в его объятия: «Камилла, ты моя добрая феечка!» Ночь была нежна, баюкала на руках нас обоих, а утром мы закинули дорожные сумки в багажник

и радостно отправились в путь на всех парусах. Крис вел машину, я вскоре заснула. Проснулась оттого, что радио во всю глотку жахнуло Can't buy me love[50]. Да, это были Битлы 1964 года. «Никогда не слышал эту песню, — сказал Крис. — Прям cool! А ты слышала?» — «Ага, краем уха, — отозвалась я, потягиваясь. — Правда, в шестьдесят четвертом я была совсем маленькой».

Машина — красная DS3 специальной серии, продвинутая внучка старушки DS, — вильнула задом и встала как вкопанная на пустынной обочине автострады. Мы были уже совсем недалеко от моря — в открытое окно залетал соленый ветер. Крис повернулся ко мне, крепко вцепившись в руль и сжав челюсти. «В чем дело?» — спросила я. «Тебе за пятьдесят? — Он мрачно закусил губу, а потом повторил, уже громче: — Тебе, значит, за пятьдесят?» Я молча смотрела на него. «Охренеть можно», — процедил он сквозь зубы и, выскочив из машины, с размаху шарахнул дверцей. «Мне столько же лет, сколько было вчера!» — крикнула я в лобовое стекло.

Чуть позже мы остановились у супермаркета — нужно было запастись продуктами. Крис ша-

---

[50] Примечания: 50
«Мне не купить любовь» (*англ.*).

гал между стеллажами в трех метрах впереди меня, а я плелась за ним, толкая тележку, как пятидесятилетняя домработница, в которую меня превратила одна-единственная песня. Он остановился лишь раз — для того, чтобы бросить в тележку наушники-«затычки» для mp3. «Ты любишь помидоры? — спросила я, подавив чувство унижения. — Что будем есть на ужин?» — «Ты покупаешь, вот и покупай», — презрительно буркнул Крис. Я не отстала, и тогда он воскликнул: «Тоже мне баба, даже в этом ни черта не сечешь!» — лишив меня таким образом и статуса домработницы. Потом он заигрывал с молоденькой кассиршей, пока я расплачивалась кредитной картой. У кассирши на запястье был вытатуирован крокодил, Крис показал ей свои татуировки — птиц с расправленными крыльями. «Как бы вы меня не проглотили!» — подмигнул он ей на прощание и вышел из магазина, не взяв у меня ни одного пакета. На парковке открыл багажник и смотрел, как я кладу туда покупки. «Спасибо», — сказала я. Следующая остановка была в Булони — я пошла за ключами к владельцам арендованного дома, Крис остался возле машины, а когда они провожали меня на крыльце, даже не поздоровался с ними — стоял прислонившись

к капоту, как будто он мой шофер. От земляной насыпи возле дома тянуло падалью. «Давай поведу, — сказала я, обходя машину, чтобы сесть за руль. — Хочу посмотреть, что такого особенного в этой DS3, все-таки „специальная серия“». Крис, поспешно сунув руку в окно, выдернул ключ из замка зажигания. Я вскинула брови. «Ты не поведешь», — заявил он, скрестив руки на груди; на его шее набухла и забилась вена. «Это почему же?» У меня на глаза навернулись слезы — конечно же от яркого солнечного света. «Потому что я никому не позволяю водить мою машину». Я рассмеялась: «Твою машину? Твою? Позволь напомнить, что это я за нее заплатила. И я тоже люблю водить». — «Даже если так, эту машину ты не поведешь. У тебя и права такого нет — ты не заявлена в арендном договоре как водитель». — «Какой сюрприз! Ладно, не страшно, я сейчас позвоню в агентство и попрошу добавить меня в качестве второго водителя. Дай мне договор. Дай, Крис! Ты же не думаешь, что я проторчу тут две недели, ни разу не сев за руль? Я не собираюсь полностью зависеть от тебя и от твоего настроения!» Когда я достала мобильный, Крис не пошевелился — смотрел куда-то вдаль с таким видом, будто и не слышал. «У меня нет номера

их телефона. Дай мне договор». — «Я не дам тебе договор, и ты не будешь никуда звонить». — «Ах вот как? Почему?» Голос прозвучал так, словно чья-то рука сдавила мне горло. «Потому что я не хочу, чтобы твоя фамилия стояла рядом с моей, вот почему!» — «Но это всего лишь разрешение на вождение, а не объявление о свадьбе», — попыталась я пошутить. «Мы не вместе! — яростно заорал Крис. — Ясно тебе? Мы! Не! Вместе! Я тебя не люблю, я вообще не с тобой! Поняла?!» Совсем спятил, подумала я и, весело возразив: «Вообще-то мы тут вдвоем, оглядись, значит, вместе!» — незаметным движением выхватила у него ключи и бросилась бежать. Он погнался за мной вокруг машины; я, умирая от смеха, закричала: «Мы не вместе, но ты за мной бегаешь, бегаешь!» — мне хотелось верить, что все еще можно обратить в шутку и все закончится именно так: мы посмеемся над отсутствием любви; или же я просто пыталась обмануть собственников, которые наверняка наблюдали за нами из-за белых кружевных занавесок. Я побежала по улице, чтобы скрыться от их взглядов. Крис меня наконец поймал. Я забыла, что у нет чувства юмора. Он прижал меня к забору, схватил одной рукой за кисть, другой принялся разгибать мои пальцы,

сжимавшие ключи. Я все еще смеялась, но уже было больно, его бицепс на уровне моих глаз раздулся — угрожающе, опасно раздулся. «Опасно, опасно, опасно!» — завертелось у меня в голове. «Камилла, сейчас же отдай ключи!» Я боролась, только чтобы показать: я тоже сильная, очень сильная, пусть он это поймет, и все отчаяннее сжимала ключи, так что они врезались мне в ладонь. Спиной я вжималась в забор, словно хотела в нем раствориться; Крис не отступал, у меня уже хрустели пальцы. «Мне больно, — выдавила я, — хватит!» Дернув рукой, вырвалась из его захвата, но он снова поймал меня за запястье, рванул мою руку вверх, как судья на боксерском ринге, и этим движением, объявившим меня победительницей, он победил. Я выпустила ключи из страха, что Крис сломает мне кости; он подобрал их и зашагал к машине походкой Джона Уэйна. Я поплелась за ним. Мы молча сели в салон и поехали к арендованному дому; я указывала дорогу механическим голосом GPS.

Домик оказался чудесный — в традиционном северном стиле, каменный, просторный и выстуженный. Три спальни, в первой детская кроватка, во второй двуспальная кровать и белая колыбелька под старину — у меня в детстве

была очень похожая игрушечная, для кукол. Я поправила у колыбельки полог, вспомнив, как он должен висеть, словно мысленно встретилась с собой, маленькой. В третьей, самой большой спальне поменяла простыни и наволочки, положила продукты в холодильник. Правая рука болела, указательный палец покраснел и распух — похоже, были вывихнуты две фаланги. Крис разводил огонь в камине — я слышала стук поленьев. На улице к вечеру поднялся ветер и теперь ломился во все щели, скуля, как раненый пес; деревья плясали в сгущавшихся сумерках, бурно переговариваясь на языке жестов. «Так не может продолжаться, — сказала я, подходя к Крису. — Мы здесь не уживемся». — «Ладно, — отозвался Крис, подкидывая тонкие веточки в затеплившийся огонек. — Сейчас уедем». Он выпрямился во весь рост, и я снова почувствовала страх, даже попятилась. «Нет, погоди, уже ночь, и похоже, надвигается шторм, сейчас ехать опасно. Давай переночуем, а завтра, может, все угомонится», — я имела в виду и ветер, и нас обоих. Отблески огня ложились на щеки Криса, у него было пунцовое лицо влюбленного. «О'кей», — кивнул он, поворошив поленья в камине, и развалился на диванчике напротив меня. Я включила свой ноут-

бук, он — свой. Интернет тут работал плохо; Крис воткнул наушники и принялся отбивать пальцами ритм неслышной мне песни. Через некоторое время он встал, пошарил в шкафах, нашел электрический чайник и поставил кипятиться воду. Жестом предложил мне кофе, я покачала головой. Он с сердитым видом сделал себе бутерброд, прошел у меня за спиной к камину проверить огонь, попутно кинув взгляд на мой ноут. «Что ты там читаешь?» — «Ничего». Я быстро опустила экран — не хотела, чтобы он знал, что я лазила на сайт прокатного агентства «Авис» посмотреть, нельзя ли через него добавить меня в водители. До этого физический страх перед мужчиной мне довелось испытать всего один раз в жизни — когда у мужа случился приступ ревности и он с бешеными глазами наотмашь ударил меня по лицу. В результате мне пришлось делать лазерную операцию на глазе из-за отслоения сетчатки, но я была молода и верила, что это нормальная цена за любовь: я желанна, и у мужчины от этого сносит крышу. Теперь все было иначе: я перестала быть желанной, и мужчина этого не вынес. Вот что привело его в ярость: он пожелал то, что желать нельзя, и сам себе был отвратителен. Это не персональная, а социальная реакция, не Крис,

а его образ в социуме. Брахман оказался среди неприкасаемых, подумалось мне. Я — неприкасаемая. *«За пятьдесят!»* Даже наедине со мной Криса терзал стыд: его обманули, предали, унизили; я стояла перед ним, как зеркало, в котором отражался его позор. Белый полог колыбельки маячил светлым пятном в темноте, я смотрела на него и пыталась понять: быть может, Криса внезапно охватил ужас оттого, что он спал с женщиной, которая уже не способна иметь детей? Возможно, дело в том, что мужчины проводят параллель между бесплодием и импотенцией? Что это — отвращение к стерильности? Или подсознательный страх переспать с собственной матерью? Почему тогда молодые женщины не испытывают ничего подобного? Ведь они не боятся ровесников своих отцов, даже наоборот, ищут их расположения. А зрелые мужчины не стесняются спать с ровесницами своих дочерей. Но почему? Откуда взялась эта разница, общепринятая и повсюду узаконенная? Отчего мужчины сделались привилегированной кастой?… Короче, Луи, я делала то, что всегда делаю перед лицом опасности, — черпала силы в разуме, давила тревогу мыслью, напряженно думала, чтобы меньше страдать; мозги служили мне перевязочным

материалом. Но в тот раз моя система безопасности давала сбои, я это чувствовала. Разум уже не обеспечивал мне защиту, напротив, он обострял зрение, помогал лучше рассмотреть голую правду. Выйти из заблуждения — это еще хуже, чем заблуждаться, потому что, когда рушатся иллюзии, уже ничто не скрывает от тебя реальность во всей ее неприглядности. Реальность незыблема, ее невозможно изменить усилием воли — как только это осознаёшь, делается страшно, и остается лишь собрать себя из кусочков, снова обрести чувство удовольствия, компенсировать несчастье ощущением жизни. «Смотри-ка, тут есть компакт-диски. Интересно, что за музыка?…» Я нашла альбом Ману Чао, включила аудиосистему и принялась самозабвенно танцевать — веселый ритм увлекал меня в беспамятство, он вымел из моей головы все мысли, кроме одной: может быть, Крис ко мне присоединится, думала я. Танец — как секс, это способ сблизиться, не пользуясь словами. Но Крис посмотрел на меня с раздражением и, нервно похватав свои вещи, ушел в дальнюю комнату. Буря уже разбушевалась, ветки лупили по стеклам, свет дрожал, я танцевала, обнявшись с ветром.

«Предупреждаю, я завтра уеду в двадцать ноль

ноль». Эти слова, сухо прозвучавшие с порога, вырывают меня из крахмально-черного сна. «Двадцать ноль ноль, — думаю я. — У нас вечность на то, чтобы помириться». Часы показывают половину восьмого утра. Будь это другой мужчина и не такая ужасная ночь, я непременно сказала бы ему: «Иди сюда, пожалуйста, ложись, займемся любовью, а там будь что будет». То же самое говорила Цирцея разгневанному Одиссею, ибо плоть смягчает нравы — чем еще заниматься, если не любовью? Но я, помятая и отекшая, ничего не говорю, лишь со вздохом натягиваю одеяло повыше. Когда я снова открываю глаза, часы показывают 8:20, в доме тихо, ветер за окном угомонился. Я встаю, иду в ванную, бросаю осторожный взгляд в зеркало — оно показывает что-то страшное, — срочно румяна, помаду, тушь, быть привлекательной, привлекательной, привлекательной, снова стать желанной. Прислушиваюсь к тишине. Дверь комнаты Криса закрыта. В гостиной холодно; кажется, даже угли в камине обледенели.

Я включаю электрический чайник на барной стойке, сую в тостер два куска хлеба, подбираю пустую пачку «Кэмела», потом замечаю наконец, что входная дверь приоткрыта, и босиком

бегу на крыльцо. Машины перед домом нет. Конечно же он уехал за сигаретами в деревню. Я швыряю пустую пачку в кусты, над головой серо-голубое небо, возвращаюсь в дом, включаю радио, оно поет мне: «Вот увидишь, вот увидишь, для этого и создана любовь»[51]. Кофе убывает вместе со временем; я стучусь в дверь комнаты Криса, открываю — там пусто, его вещи исчезли, осталась тарелка с объедками от ужина на тумбочке у кровати. Мне надлежит прибраться, вот чего он хочет: чтобы я до конца сыграла роль домработницы. На разобранной смятой постели валяется комикс про Тинтина. Дрожа от холода, звоню в прокатное агентство «Авис» в Севране, спрашиваю у девушки-менеджера, можно ли внести изменения в договор на аренду машины. «О, месье только что звонил, я ему все объяснила. Он сказал, что пригонит машину к трем часам… К трем… Что? Компенсация? Да-да, с вас удержат плату только за прошедшие дни. Так, у вас аренда на десять дней на общую сумму двести пятьдесят евро, вы возвращаете машину сегодня, значит, должны заплатить за два дня, остаток вам вернут. Разумеется, если с машиной ничего не случи-

[51] Примечания: 51
Песня французского шансонье Клода Нугаро.

лось». — «Вы сказали — двести пятьдесят евро?» — уточняю я. «Именно столько вы заплатили, мадам». — «Нет-нет, мы заплатили триста тридцать. Вы не посчитали страховку?» Голос девушки становится неуверенным: «Мадам, у меня перед глазами ваш договор. В текущем месяце у нас стандартные договоры „все включено“ на модели „Ситроен DS“, ваш муж… э-э-э… месье заплатил ровно двести пятьдесят евро».

И тут я начинаю ей рассказывать, выкладываю всю историю на одном дыхании. Мы незнакомы, но она все-таки женщина. «Правда?» — говорит она, и «Какое безобразие!», и еще «Я вас понимаю!». Именно то, что мне нужно в данный момент — чтобы какая-нибудь женщина меня понимала и соглашалась с тем, что это безобразие.

«Голосовая почта Криса. Ответить сейчас не могу, но вы оставьте сообщение, и я вам перезвоню, без обмана!» Без обмана. Тогда я слышала его голос в последний раз — глуповатый вообще-то голос, подумалось мне. Я страдала больше от стыда, чем оттого, что он меня бросил, потому что сама была виновата во всем, что произошло. В Фейсбуке Крис меня уже забанил — я не могла даже отправить сообщение ему в ЛС, и перевязанный большой палец на экране строго

констатировал факт: «К сожалению, эта страница недоступна».

Без обмана.

Мне не сразу пришло в голову вернуть Клер Антунеш. Не думай, что я настолько цинична, Луи, ничего не было просчитано заранее. В первые пару часов гнев и отвращение служили мне источником энергии, потом охватило чувство одиночества, и чувство утраты свернулось калачиком в белой колыбельке. Я уже не могла отвести от нее глаз — колыбелька была пуста, вернее, это я в ней лежала и голосила отчаяннее любого младенца, до хрипоты. Когда тоска стала нестерпимой, я бросилась искать помощи у женщин, которые могли бы мне все объяснить или, по крайней мере, меня понять, — у подружек Криса в Фейсбуке, более или менее близких его знакомых. Я отправила сообщение в «личку» Шарлотте, его бывшей, — Крис иногда о ней рассказывал, — еще той актрисе, встреченной нами в первый вечер в кафе, и двум девушкам, которые часто лайкали его посты, я забыла их имена. Каждой я вкратце изложила свою историю, и только для того, чтобы они меня поддержали и утешили, чисто по-женски, никакой иной цели у меня не было. Впервые я ждала от женщины больше,

чем от мужчины, впервые с детских лет, когда все мои чаяния были связаны с мамой. Почему я обратилась к незнакомкам, а не к подругам? Не знаю. Наверное, потому, что это было не так стыдно. Две из четырех вежливо ответили, две другие меня забанили. «К сожалению, эта страница недоступна». Алике, актриса, написала мне свой номер телефона, и я ей позвонила.

Оказалось, моя история ее не удивила, она прекрасно знает такой тип парней — самовлюбленные пустышки, корыстные мерзавцы, о-ля-ля, еще как знает, даже коллекционирует их. Посоветовала мне никуда не уезжать и оторваться на всю катушку, раз уж я на курорте. Море, свежий воздух, куча свободного времени, дом вдали от Парижа — чего еще надо? Вот она сейчас с утра до ночи работает официанткой, чтобы оплачивать обучение в театральной школе Флорана.

Я в любом случае не могла уехать — ветер и ливень опять разбушевались, буря стонала за окнами. И потом, куда мне ехать? Как? Поскольку добирались мы сюда на машине, я притащила с собой целую кучу вещей — три сумки с постельным бельем, книги, резиновые сапоги, кроссовки… Буржуйка на пленэре — вот как это называется. С таким багажом я не смогла

бы дойти даже до автобусной остановки, если допустить, что в радиусе десяти километров есть хоть одна. Дом стоял на отшибе, был мертвый сезон; в деревне, через которую мы проезжали, почти все окна оказались заколочены. Я осталась одна-одинешенька.

Весь день провела в прострации, пила чай, забившись в уголок дивана. Мысленно отслеживала маршрут возвращения машины в Париж — мой мозг работал как чертова GPS, все дороги уменьшились в масштабе, и все вели в никуда. Потом я поставила диск Ману Чао на бесконечный повтор и танцевала до изнеможения. Я танцевала, а память вытряхивала из себя прошлое и все эмоции, которые ему сопутствовали. У меня больше не было ни родителей, ни детей, ни кола ни двора, ни стыда ни совести. Брошена я была, забанена всеми, под пологом колыбельки, под саваном погребальным. Выкрикивала какие-то слова — бессвязные, бессмысленные, клацающие друг о друга, как пушечные ядра на ногах каторжника.

Только на следующий день, не получив никаких вестей из внешнего мира, я придумала возобновить общение под именем Клер Антунеш. Лишь она могла теперь перехватить эстафету,

прийти мне на смену, восстановить утраченную связь с миром, потому что сама я медленно испарялась, таяла, растворялась в воздухе, я чувствовала, что становлюсь никем, и мне это нравилось, я становилась ничем, и мне это годилось, но радость от собственного исчезновения меня в конце концов всполошила — нужно сопротивляться, каким-то образом уцепиться за мир, и пусть это сделаю не я, а кто-то другой во мне. В итоге я отправила Крису сообщение с аккаунта Клер в Фейсбуке: «Привет, Крис. Как дела? Давно не общались. Я все еще в Лиссабоне. Но вот какая штука: мне пришло странное сообщение в ЛС, пересылаю его тебе. Не знаю, что и думать, ты правда так поступил? Просто не верю! *Клер».* К этому сообщению я прицепила текст, разосланный другим его подружкам. Крис ответил сразу: «И правильно не веришь, Клер. Эта женщина — сумасшедшая, она повсюду про меня гадости пишет, отправила это письмо всем моим подругам в Фейсбуке, но они на это и внимания не обратили, потому что хорошо меня знают и понимают, что я не способен на такую подлость. Советую тебе забанить ее немедленно, иначе она и дальше будет тебя доставать. Очень жаль, что наше общение возобновилось по такой дурацкой

причине, но я даже благодарен ей за это. Расскажи скорее о себе. Как у тебя дела, bonita?[52] Когда вернешься во Францию? Besos[53]. P. S. Видишь, я выучил португальский, пока тебя ждал».

Я не позволила ему сменить тему: «Но это правда, что вы вместе были на море? Правда? Я знаю, кто она, прочитала две ее книги, и они мне очень понравились, она великий писатель». (Да, Луи, да, именно так.)

Крис: «Мы были НЕ ВМЕСТЕ! Приехали в тот дом работать над книгой об искусстве фотографии, она мне сказала, что хочет писать книгу со мной, но на самом деле она в меня втрескалась, это был просто предлог, чтобы заманить меня в дом, я сразу не просек, дурень, а потом, когда понял, к чему дело идет, сел в свою тачку и уехал, вот и все. Ну и пусть она писательница! Тебя это впечатляет, что ли? А меня нет, я люблю простых людей. И можешь мне поверить, в жизни она та еще стерва, говорила мне ужасные вещи, вела себя как истеричка, а я не выношу истеричек, и вот видишь, теперь она хочет облить меня грязью перед друзьями. Но ты на это не ведись, всем

---

[52] Примечания: 52
Красавица (*португ.*).

[53] Примечания: 53
Целую (*исп.*).

на нее наплевать. Расскажи лучше о себе. У тебя все в порядке? Ты счастлива? Ты еще думаешь обо мне?»

Клер: «У меня все хорошо. Прости за настойчивость, Крис, но я боюсь, что с ней может случиться что-нибудь плохое, она ведь одна в пустом доме. Ты называешь ее стервой, а я пытаюсь поставить себя на ее место и понимаю, что, если бы такое случилось со мной, я бы просто с ума сошла. Ты бросил ее одну, да? И еще она пишет, что взяла машину напрокат, то есть это была не твоя тачка. И что вы были вместе. И что ты вывихнул ей пальцы, поэтому она подаст заявление в полицию. Это все неправда?»

Крис: «Говорю тебе: она сумасшедшая, психованная, блин! Чё за дела? Ты с ней зафрендилась, что ли? Может, определишься, на чьей ты стороне, а? Если я говорю, что это моя тачка, значит, это моя тачка, ОК?! Я никогда не вру, ОК? А теперь думай что хочешь, Клер, но я жутко разочарован, прям полный зашквар, не ожидал от тебя такого».

Я не ответила. Худо-бедно разожгла огонь в камине — пусть пламя расскажет мою судьбу, оно хорошо умеет это делать, огонь гипнотизирует тоску. Синяки на руке уже окрасились в темные

пастельные тона — красота, достойная кисти Тёрнера. Мое тело размякло в тепле, плавилось, как воск.

На следующий день Крис первым написал мне, то есть Клер. «Слушай, Клер, прости за вчерашнее, но постарайся понять, я терпеть не могу вранье. И я вообще не способен причинить женщине боль, честное слово! Что еще она тебе наговорила? Мне нужно знать, потому что она может испортить мне репутацию своим враньем, она стерва, я тебе уже писал, и не угомонится в Фейсбуке».

Клер: «Она мне больше не пишет, но ее последнее сообщение меня беспокоит. Она ведь совсем одна в том доме. Наверное, ей там невесело. Ты уверен, что с ней все в порядке?»

Крис: «Да в порядке с ней все! Она врет, чтобы тебя разжалобить, а на самом деле уже вернулась в Париж, мой приятель к ней заходил. Физически здорова, но в полном психическом раздрае. Только и ждет, чтобы я ей позвонил. Не дождется! Я тут больше не при делах, пусть и думать обо мне забудет, я-то уж точно забыл». (Подмигивающий смайлик.)

Каждый раз, отправляя Крису послание от Клер, я надеялась, что он не выдержит, и даже если не признается ей во всем, то хотя бы позвонит

мне, чтобы извиниться и узнать, как я себя чувствую, не нужна ли мне помощь. Я отказывалась поверить, что простые человеческие чувства, сопровождающие физическое влечение, могут вот так просто взять и исчезнуть, уступив место полнейшему неприятию действительности, но с каждым посланием натыкалась на очевидность: «Эта страница недоступна».

Ты скажешь мне, Луи, что я сама напросилась: целенаправленно к этому шла и понесла наказание, которое в общем-то не так уж и сурово, хоть и довольно жестоко. Романчик XVIII века на новый лад, не более того. Современные «Опасные связи», в которых я одновременно де Мертей и де Турвель, манипуляторша и жертва, та, кто умирает, и та, кто убивает. Я играла с вымыслом, и вымысел ударил по мне бумерангом — сюрприз в предсказуемой развязке романа. KissChris закусил удила, тварь сбежала от творца. Неплохо получилось! Я и сама была готова над этим посмеяться в те краткие периоды, когда оцепенение меня отпускало и мне представлялось, какой классный иронический рассказ можно будет сделать из этих событий, когда мне станет лучше. Но я и вообразить не могла, несмотря на нараставшую физическую слабость, а скорее как раз из-за нее,

какие последствия повлечет за собой этот финал романа, который Клер назвала бы по-простому — свинством.

Поначалу я находила себе разные занятия. Гуляла по дому, открывала шкафы, примеряла одежду — мужскую и женскую. Одну ночь провела в детской комнате, свернувшись на полу возле колыбельки. Искала убежище в книгах. В доме обнаружилась удивительная библиотека с любопытной подборкой самых разных книг об отдыхе: пляжные романы, путеводители «Мишлен», руководства по парусному спорту. И еще там были очень редкие издания, с ограниченным тиражом, на веленевой бумаге: изысканные старинные сонеты и произведения малоизвестных современных авторов. Я читала все, что попадалось под руку, заколачивала словами дыры, пробитые тишиной, но, за исключением парочки стихотворений, ни одна книга мне не помогла. Этот способ лечения больше не работал. Помимо прочего, я нашла какую-то макулатуру по практической психологии — личностные тесты, наборы карточек, пособия по распознаванию трудных характеров — и книжку о знаках зодиака. Крис оказался пассивно-агрессивным параноиком нарциссического склада с неврозом навязчивых состояний

и признаками шизофрении. Я была Скорпионом с асцендентом в Весах, чувствительностью Рака, упрямством Козерога и великодушием Льва. Вот тут мне и пришло в голову превратить свои злоключения в комический рассказ, я ухватилась за эту идею, но возбудить в себе желание писать не удалось, как ни старалась. Потом был момент, когда я даже попыталась оправдать Криса. Вспомнила его последнюю фразу: «Предупреждаю, я завтра уеду в двадцать ноль ноль». Ну конечно, он хотел сказать «в восемь», но необходимость выглядеть в этот момент мужчиной, диктовать закон вынудила его к официальщине, и в этой оговорке я увидела его смятение, — так дети выкрикивают друг другу ругательства, боясь заплакать. Но чтобы возродить меня к жизни, этого было недостаточно. В следующие дни время будто замедлилось. Я вставала с постели только для того, чтобы налить чаю, сходить в туалет и взять с полки очередную книгу, но уже не читала. Помню только одно стихотворение из сборника Клода Эстебана, потому что это последнее, что я запостила у себя на странице:

У меня есть дни,
Мне не нужны они, я вам

Их отдам,
Пусть будут долгими для других,
Пусть легкими будут,
Шелково-нежными, полными света,
А то положу их в коробочку серую,
Закопаю в землю
Гнить-разлагаться, заберите лучше
Их у меня, пусть живут,
Пусть резвятся, как дети.

Дальше почти все потонуло в тумане, я, кажется, видела солнечные лучи, пробившиеся наконец к окну, камень, обкатанный морем, на журнальном столике, холодную золу, шотландский плед на мне, подкравшуюся ночь. Модный чайник на барной стойке в кухне стал недосягаем, как и аудиосистема hi-fi. Помню только, я спала с открытыми глазами, вот в этом уверена. И еще помню, что сказала себе: «день клонится к закату», а «ночь наступает» — наверное, ночь наступает на горло склоненному дню. И обрадовалась этой находке, как последнему удовольствию, которое подарил мне язык.

Когда владельцы дома приехали забирать ключи, они нашли меня в полубессознательном

состоянии, мокрую от пота, в луже собственной мочи, и позвонили одновременно в полицию и в скорую, потому что рука у меня была в синяках, и они подумали, что на меня напали грабители. Пока ждали подмогу, попытались меня расспросить, в ответ получили поток бессвязных слов, при этом я изо всех сил натягивала платье на груди, будто хотела ее раздавить. Они сами все рассказали, когда пришли в больницу меня проведать. Очень мило с их стороны. Я похудела на пять килограммов, волосы лезли клочьями, я бредила и плохо соображала, но остатков разума мне все же хватило, чтобы запретить персоналу звонить моим дочерям или кому бы то ни было. Жандармам я не сообщила ничего конкретного, о Крисе даже не упомянула, по крайней мере надеюсь на это, потому что вроде бы без остановки несла какую-то чушь. Через несколько дней меня перевезли в «Ла-Форш», где я и нахожусь до сих пор, отсюда пишу тебе это письмо, Луи. Но не беспокойся, сейчас мне уже лучше, гораздо лучше.

Ты знаешь, что такое «Ла-Форш»? Психиатрическая клиника. Здесь полно депрессивных личностей, в том числе немало бывших преподов; также присутствуют неудавшиеся самоубийцы, в основном женщины. Не то чтобы мужчины не

сводят счеты с жизнью, наоборот, еще как сводят, просто им это лучше удается: мужчины любят доводить всякое дело до конца. Поначалу я не понимала, почему тут оказалась, — я ведь жертва не депрессии, а репрессии, над моей жизненной силой учинили жестокую расправу. По правде говоря, я спала дни напролет и несколько недель ревела, но только потому, что у меня случился закат времен, временно́е затмение, провал в хронологии, и я этим воспользовалась. Если бы мои дочери знали, что произошло, и примчались ко мне в клинику, я бы привела себя в порядок. Но дочери были далеко, они понятия не имели о случившемся, так что я могла беспрепятственно и бессовестно разваливаться на куски, никем не притворяться, быть самой собой, а значит, ничем. Для того чтобы узнать свой диагноз, мне не требовался врач, все и так было очевидно: у меня не осталось желания. Ни толики, ни су, ни гроша, ни копейки желания, nada[54]. Я поставила на кон все до последней рубашки — и проиграла. Никто не протянул мне простыню, чтобы прикрыть наготу, никто не подал руку, чтобы помочь подняться. Никогда не ставьте на кон сердце

[54] Примечания: 54
Ничего (*португ.*).

целиком, я поставила от избытка доверия, нет, от отчаяния и смирения. Вовсе не из гордости поставила на нечет без остатка, потому что и так у меня ничего не осталось, я могла все потерять, но и без того ведь уже потеряла, проигралась в пух и прах, до основания, я считала себя королевой проигрыша, я, королева желания, верила, что, став нищенкой, достав до дна, сумею вынести лишение отсутствие небытие утрату бесповоротную и невосполнимую банкротство падение неизбежное крушение думала смогу возродиться из пепла подняться из праха отплеваться не задохнуться под комьями земли которыми забросают меня лопаты широкими взмахами. Желание было для меня зоной сопротивления, сокровенным блокгаузом, убежищем для сердца и языка, я считала его неприступным, нерушимым, непотопляемым. «Желаю, следовательно, существую» — таково было мое нержавеющее кредо. И вдруг я оказалась среди себе подобных — ха-ха, моих близнецов-растеряшек, лишенцев, проигравших и проигравшихся; я, брошенная, была заброшена туда, как камень в колодец. Лежала на дне и не могла пошевелиться, и не желала этого. Пострадало вовсе не мое самолюбие — моя воля к жизни. Я перестала упорствовать в своем стремлении

жить, отказалась от своих извечных представлений о том, что такое жизнь.

«Как странно больше не желать желаний», — бормотала я себе под нос. Вокруг себя я видела тени-близнецы, они дрейфовали в неосязаемом пространстве смерти с блаженной улыбкой или злопамятным оскалом. Мы все достигли линии горизонта и поняли, что это всего лишь оптическая иллюзия, линия — на самом деле точка, точка невозврата. «Вот чего мы все ищем, — подумала я тогда. — Самой горькой печали, чтобы стать самими собой перед тем, как умереть». Это знание умиротворяло. Хотя, возможно, просто подействовало успокоительное.

Наверное, ты скажешь, Луи, что я склонна к преувеличениям, как моя мать, что называть «самой горькой печалью» ситуацию, в которой какой-то придурок украл у тебя пару сотен евро и бросил одну в доме, немного неправильно, что бывают события и пострашнее — смерть близких, болезнь, даже развод может причинить больше страданий. И теоретически ты прав. Но на самом деле с теми, кто здесь находится, со всеми, у кого депрессия, тревожное расстройство, невроз, анорексия, случилось одно и то же: они понесли утрату. Потеряли кого-то или что-то. Любовь,

иллюзию, победу в битве. Или просто смысл, причину и направление движения.

Конечно, здесь я общалась с психологом. Его зовут Марк, но я могу заменить имя. Он очень красивый. Изо всех сил старается мне объяснить, что желание и любовь — это не одно и то же. Желание нацелено на завоевание, а любовь — на сохранение завоеванного, говорит Марк. Желание, втолковывает он, — это когда вам надо что-то получить, а любовь — когда нельзя потерять. Но для меня разницы нет, всякое желание — уже любовь, потому что в тот момент, когда возникает объект желания и я устремляюсь к нему, мне становится ясно, что я его потеряю, что уже теряю его, бросаясь в погоню. Мое желание — это вспышка жизненной силы и одновременно приступ безумной меланхолии, безумной как раз для психушки и смирительной рубашки. Мне кажется, я всегда была такой, и это придавало мне ужасающее могущество и неуязвимость: я не могла ничего потерять, потому что все уже было потеряно, а значит, мне нечего было бояться. Нет ставки на кону — нет риска.

Но тогда, на мысе Белый Нос, я получила по носу: вдруг оказалось, что у меня очень даже есть что терять, и эта потеря несет в себе смертельную

угрозу. Я утратила чувство отсутствия и больше не пыталась его обрести. Своим презрением Крис исключил меня из круга живых, заставил стыдиться жить дальше. Я была изгнана из сада наслаждений. Прикасаться к мужскому телу, писать книги — зачем? Я говорю тебе о желании, Луи. Раньше я никогда не боялась и не стыдилась желать, мы с желанием были на равных. Желание дает остро ощутить отсутствие — всесильный хаос, окружающий и составляющий нас; но это «отсутствие» ощущается как пустота под ступней канатоходца, мы ощупываем пустоту, как эквилибрист, качающий ногой, чтобы удержать равновесие, в миллиметре от бездны, в секунде от падения, в смертельной тоске, и все же именно в этот момент мы живы, нас охватывает дрожь под натиском «присутствия» — оно растет и ширится, разворачивается в хаосе, его сдерживает лишь тонкий трос, связывающий нас с другим человеком, соседом по пустоте, близнецом-канатоходцем. Когда еще можно острее почувствовать жизнь? И счастье? И свободу? Я говорю тебе о желании, о его нетерпеливой неспешности. Секс — это совсем другое, он знаменует возвращение в мир, укрощение хаоса, упорядочивание. Так же и с книгами. Опубликованная книга — лишь то,

что осталось от великого хаоса, который когда-то был желанием книги, планом книги, мечтой о книге. В ней воплотилось далеко не все, что сулило желание, но это некая «завершенность». Она таит в себе удовольствие на взлете желания, его осуществление. Если в книге этого нет, грош ей цена. Секс — это тоже «завершенность»: тревога, вызванная желанием, утихает, ненасытный голод утолен. Но физический акт любви не способен полностью удовлетворить желание, остается самое главное — чувство отсутствия, из которого желание рождается снова. Рене Шар[55] сказал о стихотворении, что это «любовь, в которой сбылось желание, оставшееся желанием». По-моему, в идеале, так можно сказать и о книге, и о встрече двоих людей: что-то произошло, там было желание, вспышка пламени, любовь сбывалась порой, казалось, книга трепещет, живая, прекрасная, но все же остается недосказанность, что-то в руки не давшееся, руки пусты, объятие пустоты, желание ждет нового присутствия, лезет из кожи, заходится в жгучем томлении, вздымается хаотично, неделимое, распадается на куски, вновь смыкается, купается в ужасе пустоты. «Ничто не

[55] Примечания: 55
Шар Рене (1907–1988) — французский поэт.

принадлежит никому. ‹…› Быть может, наше основное занятие заключается в том, чтобы любить и писать с пустыми руками»[56].

Здесь много ПС — так называют людей, совершивших попытку самоубийства. Еще немало таких, кто приходит в себя после нервного срыва: в один злосчастный день они просто не выдержали — у себя дома, на работе или где-то еще — из-за какой-то ничтожной в глазах окружающих проблемы: одному не дали сигарету, второму сделали выговор, над третьим подшутили коллеги. Есть оскандалившиеся преподы. И безнадежно влюбленных, конечно, хватает. И безутешных разведенных тоже. Все эти люди уже не могут подбирать правильные слова для того, что с ними произошло, не способны точно обозначить потерю и тонут в образах или в молчании. Через несколько недель Марк предложил мне организовать и возглавить в клинике литературный кружок. Он думал, что это всем пойдет на пользу: участники «дадут символическое воплощение своей боли», как он выразился, а я снова обрету желание писать, быть писателем. Дело в том, что я не могла написать ни строчки. Как покалечен-

[56] Примечания: 56
Слова аргентинского поэта Роберто Хуарроса (1925–1995).

ная птица не может взлететь. Мне вывихнули крылья. Я смирилась.

На занятия приходят в основном женщины. Там я и встретила Клер, «прозрачную, как вода в горном ручье», — она так представляется при знакомстве. Муж сбежал с ее младшей сестрой или племянницей, уже не помню; Клер этого не перенесла и потеряла веру в себя. Она иногда покидает клинику, но потом возвращается. Думаю, в конце концов ее спасет гнев. Или смех. Еще у нас есть Жозетта, жертва изнасилования. И Катрин, ей шестнадцать. Бойфренд выложил в Фейсбук ее фотографии, на которых она пьяная и голая где-то на вечеринке; интернет-сообщество ее затравило, и девочка прыгнула с моста. Время от времени приходит Мишель — он изучает этимологию, смысл и происхождение слов, специализируется на древнееврейском. Его мать воспользовалась правом анонимных родов, государство отдало Мишеля в приемную семью, а затем приемные родители отправили его в детский дом. Он открывает рот только для того, чтобы дать толкование какого-нибудь слова и повсюду ходит со словарем, в котором столько сказано о происхождении, как заметил Марк. Остальные участники кружка рассказывают свои

истории — или чужие, или вымышленные.

Вначале я была мертва. Не удавалось написать ни одного предложения, слова производили звук падающих предметов. Я помогала другим раскрыться, предлагала им заново воссоздать свою жизнь в языке, но сама этого сделать не могла. Была пуста, вычерпана до дна. Постарела. И не представляла, где искать помощи. Это длилось довольно долго, Луи, теперь ты понимаешь, почему я не давала о себе знать. А потом произошли два события.

Во-первых, мы затеяли постановку спектакля — идею подкинула Клер, которая в прошлой жизни была известным специалистом по Мариво и литературе XVIII века. Решили поставить «Ложные признания». Ты знаешь эту пьесу? Всем захотелось поучаствовать, отказались только самые безнадежные меланхолики. И вдруг от голосов, жестов, движений затеплился крошечный огонек — не только во мне. И пусть он был слабенький и зыбкий, тепло от него почувствовали все.

Во-вторых, приехал Кристиан — для друзей Крис. Он собирался снимать видеорепортаж о «Ла-Форш». Серьезная работа с погружением в тему. Крис часто присутствовал на занятиях литературного кружка — не как документалист,

а как участник. Он не просил у меня разрешения на съемку, просто хотел побыть частью группы. Однажды Крис признался, что несколько лет назад у него случилась депрессия, после того как его девушка в самом начале их романтических отношений покончила с собой. Он написал об этом чудесный рассказ под названием «Первый раз» — я его храню и часто перечитываю. По словам Криса, он может заниматься любовью с женщиной только один, первый, раз — и вкладывает в это всю нежность, всю мужскую силу, все свое существо. А продолжение становится физически невозможным. Он не понимает почему. И уходит, разрывает отношения или ведет себя так, чтобы подруга сама ушла, не успев обнаружить его бессилие. Женщины недоумевают — ведь первая ночь была такой волшебной. Долгое время Крис обманывал себя и других, постоянно меняя партнерш, — до самоубийства той девушки. С тех пор он одинок, спасается только работой, хочет добиться признания в документалистике.

Чтобы отметить окончание съемок, продлившихся несколько недель, Крис устроил в «Ла-Форш» скромную вечеринку. Я не танцевала целую вечность — с той самой поездки на мыс Белый Нос, — и, когда Крис пригласил меня на

танец, думала, что уже не сумею двигаться в согласии с партнером, даже под медленную музыку, но на самом деле больше всего боялась, что навсегда разучилась прикасаться к мужскому телу. Клер танцевала с Марком, *take me now baby here as I am, hold me close, try and understand*[57], Катрин кружилась одна, *раскинув руки и напевая, desire is hunger is the fire I breathe, love is a banquet on which we feed,* Жозетта выполняла роль диджея, *come on now try and understand the way I feel when I'm in your hands, take my hand come undercover, they can't hurt you now, can't hurt you now*, пахло ветивером, напомнившим мне аромат одеколона, которым пользовался отец, я дышала этим запахом в детстве, когда папа брал меня на руки; Крис молчал, я чувствовала, как бьется его сердце, *because the night belongs to lovers, because the night belongs to lust, because the night belongs to lovers, because the night belongs to us*. Между танцующими расхаживал Мишель, он сообщил, что слово, которое в Книге Екклезиаста принято переводить как «суета» («суета сует», *хевел хавалим*), изначально обозначало облачко пара, в которое превращается зимой дыхание. «Спасибо, Мишель», — сказала

[57] Примечания: 57

Здесь и далее цитируется уже упоминавшаяся в романе песня Патти Смит Because the night (belongs to lovers).

я. Когда танец закончился, мы с Крисом вышли на улицу, он закурил. Воздух был ледяной, одинокие снежинки падали на желтые нарциссы у скамейки. Крис вдруг громко произнес: «Суета сует!» — и мы засмеялись, увидев облачко пара. Было ужасно холодно, но в нас теплилась жизнь. Крис закричал во все горло: «Суета сует!!!», я подхватила, и мы снова смеялись, хохотали до изнеможения как сумасшедшие.

Эпилог

В кабинете мэтра Дэлиня, адвоката месье Поля Милькана

Послушайте, мэтр, я сделал все, что вы просили, хотя вы, на минуточку, мой адвокат, и мне казалось, я вам достаточно плачу, чтобы избавить себя от необходимости выполнять вашу работу. Суду нужны были конкретные доказательства того, что моя жена не намерена возвращаться к нормальной жизни и больше не желает заботиться о детях, — вот, извольте, принес на блюдечке. Искренне не понимаю, в чем проблема.

Да, но только потому, что судья — женщина! Неужели никак нельзя попросить другого судью? Мужчина лучше в этом разберется, я уверен.

Ну разумеется, ей в лицо я этого не скажу! Вы меня за идиота держите, мэтр? Просто ее упрямство мне кажется несправедливым и бесчестным. Я, в конце концов, ничего плохого не сделал!

Ну и что, что Катя — племянница моей жены? Мы не кровные родственники. Я ее люблю! И она меня любит. В этой стране что, уже нельзя пожениться людям, которые любят друг друга?

Родство по браку, мэтр, по браку, не забывайте! Я ей не родной дядя! Какое кровосмешение? И примите во внимание, что, когда я наконец получу развод, которого добиваюсь уже несколько месяцев, у нас с Катей не будет вообще никакой родственной связи — ни биологической, ни по браку, и я смогу на ней жениться. Что тут сложного-то? Младенец разберется.

Отягчающие обстоятельства?! Ну и терминология, мэтр! Можно подумать, я совершил преступление. Вы чей адвокат — мой или моей жены?

Да-да, судья, кто же еще, я понимаю. Нет у нас никаких отягчающих обстоятельств, только романтические, то есть смягчающие. Все ведь произошло случайно. Я мог встретить Катю где угодно — в супермаркете, в кафе на углу, в своей театральной студии. Но так уж вышло, что мы познакомились, потому что она переехала к нам после смерти родителей, которые погибли в дорожной аварии. Я не пытался ее соблазнить, если судья хочет знать. Мы подолгу разговаривали, постепенно узнали друг друга и влюбились. Это вполне естественно. О'кей, она на двадцать пять лет моложе меня. И что? Вуди Аллен, между прочим, женился на приемной дочери своей

супруги!

По закону я ей не дядя, ничего подобного! Спросите Катю, считает ли она меня своим дядей! Когда она уехала в Родез… Моя жена нашла ей там работу, и Катя согласилась — видите, она пыталась бороться с собой. Так вот, в Родезе Катя оказалась в ужасном состоянии — совсем одна, еще не пришла в себя после похорон родителей и сходила с ума от любви ко мне. Мы каждый день общались по скайпу и в Фейсбуке, когда моей мамы… ой, пардон, жены, оговорился!.. когда моей жены не было дома. Катя боялась мою жену, свою родную тетю, потому что чувствовала ее враждебность. И как показало дальнейшее развитие событий, Клер действительно истеричка. Она была не слишком любезна с Катей, все норовила от нее избавиться, выгнать из дома, несмотря на свои родственные обязательства по отношению к ней.

Да, безусловно. Но было уже слишком поздно, в любом случае. Наступает момент, когда необходимо признать очевидное. Смириться с неизбежным. Я люблю Катю, а Клер больше не люблю. Я хочу развестись и жениться на Кате.

Дети? Знаете, я сам с ними поговорил. Они хотят только одного — чтобы у всех жизнь на-

ладилась. Они обожают Катю… Что?… Да, она их двоюродная сестра, при чем тут это? Катя молода, они прекрасно общаются. Развод всех устроит. И это не помешает детям по-прежнему любить свою мать. Если она все же согласится покинуть клинику, мы можем оформить совместную опеку. И для детей так будет лучше, чем навещать ее из-под палки в психушке.

Собственно, к чему я это говорю. Адвокатша Клер убеждает судью, что моя жена больна и требовать развода с ней — значит нарушать моральные аспекты брачного договора. А я думаю, они обе просто-напросто хотят вытянуть из меня побольше денег, потребовать возмещения морального ущерба, а поскольку сейчас у меня недостаточно средств, всячески препятствуют разводу. Но при чем тут болезнь? Клер не больна, не рак же у нее! И она не сумасшедшая, иначе психические отклонения проявились бы гораздо раньше. У нее всего лишь случился нервный срыв — nervous breakdown, с кем не бывает. Но Клер раздула из мухи слона. Она же актриса, не будем забывать, и знает, как это делается.

Да, но она притворяется, что ж вы никак не поймете! Я тоже так умею! Могу вот прямо сейчас пробежаться по улице без трусов и каждому

встречному стану рассказывать, что меня преследуют и хотят убить! Нет, ее единственная болезнь — это ревность, и с ума она сходит только от обиды. Возможно, это будет не слишком деликатное замечание, но главная беда Клер — это возраст, она никак не может смириться с тем, что постарела. Нельзя же отказывать мне в разводе только потому, что у моей жены гормональные перепады! Я хочу нормально жить дальше, Катя мечтает о детях!.. Не мешайте нашему счастью, черт побери!

Да-да, я уже успокоился.

Конечно нет. Никакого морального ущерба, а ее единственный интерес состоит в том, чтобы испортить мне жизнь. В крайнем случае получить компенсацию. Но что я должен ей компенсировать? У нее хорошая работа, друзья, есть чем заняться. Она и без меня прекрасно будет себя чувствовать, сможет найти любовника, особенно если перестанет чудить, выйдет замуж во второй раз — почему нет? Так что я совершенно не понимаю, почему должен платить ей деньги! Но давайте вернемся к цели моего визита. Я принес фрагмент видео из репортажа, снятого в клинике «Ла-Форш», где моя жена… временно проживает. Знаете, их там всех без исключения называ-

ют «пансионерами» в согласии с психиатрией new style[58], всех — психопатов, суицидников, невротиков, санитаров, психологов и кухарок. Всех вперемешку. И поверьте, иногда трудно разобрать, кто есть кто, черт ногу сломит. Да, перехожу к делу. Некоторое время назад я попросил Криса, Кристиана Лантье, телережиссера, который снимал один мой спектакль, сделать репортаж о «Ла-Форш». Он документалист по образованию, так что сразу загорелся этой идеей, к тому же ему давно хотелось поработать в психиатрической среде, и в итоге он вложил в этот проект много сил, погрузился с головой — вероятно, у него были свои причины. Короче, он получил официальное разрешение и в феврале закончил съемки. Не буду вам показывать все, мэтр, я понимаю, что у вас и так дел по горло, но посмотрите хотя бы один отрывочек. Вы позволите подключить флешку к вашему компьютеру? Я, конечно, могу показать на планшете, но у него экран меньше…

Так, минуточку… [*щелк*] Сейчас перемотаю. Вот, эпизод второй [*щелк*]. А, нет, до этого есть еще интересный кусочек [*щелк*], они читают по

---

[58] Примечания: 58
Нового типа (*англ.*).

ролям театральную пьесу, втроем. Это моя жена Клер, видите, миниатюрная блондинка. Еще одна дамочка, с которой она тут спелась. И обратите внимание на того молодого парня, как они с моей женой друг на друга смотрят.

Араминта. Здесь к вам проявят должное почтение, можете не сомневаться; если же в дальнейшем мне самой выпадет случай оказать вам услугу, я непременно им воспользуюсь.

Мартон. Мадам, как всегда, чрезмерно великодушна!

Араминта. Но мне и правда кажется возмутительным, что достойным людям зачастую приходится терпеть нужду, тогда как бездари и ничтожества наслаждаются благами жизни. Особенно тягостно смотреть, как бедствуют люди его возраста. Вам ведь не больше тридцати?

Дорант. Тридцати пока не исполнилось, мадам.

Араминта. Это весьма утешительно – у вас еще есть время сделаться счастливым.

Дорант. Я обрел счастье сегодня, мадам.

[*щелк*] Оценили атмосферу? Ну очень депрессивная, как же!.. Да-да, конечно, они репетируют, о'кей, но позвольте напомнить, мэтр, я режиссер, подмечать такие вещи — моя профессия, и я с уверенностью могу вам сказать, что Клер ведет себя так специально, она надо мной издевается. Посмотрите [*щелк*] еще один фрагмент, совсем коротенький, это снято в парке вокруг «Ла-Форш».

[*Мужской голос за кадром.*]

— Извините, можно вас отвлечь на минутку? [*Люди в кадре — та же троица — дружно кивают.*] Мне бы хотелось, чтобы сегодня вы немного рассказали о себе, если не возражаете. О своей жизни здесь. Вот, например, вы, Клер, давно здесь живете?

— Да. Впрочем, нет, точно не знаю. Многие вёсны. Желтые нарциссы отцвели несколько раз. Кажется, я здесь уже третий сезон. А вы, Крис?

— Э-э-э… я?

— Да, вы. Вы здесь давно?

— В смысле… я… [*В голосе растерянность.*]

— Крис, Крис… Знаете анекдот про психа, который гулял в парке на территории психушки? Нет?

Ну, псих гулял в парке на территории психушки, залез на ограду, выглянул на ту сторону и кричит прохожему: «Эй, вас там много? И что, никого не выпускают?» [*Она весело смеется, остальные подхватывают.*]

[*щелк*] Ладно, стоп, хватит! Вы слышали, мэтр, слышали, как она смеется? По-моему, очевидно, что Клер в полном порядке. Просто потешается над нами, радуется, что всех облапошила. И делает это за счет налогоплательщиков, прошу заметить!

Нет, дальше ничего интересного, все еще хуже. Ну, если вы настаиваете… Выпьем чашу до дна. Однако имейте в виду: моя жена всегда любила дурацкие анекдоты, такие, как этот, вечно рассказывала их к месту и не к месту. Клер не безумнее нас с вами, и вот тому доказательство: рассказывая анекдоты, она как будто ставит заслоны. Играет, притворяется, чтобы оставаться вне досягаемости и держать весь мир на расстоянии. А эти ее литературные цитаты и аллюзии по любому поводу? То же самое! Она бросает нам вызов, не только мне и Кате, но и остальным тоже — вам, судье, всему миру.

[*щелк*]

— Крис, Крис, поснимайте лучше вот это — парк, красоту, свободу. Возьмите крупным планом нарциссы, вот, желтые, видите?

[*Низенький плешивый человечек с сосредоточенным видом проходит мимо группы, приветствует всех взмахом руки и быстро говорит на ходу.*]

— «Лехем» означает «хлеб», и еще «согреться», и еще «плоть».

— Спасибо, Мишель!

[*Группа благодарит хором и машет ему вслед. Кристиан Лантье продолжает диалог за кадром.*]

— Хорошо, Клер, сейчас сниму. Но я так и не получил от вас ответа. Вы не хотите отсюда выйти? Вернуться к прежней жизни, к своей работе, к семье?

— Ах, погодите, у меня есть еще один анекдот, ужасно смешной. Семейная пара, обоим по шестьдесят. Удалились на покой, живут себе припеваючи в уютном домике. Однажды слышат стук в дверь. На пороге стоит пожилая женщина, просит приюта. Супруги тотчас приглашают ее в дом, сажают за стол. Поев, она говорит: «Друзья мои, я добрая фея и в благодарность за теплый прием исполню для каждого из вас одно желание». Муж с женой ахают от радости и удивления.

Первой загадывает желание жена: «Ну что ж, раз уж мы теперь на пенсии и всегда мечтали мир посмотреть, я хочу отправиться с мужем в кругосветное путешествие». — «Без проблем!» — кивает фея. Пш-ш-ш! — в воздухе возникает золотистое облачко, и у дамы в руке два билета на круизный лайнер. «А вам о чем мечтается?» — спрашивает фея старика. Тот чешет в затылке, неуверенно поглядывает на жену, покусывает губу и наконец решается: «Слушай, милая, ты, конечно, будешь недовольна, но, уж извини, другого случая мне не представится, так что была не была! — Поворачивается к фее и говорит: — Хочу жену на тридцать лет моложе меня!» — «Без проблем!» — Фея взмахивает рукой в сторону старика, и — пш-ш-ш! — ему девяносто лет.

[*щелк*] Ну вот, на этот раз все. Видите, что творится? Они же хохочут вместе с ней, просто детский сад какой-то! Меня ее смех с ума сводит.

Парень рядом с Клер? Это психолог, наверное. Как я уже говорил, там у них не разберешь, кто есть кто. И вполне возможно, он ее любовник. Вы заметили, как они друг на друга смотрят? Вам не кажется, что в этом есть намек на близость? На некий тайный союз?

Вторая, та высокая блондинка с пронзитель-

ным взглядом? От этого взгляда как-то не по себе становится. Не помню, как ее зовут. Камилла… э-э-э… Камилла Моран, что-то типа того. Или нет. Понятия не имею, кто она. Вроде бы… А, вспомнил! Да никто. Просто писательница.

Посвящаю эту книгу памяти Нелли Аркан

Примечание от автора

Помимо цитат, получивших в тексте указание на источник, в романе есть реминисценции и заимствования, иногда не очень точные, из произведений А. Арто, Г. Мелвилла, Л. Арагона, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Аркан, Ж. Расина, Д. Винникотта, Дж. Дидион, Г. Флобера, П. Лежена, О. Стейнера, Дж. Джойса, У. Шекспира, Ж. Ренара, М. Дюрас, П. Киньяра, Ж. Лакана, У.-Б. Йейтса, О. де Бальзака, Э. Сиксу, Р.-М. Рильке, Л.-Ф. Селина, Р. Хуарроса, М. Лейриса.